

СТАРЫЕ СОЛДАТЫ УХОДЯТ, А ПАМЯТЬ ОСТАЕТСЯ...

Красноярский край
Иркенский район
село Б. Солба
Савроновой
Евгение Тердеевна
2572 тлевая пол
часть 20ч
Савронов

Предисловие

Война. Народ. Победа.

Эти три слова ёмко и точно выражают суть сурового и героического времени, датированного в истории нашей страны 1941-1945гг.

Это было время Войны. Это было время величайшего напряжения сил Народа, отражавшего самую яркую агрессию в истории человечества – агрессию гитлеровского фашизма.

Большой вклад в Победу внесли наши земляки – Идринцы. На фронтах Великой Отечественной войны сражались 5309 человек, погибло и умерло от ран, пропало без вести 2581 человек. Прошлое уже позади. Все меньше остается фронтовиков – они уходят в мир иной. Но мы должны чтить и помнить их. Старые солдаты уходят, а память о них должна остаться.

Электронная книга Памяти редкая и уникальная по своему содержанию. В ней воедино будут собраны статьи – воспоминания о фронтовых дорогах наших земляков - участников Великой Отечественной войны 1941-1945г.г. и материалы, опубликованные на страницах газеты «Идринский вестник».

Отдельный блок книги Памяти будет посвящен воинам – интернационалистам и участникам локальных войн.

Основная задача Электронной книги Памяти наиболее полно сохранить для будущих поколений свидетельства прошедшей войны и беспримерного подвига нашего народа.

Мы будем благодарны всем, кто внесёт вклад в создании Электронной книги Памяти.

Свои материалы о земляках - участниках Великой Отечественной войны, участниках локальных войн вы можете принести в библиотеки района и краеведческий музей им. Н.Ф. Летягина. Материалы можно отправить по электронной почте idrabisib@yandex.ru idramuzei@yandex.ru

Все оригиналы документов по желанию возвращаются владельцам.

ЧТО ТЫ ПЛАЧЕШЬ, СОЛДАТ?!...

Казалось бы, об участниках сражений Великой Отечественной войны нашего района написано уже немало. Много в их военной биографии схожего, но в каждой судьбе есть что-то свое, особенное, познавательное и интересное для молодого поколения.

Леонид Давыдович Гагаркин встретил Победу на Эльбе... утро нового дня только что наступало, он обещал быть солнечным, теплым. Поэтому весть о конце войны особенно была радостной и торжественной. Но, чтобы приблизиться к этому счастливому дню, солдату пришлось пройти немалый и трудный путь по фронтовым дорогам.

Отсчет военной биографии у Леонида Давыдовича начался после первого года срочной службы в армии, которая проходила на Дальнем Востоке в местечке Сергеевка. Слухи о войне давно уже ходили по гарнизонам и частям, но все надеялись на договор о ненападении. Однако между собой солдаты и высшие чины, обсуждая этот вопрос, делали вывод, что не надежен этот документ, и надо готовиться к худшему. И все-таки весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз оказалась, как гром среди ясного неба.

После формирования части, где служил Леонид, в Горьковской области, он попал в разведку, не раз ходил в тыл к врагам, участвовал в добыче «языков», потом был в запасном батальоне, участвовал и в боях на знаменитой Курской дуге, где собственно и произошел перелом в войне. Здесь на поле боя соединились танковые дивизии и нанесли сокрушительный удар врагу.

Помотался солдат по разным фронтовым дорогам, немало испытал и повидал, повоевал разным оружием. Был Леонид и танкистом. Пригодилась ему мирная профессия тракториста. Классный из него получился механик-водитель на боевой машине Т-70. Это один из легких танков. Но пришлось солдату видеть в деле и наш тяжелый танк «Клим Ворошилов», а на параде в Берлине, выпущенный уже в конце войны – мощный «Иосиф Сталин».

Не раз Л.Д. Гагаркину в период боевых сражений приходилось быть на волоске от смерти. И только хорошее владение техникой, умелое маневрирование машиной спасало его и весь экипаж от гибели. Рассказывая все это, старый солдат, сейчас Леониду Давыдовичу 81 год, не скрывает слез. Смотрю на него, и вспоминаю своего отца, тоже солдата Отечественной, прошагавшего пол Европы, но выжившего. Он тоже не мог сдерживать слез при рассказе о войне. Видимо, так трудно об этом вспоминать, не выдерживают нервы, плачет душа.

Помотало Л.Д. Гагаркина по разным фронтовым дорогам, как в той песне: «Вьется пыль под сапогами, полями, степями, а кругом бушует пламя, да пули свистят». И так все три года, пока он со своей частью дошел до Эльбы. Что ты плачешь, солдат, хоть сто раз умирал, но ведь выжил?

А сколько народу полегло, дружков фронтовых, товарищей, с дрожью в голосе говорит Леонид Давыдович, сколько на пути продвижения наших войск одиночных и братских могил, к которым не смогли припасть, чтобы оплакать, матери и вдовы. Гибли ребята и уже в последние часы, минуты войны. Таких особенно было жалко.

Солдатская дружба крепка, омытая кровью, опаленная огнем - вдвойне. Поэтому Леонид Давыдович до сих пор вспоминает своего друга, который не

раз его выручал в трудные минуты, долго искал после войны: запросы слал, письма писал, но так и не дождался ответа. Или голову сложил его дружок, или уехал куда далеко.

А так хотелось встретиться, - сетует Л.Д. Гагаркин, - поговорить, повспоминать, помянуть боевых товарищей. Но, видно, не судьба.

Среди участников Великой Отечественной войны нашего района немало очевидцев Парада войск на Красной площади. Леониду Давыдовичу довелось побывать на Параде в Берлине. Незабываемый был день, как и то памятное утро на Эльбе, когда пришла весть о Победе. Трассирующие в небо выстрелы, крики ура, смех, слезы все перемешалось в тот миг. И радость, что хотя и трижды раненый, но остался жив.

Еще целый год Леонид Давыдович служил водителем в НКВД, вернулся домой в 1946 году. А здесь нелегче было, голод, разруха. Боевую машину сменил на трактор, пахал, сеял. Семья само собой, вот уже 55 лет прожил он со своей Пелагеей Ивановной, взрастили дочь, есть внучка и уже два правнука.

Вроде бы мирная жизнь сложилась, хотя поработать пришлось немало. А вот война не забывается, хотя нынче уже 56 годовщину со дня Победы будем отмечать. Но свежи в памяти солдата Отечественной многие эпизоды тех нелегких огненных лет, которые яркой вспышкой взрывов до сих пор опаляют мозг, и картины фронтовых дорог встают одна за другой, как и сегодня при беседе со мной.

Например, Леонид Давыдович четко помнит, что в наступление наши пошли, когда управление войсками возложили на маршала Жукова.

- Талантливый был военачальник, - говорит Леонид Давыдович. - Своими умелыми действиями спас немало солдатских жизней.

Вот и снова радостный, великий День Победы! Хотя заметно поубавились ряды ветеранов Великой Отечественной, но по-прежнему они в строю, не убавилось у них наград на праздничных костюмах. Среди них и герой моего рассказа Леонид Давыдович Гагаркин, выполнивший в 1941-1945 годах долг перед Родиной до конца.

Л.Вохмянина

А НАДО ЖИТЬ ПО ПРАВДЕ

Мы встретились с Зиновием Трофимовичем Шелдыгашевым на старой мельнице, куда он привез на Муравье несколько неполных мешков с зерном на размол. Выглядел он крепким сибиряком и на вид ему не дашь и восьмидесяти, хотя уже пошел девятый десяток.

Как старые знакомые сельчане, мы разговорились. Я по работе помнил его еще кузнецом в колхозе, а он успел поработать еще и мельником, и пилорамщиком. Дотошный и смекалистый Зиновий поставил на селе мельницу с жерновами и работал на ней пока и мельница, и он сам не

состарились. Председатель колхоза Николай Федорович Казорин (теперь он по другому именуется — председатель акционерного общества), решил заменить старую мельницу с дедовскими жерновами и узкими трапами, по которым мужики таскали на горбу мешки с зерном, на новую вальцовую с засыпным бункером, норями и ситами для высокосортной и второсортной муки.

Жизнь на селе менялась и ветеран сожалел о том, что коротки у человека годы. Не успеешь доделать задуманные дела, как наступает эта коварная старость. А жить так хочется, увидеть и быть свидетелем крутых переверотов и удивительных свершений.

В уютном дворике Зиновия мы беседовали задушевно и долго и он поведал о своей судьбе, о своей доле, доставшейся ему на этом свете, о людях, об их делах.

Родился и вырос Зиновей в Большом Телеке и так нигде бы и не побывал кроме, своего села, если бы не армия и не война. Призвали его на службу в тридцать третьем году и до тридцать пятого топал со своим взводом по Уссурийской земле на Дальнем Востоке. После армии женился на деревенской девчонке проворной и работающей. Со временем Лепестинья Ионовна нарожала ему четверых детей, из них трое довоенных.

Началась война и Зиновей, как положено, взяли на фронт и сразу пулеметчиком он попал на передовую Калининского фронта под город Велиж Смоленской области. В 1943 году, участвуя в Ржевско-Вяземской операции, освобождал город Ржев. Жаркие были бои, Зиновей и сам удивляется, как только остался живой. После госпиталя попал в 16-ю гвардейскую прорывную дивизию и зимой увезли на Москву, затем на Малоярославец. Фрицы, как только узнали, что перед ними гвардия, то заволновались, и, не выдержав натиска нашей дивизии, драпанули от нас. Освобождали город Борисов. Затем нелегкие дороги войны привели в Польшу, в Литву и закончилась военная эпопея для рядового Зиновия Шелдыгашева в Восточной Пруссии. Невольно был свидетелем гибели генерала И. Д. Черняховского, тяжело раненого в феврале в районе города Мельзак, уж очень кровопролитные бои шли тогда.

После капитуляции фашистской Германии дивизию, где служил Зиновей, готовили для отправки на Восточный фронт с Японией, но отложили. А осенью 1945 многих фронтовиков мобилизовали и они поехали домой. Зиновий тоже вернулся и радость в семье была большая, как же, вернулся солдат домой живым. Как усидишь без дела, когда рабочих рук не хватает. И снова, вместо автомата и гранат в его руках оказались кузнечные щипцы, молот и звонкая наковальня. Куда приятнее слушать звуки кузнечного оркестра, чем вой сирен, взрывы снарядов, да свист пуль. Вот так и проработал бывший гвардеец кузнецом до 1975 года.

А в это время в колхозе разворачивалось большое строительство и очень нужны были понимающие, толковые люди. Вызвал председатель колхоза Александр Дмитриевич Мушаков Зиновей в контору и просит его

пойти на пилораму. Согласился и вот двенадцать лет вкалывал пилорамщиком, даже сейчас руки в плечах болят от тяжелых противовесов.

Я спросил Зиновия: Помнит ли он строительство электростанции в колхозе?

— Как не помнить, когда сам ставил электростанцию. Жаркие тогда были денечки. Председатель колхоза Иван Фомич Плиговка руководил всеми этими делами, настойчиво добывал локомотив, провода, всякое электрооборудование, а листовые столбы колхозники возили зимой из Романовки. Тогда электриком в хозяйстве работал Назарцев и мы запускали все вместе эту электростанцию. Тогда со мной работали Виктор Вожгунов и Иван Парфенович Садовский. Доброе дело сделали, море огней разлилось вечерами над селом и колхозники упрятали подальше керосиновые лампы и свечи. Затем и радио провели, Москву и Красноярск стали слушать, на улице репродуктор повесили.

Но почему-то не всегда везло колхозникам на председателей, много их перебивало за эти годы, но первого помню — это Василий Алексеевич Моховой. Он налаживал работу на первых порах. Хорошо запомнился колхозникам председатель Рыженков, грамотный, умный был человек и делал он все, чтобы колхозники жили хорошо. По восемь килограммов зерна выдавал на трудодень, по осени, когда был выполнен план хлебозаготовок. Машинами привозили во двор колхозников зерно. Да вот, не пришлось ему у нас долго поработать. Приехал первый секретарь райкома к нам в колхоз и заставляет сдать еще 800 центнеров зерна, иначе заберет от нас председателя. Но мы не пошли на такую провокацию и не сдали зерно, тогда от нас забрали председателя и отправили в другой колхоз в село Новоберезовку. Оттуда его взяли на фронт и там он погиб. Жалко было мужика.

Потом привозили всяких людей и предлагали колхозникам на должность председателя. Однажды появился у нас человек из другого района и районное начальство стало знакомить его с делами колхоза. Привезли на зерновой ток, а там кучи пшеницы, кучи отработанного сорняка. Бабы руками клейтоны и веялки крутят, перерабатывают зерно. Подошел этот кандидат в председатели и спрашивает:

— Это что за культура и почему вы не сдаете зерно государству?

— Да это же не пшеница, а карлык, его государство не берет.

— Почему?

— Потому что это сорняк, — ответили женщины.

Поняли колхозники, что этот человек далек от колхозных дел, в торговле работал. А вот такие председатели колхоза как Л. М.Балашов, А. Д. Мушаков, А. И. Королев запомнились.

Широкий размах в укреплении колхоза сделал Александр Григорьевич Бондаренко. Много было построено: коровников, телятников, школа, клуб обновился, колхозная контора, магазин, столовая, детсад. Появилась на селе новая улица Молодежная. На полях исчезли сорняки в посевах, урожай зерновых и кукурузы повысился. Упорядочилась дисциплина среди

колхозников из года в год хозяйство стало выполнять планы по зерну, молоку, мясу, шерсти. Появились доярки - трехтысячницы. Колхозу вручили краевое Красное Знамя и денежную премию. В районе это было передовое хозяйство. Жаль только, что его от нас за брали, добрый был председатель.

Ветерану непонятно, почему все это стало меняться? Начали делить землю на пай, на каждого колхозника. Зиновею вместе с женой досталось 12,5 га земли.

— Вы думаете, что я ее возьму и стану обрабатывать? Мне такое непосильно, я не могу ее обиходить, где я возьму технику, семена, горючее, на какие шиши? А потом торчать на ней день и ночь и ждать у моря погоды. Нет, у нас никто из колхозников не взял свой пай земли.

Если в колхозе засевают тысячи гектаров зерновых и кормовых культур, вовремя убирают, держат сотни голов скота, дают возможность накосить для своей коровы сено, если люди привыкли работать сообща и получать все, то зачем им мучиться со своим фермерским хозяйством?

В разговор вступает жена Зиновея.

— Это значит шиворот - навыворот получится. Те же штаны, только пуговками назад. Та же земля, только единолично ты трудись до седьмого пота.

К нашему разговору присоединяется соседка Зиновея.

— Вот вчера привозят ко мне колхозное молоко и просят купить двадцать литров. А я молоко не употребляю и отказываюсь брать.

Зиновею уточняет:

— Это наши колхозы за бастовали и не сдают молоко на маслозавод дешево принимают, кажется по 35 рублей за литр. Это просто разорение, бутылочка газировки стоит в два-три раза дороже.

Опять в разговор вступает соседка:

— Какой-то вредной водкой стали торговать у нас в селе, от нее мужики дураками становятся. Какой-то спирт разбавляют и продают по дорогой цене. Разве можно так спаивать людей?

Встревоженной женщине разъясняем, что вышел указ президиума о запрещении торговли частным лицам алкогольными напитками.

— О, господи, и до чего мы доживем. Пережили войну, жизнь наладилась, детей нарожали, думали, что хорошо заживем, а вышло наоборот, — сожалеет жена Зиновея. — Без горя не проживешь. Потеряли мы двоих сыновей. Старшего Николая бандиты убили, служил он на катере на Востоке, на пятнадцатые сутки его прибило волной к пирсу. Семья осталась, дети без отца. А какой парень был хороший, в клубе на баяне играл.

Другой сын Василий работал трактористом в Ен-совхозе и за хорошую работу директор отдал старый трактор. Вася его восстановил и работал на нем в поле. Да вот нашлись завистники, не дали ему работать, ночью разграбили его трактор по частям и остался он без машины. С горя заболел Василий и не долго пожил, умер, осталась семья без отца.

Дочь Мария с семьей живет в Черногорске, а здесь в Большом Телеке Александра осталась, замужем за Шарковым.

Зиновей, как истинный крестьянин, глубоко вздохнув, деловито заговорил:

— Развал какой-то идет по стране никакого порядка нет. Наверху борются за власть, а рабочему люду от этого нисколько не легче. Товары и продукты дорожают, а зарплата мала, да и ту вовремя не дают. Свое производство никак наладить не могут, стараются из-за границы завозить все. Так жить негоже. При такой свободе люди стали другими, появилось воровство, грабежи, воюют, убивают. Кому нужна такая свобода? А с землей что делают, раздают в частную собственность. Набрали частники земли и не справляются с ней, сорняками зарастает. Разве это по-хозяйски? По радио долдонят о приватизации, хотят распродать землю кому угодно — это не дело. Значит, плохи у нас управители в государстве, коль к народу не прислушиваются.

Старый ветеран, повидавший на своем веку и хорошее, и плохое в жизни обеспокоен:

— Как дальше жить будем, когда крестьянин получает копейки по сравнению с теми, кто ничего не производит, но наживает миллионы? Я знаю, что жить надо по правде, даже если она, правда, кому-то не нравится и мешает.

Встревожен крестьянин, прошедший школу войны, колхозного строя и оказавшийся так неожиданно по другую сторону собственности, не государственной, а частной, капиталистической.

М.Гуров

В БОЮ И В ТРУДЕ

Николай Данилович Денисенко, мой односельчанин, родился в Куреже в 1925 году в большой семье. У Данилы Ивановича и Софьи Алексеевны было девять детей. А дед Николая приехал в Куреж с Украины из станицы Мutowка Полтавской губернии в надежде найти на просторах Сибири хорошую жизнь.

Здесь, в Куреже, ему выделили десять десятин земли. Он обзавелся живностью: приобрел лошадей, коров, а с годами купили жнейку, косилку, барабанную молотилку-кустарку. Семья считалась середнячком.

Перед коллективизацией Данила Иванович в колхоз не пошел. Хозяйство его забрали, и машины, и лошадей, и коров, и даже две сотни кроликов увезли. Данила с женой и ребятами уехали на рудник «Коммунар». Но там им не дали прописку и пришлось ехать в Ширинский район. Там приняли в колхоз. Мать работала на свинарнике, а Николай с братом пасли свиней. За четыре года в колхозе они зарекомендовали себя как добросовестные работники и им дали из колхоза стельную телку. На вырученные деньги покупали ребятам обновки. Потом семья переехала в Новоивановку. Там тоже работали в колхозе. Николай закончил 7 классов.

В Куреже была председателем сельского Совета Ксения Емельяновна Торжевская. Она уговорила семью Денисенко переехать в это село. Им дали домик на краю села, и снова работа в колхозе. Это был уже 1936 год. Николай выполнял в колхозе любую работу, а когда началась война, то работал наравне со взрослыми.

В октябре 1943 года военкомат выписал всем ребятам повестки. Николай вместе со всеми прибыл в Абакан. Затем новобранцев увезли в Ачинск. Здесь сформировали из наскоро обученных солдат эшелон и увезли под Харьков.

— Выгрузились и пять километров маршем до передовой. Заняли указанную высоту и окопались. Моросил холодный дождь, и ночью в окопах было холодно. По привычке ребята закурили, и огоньки сигарет немцы засекали. Тут же ударила их артиллерия, и снаряды рвались в наших окопах, разбрасывая в стороны клочья шинелей и новобранцев. Это уже был настоящий фронт. 2-й Украинский, и мы почувствовали его дыхание. — рассказывает Николай Данилович. — Командованием был разработан план нашего наступления на Криворожском направлении. Фашисты укрепили оборону города и хвастали: «Сегодня наш «Ванюша» будет играть, а ваша «Катюша» плясать!» Это они свой шестиствольный миномет так называли и упорно охотились за нашей реактивной установкой. Но захватить эту «Катюшу» немцам так и не удалось, а их «скрипуна Ванюшу» наши танки давили.

Перед наступлением наша армейская разведка хорошо поработала, приволокли от немцев «языка» и узнали от него расположение огневых точек, дотов, траншей. Рано утром наши подразделения, после артиллерийской обработки укреплений противника, пошли в наступление. Но первая атака была остановлена сильным огнем со стороны немцев, и мы не смогли прорвать оборону. Пришлось отойти на свои позиции, а наши командиры, выполняя приказ, подняли взводы и роты в атаку. Снова мы бежали на траншеи врага, стреляя из винтовок. Но и вторая атака захлебнулась.

В то время я был помощником командира взвода, и лейтенант посылает меня пройти по окопам и уточнить наличие бойцов во взводе. Обойдя все окопы и укрытия я уточнил, что от нашего взвода осталось двенадцать человек способных оружие в руках держать. О чем я и доложил лейтенанту. Вечерело, я торопился, перебегая по плантации кукурузы, раздвигая высокие стебли руками, при этом они шевелились. Немецкий снайпер это заметил. Он подждал, когда я выскочу на открытое место, и ударил разрывной пулей. Почувствовав тупой удар в левую руку и в бок, я упал и от боли потерял сознание. Утром меня подобрала санитары и отвезли в полевой госпиталь. Это был для меня последний бой. Хорошо, что живой остался, могло быть и хуже. С войны не все возвращались.

В Полтаве два месяца лежал в госпитале, но улучшения не было, и меня вместе с другими ранеными отправили в Уфу санитарным поездом. Отъехали мы от станции поздно вечером. В теплушке ребята затопили «буржуйку». Из трубы на крыше вагона начал вылетать огонь, в других вагонах то же самое. Это привлекло внимание немецкого летчика. Слышим, гудит самолет, по звуку немецкий. Раздвинули дверь и видим, звездочка в небе к нам приближается. «Сейчас бомбить будет! — кричу ребятам. — Гасите печку!» Точно, над поездом фашист бомбу бросает. Машинист успел быстро остановить поезд. Взрывами разнесло первые вагоны, а у нашего сорвало крышу и одному человеку голову оторвало. Но все же до Уфы нас довели. Пролежал, я там до осени 1944 года, а в октябре меня выписали, признав, что не годен воевать. Поехал домой.

Утомили ветерана воспоминания о войне. Некоторое время мы молчим, успокаиваемся от нахлынувших чувств.

— Первое время в школе военруком определили, затем вместе с Арсентием Палатовским уехали в Краснотуранск на курсы трактористов. Через три месяца на колесных тракторах ХТЗ пахали, боронили и сеяли, в уборку комбайны «Сталинец» двойной тягой таскали по полям, хлеб убирали. Бригадиром тракторного отряда был Константин Яковлевич Бова. Тогда работали не как сейчас, день работали, а ночь прихватывали, техника не перегревалась и лучше работала, ночью. С приходом фронтовиков женщины-трактористы и комбайнеры уступали им место. Бова Александра Тимофеевна, Величко Мария Григорьевна стояли у штурвалов комбайнов и обмолачивали хлебные полосы в военное время.

На полях «Красного украинца» работало три тракторных отряда. Бригадиром были фронтовики, первый отряд мне достался, вторым командовал Яков Яковлевич Корчма, третьим — Иван Ерченко. Урожай мы получали отменные, и нас награждали. Мне вручили свидетельство «Лучшему бригадиру тракторной бригады района». Секретарь райкома партии Сафронов крепко пожимал нам руки.

В 1958 году председатель колхоза В.З. Рожкевич взял меня к себе заместителем, и я понемногу приобщался к организаторской работе. Знаний было маловато, и пришлось ехать на учебу в Минусинск в совпартшколу. В

1963 году меня избирают председателем колхоза «Искра» в селе Еленинск. Десять лет беспокойной работы — срок не малый. В 1973 году меня направляют на работу директором Идринского маслозавода. Затем по решению бюро райкома в Идринский совхоз, где работал главным агрономом. В 1985 году выхожу на пенсию. Но сидеть дома не в моем характере, и еще десять лет я работал в СХТ мастером. Время летит незаметно с годами накапливается усталость, но в душе ветерана неиссякаемый источник бодрости и энергии. Умудренный большим жизненным опытом, ветеран мог бы еще ворочать делами, но... Я расспрашиваю Николая Даниловича о семье, детях, внуках.

— Золотую свадьбу мы отметили 7 ноября 1995 года. Пятьдесят лет назад посватал я хорошую дивчину Стешу Книжниченко, и она вышла за меня замуж. Нарожала мне четверых детей, но сейчас оста лось только двое — Валентина и Михаил. Внуки есть. Выходит, что не зря мы жизнь прожили.

Будучи председателем районного совета ветеранов войны и труда. Николай Данилович обеспокоен положением дел в ветеранских организациях. Наступают отчеты и выборы, будут подводиться итоги работы за этот год. А год этот знаменателен — это год пожилых людей. И забота о них не должна откладываться ни на один день, мало времени у ветеранов, постоянно им нужны внимание и помощь. Ветераны заслужили это.

Беспокойный характер у Николая Даниловича, не может он спокойно себя чувствовать, когда столько нерешенных вопросов у ветеранов. Жаль, что жизнь коротка!

М. Гуров.

В БОЯХ ЗА КАВКАЗ

Яков Яковлевич Корчма отслужил кадровую еще до войны и вернулся в свое родное село Куреж. Не растеряв армейскую выправку, он чувствовал себя сильным и смелым парнем, многие дивчины на селе заглядывались на него. Но приглянулась одна, и, не теряя времени, они поженились. Вскорости, у них родилась дочурка, похожая на отца. И все бы хорошо было, да вот беда началась финская война, и 12 февраля 1940 года Якова снова призвали в армию.

В Уфе резервистов определили в стрелковый полк, Яков попал в пулеметную роту. Здесь бывалых солдат долго не задерживали и в мае увезли в Армению поближе к турецкой границе. За городом Ленинаном воздвигались военные укрепления, солдаты отрабатывали полевые учения и техническую часть.

— Когда началась война с фашистской Германией, — рассказывает ветеран, — наш 768 горно-стрелковый полк по военно-грузинской дороге направили в Орджоникидзе. Замысел врага по овладению Кавказом состоял в том, чтобы окружать и уничтожить советские войска и парализовать базы Черноморского флота, установить непосредственную связь с турецкой армией.

— Фашистские войска заняли Керчь, Феодосию, и наш горно-стрелковый полк перебазировали в Туапсе. Готовилась десантная операция по освобождению этих городов войсками Закавказского фронта, Черноморского флота и Азовской флотилии. Этой операцией руководил генерал-лейтенант Д. Т. Козлов. Замысел командования предусматривал одновременной высадкой войск окружить и уничтожить керченскую группировку противника. Главный удар 44-я Армия наносила в районе Феодосии.

— Помнится, рано утром, 29 декабря 41 года мы погрузились на боевые корабли и транспортные судна и в штормовую погоду вышли в море. Противник тоже не дремал и обстреливал наши корабли с моря и воздуха. Немецкие подводные лодки нагнали и охотились за нами, а самолеты постоянно бомбили. Наш катер кидало как щепку, и мы с тревогой жались друг к другу и поглядывали в морскую пучину, никому не хотелось оказаться в холодной воде.

На подходе к берегу усилился артобстрел, но мы прыгали в воду и с полной выкладкой выбирались на берег, не обращая внимания на сильный огонь противника. Падали ребята, то убитыми, то ранеными, а наш командир, старшин лейтенант Ковтун подбадривал:

— Смелее ребята, вперед! Плацдарм за нами, враг отступает!

Яростная атака десантников не знала предела, и вот уже в траншеи врага полетели гранаты, а мы с правого фланга открываем огонь из пулеметов по убегающим фашистам. В пулеметном расчете я был вторым номером и подносил диски с патронами. Бой шел до самого вечера, наши подразделения дрались на окраине Феодосии, и фрицы, не выдержав такого натиска, поспешно отступали. Город был взят.

Части 44-й Армии начали наступать в северном направлении на Керчь. Там уже дрались с врагом войска 51-й Армии, и им нужна была поддержка.

— Наш полк повел наступление на станицу Владиславовка. Фашисты усиленно оборонялись, нам пришлось идти в обход станицы. Тут немцы не выдержали и поспешили удрасть.

2 января 1942 года наши войска очистили от врага Керченский полуостров. В самом последнем сражении недалеко от Владиславовки на

станции «Семи колодцев» фашисты усилили обстрел из орудий и минометов по наступающим.

— Нам дали задание уничтожить артиллерийские батареи неприятеля, и мы с автоматчиками пошли в наступление. Выбрали небольшую возвышенность и залегли. Автоматчики рассыпались в цепь и быстро продвигались вперед. Сержант ударит из пулемета по скоплению фашистов на батарее, а те засекли наш пулемет и стали бить из зениток. Над нами рвутся снаряды и нас засыпает осколками. Вжимаемся в землю в надежде на спасение, но разве от шрапнели спасешься. Снаряды яркой вспышкой лопаются над нами и осыпают осколками. Как жгучие осы они впиваются в голову, руки, ноги.

Пулемет замолк и сержант кричит:

— Ну что ты там, Яков, давай скорее диски!

А я не могу встать, даже ползти, кровь залила лицо, ноги не двигаются.

Сержант поднимает пулемет, хватает диски и убегает вперед. Он кричит санитарам:

— Корчма ранен в ноги, подберите!

Вскоро подняли меня и поволокли на перевязку в санчасть. Затем переправили в Керчь, а там пароходом в Новороссийск. Здесь тоже пробыл недолго, увезли в Ставрополь.

Долго советовались хирурги, что делать с моим глазом. В него впился бронзовый осколок, и магнит его не берет.

— Вот так, солдат. Будем удалять глаз, иначе ослепнешь на оба.

До мая 42 года находился я в госпитале, а когда выписали одноглазого солдата, то домой не отпустили, а направили в оздоровительный батальон, затем в мостостроительный, был даже регулировщиком в дорожном батальоне.

Стояли мы в горах за Новороссийском, а когда освободили Кубань в 43 году, то переехали в Краснодар, в Ахтырку, в станицу Северская.

И вот, неожиданно, наш батальон отправляют в Иран, для охраны военных и продовольственных грузов, поступающих по лендлизу из США в Союз.

— От Тегерана до города Пехлеви проходили по шоссе дорожные грузы, — рассказывает Яков Яковлевич, — и мы постоянно круглые сутки производили проверки и досмотры, охраняли от грабителей, воров и диверсантов. На проверочных постах пропускали машины то в одну сторону, то в другую. Здесь мы пробыли до августа 43 года. Затем наш батальон переправили в Пятигорск и мне доверили работать на мощном бульдозере, делали дороги.

Уже война закончилась, а нас все еще не отпускали домой и только в феврале 46 года дали документы о поездке в отпуск.

Но когда я приехал на свою родину, то в колхозе нашлась работа. Сразу учетчиком в тракторном отряде, а затем бригадиром тракторной

бригады. Всем известно, как работали в то тяжелое послевоенное время в колхозах.

Яков Яковлевич морщится и поглядывает на тумбочку с лекарствами.

— Теперь уже не могу обойтись без валерьяны и сердечных. Фронтные раны дают о себе знать и давят на здоровье.

До 69 года держался на работе бригадиром и чертовски устал, ушел в гараж, затем на водокачку. Хотя давно бы можно побыть дома на отдыхе, да совестно как-то сидеть без дела, когда в колхозе дел невпроворот.

— В нашем колхозе «Красный украинец» было две тракторных бригады. Одну возглавлял Иван Сергеевич Ерченко, тоже фронтовик, танкист, на протезной ноге ковылял, а все работал. А в другой я. В каждой бригаде по 6-7 тракторов с набором сельхозтехники, и мы еще в апреле выезжали за «Байтак» на прибивку влаги. Все участки земли в «Сухом Куреже», на «Окзи» и за «Байтаком» успевали обрабатывать, сеять и убирать урожай. Очень добросовестные комбайнеры были в нашей бригаде. Это П. Ярошенко, Ф. Жицкий, П. Величко, Г. Олейников. Вместе со штурвальными Марией Величко, Анной Ярошенко успевали убирать хлеб до снега.

Горючевозы всегда успевали вовремя подвезти на лошадях горючее и масла. Это Трофим Дудник, Анна Пупасова, Александра Дудник, Владимирова. А на «МК- 1100» обмолачивали снопы осенью, а бессменным машинистом на ней работал Мефодий Александрович Усенко. Многих уже нет с нами, но вспоминаются они, память о них еще жива. На таких вот колхозниках и колхоз держался. Это живая история нашего села.

М. Гуров

ВETERАН ВОЙНЫ

Виктор Иванович Глухов - коренной сибиряк, родился и вырос в сибирском село Идринском. Отец его, Иван Кузьмич, вместе с семьей, в которой было семь ребятишек, приехал в Сибирь из Тамбова. Самым старшим был Родион, а младшим - Виктор.

Обосновавшись в Идринском, занимались земледелием, держали на подворье скот, а когда организовались колхозы, то вошли в него всей семьей. Виктор был еще мал, но помогал в колхозном деле: на лошадях возил копны, боронил, пахал, старался выполнить норму выработки. Например, вспахивал по гектару пашни. В тринадцать лет работал молотобойцем в кузнице. Уставал, но молодость брала свое, и он вечерами бегал на топтогон, где играла гармошка и плясали девочки.

Старших братьев призвали в армию, а в 1940 году пошел служить и Виктор, ему исполнилось 20 лет. В этот год многих ребят Идринский РВК направил на службу в ряды Вооруженных Сил. Большой обоз из лошадей увозил новобранцев из села в город Абакан, затем поездом отправили на Дальний Восток. На железнодорожной станции Семеновка остановились.

Здесь находился военный городок авиачасти, и парни, приняв присягу, обслуживали аэродром.

И вот 22 июня 1941 года неожиданно началась война на западе нашей страны. На востоке хотя и не воевали, но было тревожно. Ветеран рассказывает:

- Нашу воинскую часть погрузили в вагоны и ночью отправили на станцию Гродеково. Там находился 157 артиллерийский полк, где на вооружении были пушки-гаубицы. Каждую пушку обслуживали одиннадцать человек и возили ее на лошадях. На батарее под первым номером ездовым был мой земляк Ирекаев Андрей Варфоломеевич, а я на пятнадцатой батарее.

Полк подтянули поближе к границе, и начались ежедневные учения. Через некоторое время в наше распоряжение поступили ХТЗ «Нати», работающие на керосинке, и меня, как тракториста, послали возить на тракторе пушки.

За горой граница, там расположены японские заставы, и мы были в постоянной готовности. Закончилась война с фашистской Германией, и к нам стали прибывать воинские эшелоны с техникой и солдатами. 9 августа 1945 года началась война здесь, на востоке. Мы перешли границу, и наши части без артподготовки пошли в наступление. Для подкрепления нашего полка были приданы два танка Т-34.

Первый Дальневосточный фронт под командованием маршала Советского Союза К.А. Мерецкова вел наступательные бои на Квантунскую армию японцев, и полк, где служил Глухов Виктор Иванович, продвигался на города Мулин, Мудодзян и Харбин.

- Впереди нас, - рассказывает ветеран, - шли разведчики, и после них японские заставы оказывались пустыми, порою оставалась только сваренная каша, которую самураи даже не успевали съесть. Нам не выдавали сухой паек, и мы прихватывали японские галеты и с осторожностью пили воду из протекающих источников. Когда останавливались на ночь, то выставляли дозоры. Нередко самураи вырезали их, и завязывалась перестрелка. Однажды мы поднимались по дороге в гору, я на тракторе тащил прицеп, пушку, и от нагрузки радиатор перегрелся, запарил. Пришлось остановить трактор. Вдруг сзади раздалась автоматная очередь, мимо меня пробежали артиллеристы. В пятидесяти метрах от трактора лежал убитый самурай, а рядом с ним взрывчатка и гранаты. Мне повезло!

Не обходилось и без встречи с засадами японских вояк, которые обстреливали нас из пулеметов, не давая нам возможности продвигаться вперед. Мы тогда разворачивали пушки и били прямой наводкой. А когда продвигались через густой лес, то танки проделывали нам дорогу, сваливая и выворачивая с корнем деревья. Однажды по неосторожности погиб командир танка, лейтенант - его пришибло падающим деревом.

Мы уже прошли город Мулин, приближались к Мудодзюю, но тут нам преградил дорогу взорванный мост через реку. Вдобавок японцы взорвали нефтесклад, и горючее огненной массой плыло по реке. Наши самолеты на

бреющем полете обстреливали японских солдат и отгоняли их от моста, где наши саперы наводили переправу.

В этих коротких боях мы дошли до Харбина и вошли в него. Здесь расположились в казармах, но ненадолго. Через месяц полк погрузили на платформы и отправили во Владивосток. Конец войне! Наконец-то будем жить мирно!

Эта война была короткой, она длилась 23 дня, но все-таки это была война и в нашем полку не досчитались два десятка солдат, и лежать они остались на чужой земле. Война есть война! Потом на пароходе отправили наш полк на Камчатку. Когда плыли, то нас сопровождали катера, они прокладывали путь через минные заграждения. Пароходы, загруженные пушками и боеприпасами, а также людьми, шли до места семь суток. А на полуострове нам дали американские «студебеккеры» возить грузы. Мы были военные водители 29 автобатальона.

В сентябре 1946 года нас снова увезли во Владивосток. Ребят старшего возраста отправили домой. Ровно через год после войны я возвратился в свое село и сразу за работу в колхозе «Искра». Здесь я снова работал шофером на машине ЗИС.

Встретил хорошую девушку Машу Сарычеву и посватал ее. Поженились, в ноябре 1947 года сыграли свадьбу. Вырастили троих детей.

Большим событием для нас, фронтовиков, является праздник 9 мая - День Победы. Пусть фронтовики поднимут бокалы вина за нашу Победу!

М. Гуров

ВETERAN ИЗ ТОБОЛКИ

Небольшая деревушка Тоболка, расположенная рядом с большим селом Никольское - родина ветерана войны Харитона Степановича Маклакова. Возможно, название ее произошло от тобольских переселенцев, которые приехали на благодатные земли Сибири в отрогах Саян и тут обосновались. Отец его, Степан Александрович и мать Анастасия Константиновна, а также трое братьев и сестра занимались хлебопашеством, держали в своих подворьях домашний скот.

Когда наступила коллективизация, в деревне образовался колхоз «Новое хозяйство». Позднее он вошел, в порядке укрупнения, в Никольский, колхоз имени Ленина. Маклаковы трудились на разных работах, а Харитон, окончив школу, начал работать секретарем сельского совета. Прошло два года и Харитона призвали на службу в вооруженные силы. Вместе с ребятами Матвеем Третьяковым, Василием Пискуновым отправили в

Абакан, а там, по железной дороге на Дальний Восток, на станцию Гродеково, в 5-й стрелковый полк.

Недолго пришлось служить Харитону на Востоке, началась война с фашистской Германией и в январе 1942 года дивизию, где он находился отправили на Западный фронт, в Кировскую область, город Котельнич. Здесь сформировали 109 стрелковую бригаду и направили на Брянский фронт в город Ливны, Орловской области.

Маклакова назначили заместителем командира отделения, вручили пулемет «Дегтярева». Ночью по тревоге бригада сделала марш бросок за 20 километров. К утру были на боевых позициях. Приказ: Вырыть окопы! Но только стали копать, как началось наступление фашистов.

Ветеран вспоминает: Расположился на левом фланге, установил пулемет и вижу, как бегут немцы, на ходу стреляют из автоматов. Мы их встречаем плотным огнем, мой пулемет бьет свинцовым дождем по фрицам. Падают сраженные, но остальные продолжают бежать. Я уже расстрелял целый диск патронов, а немцы прут и прут. Закладываю другой и нажимаю на спусковой крючок. Пули свистят у моей головы - удар и тупая боль, кровь заливает лицо и шею. Но еще вижу убегающих немцев, но затем теряю сознание.

Очнулся в медсанбате. В артиллерийской гильзе горит огонек и при этой коптилке делают мне операцию, зашивают рану, затем бинтуют голову. Вскоре увозят в санитарном поезде в Липецк. Попадаем под бомбежку, но удачно выбираемся и едем дальше.

В городе Пенза госпиталь, там мне пришлось отлежать три месяца. Осенью 1942 года снова в строю и меня отправляют в Сталинград.

Зима 1942-1943 года, город окутан дымом, бьет артиллерия, слышны разрывы авиабомб. Подъезжаем к станции Гумрак и располагаемся в холодных бараках. Теперь мы именуемся железнодорожными войсками. Работа кипит днем и ночью, винтовка, каска и противогаз при себе, на всякий случай. Наш батальон теперь называют в шутку «бронетачковым», мы укладываем шпалы, рельсы, налаживаем переводные путевые стрелки, семафоры, а «мессершмиты» не дают работать, постоянно бомбят и обстреливают.

После, когда немецкие дивизии были окружены в самом Сталинграде и фельдмаршал Паулюс вместе с генералами был взят в плен, батальон перебросили в город Каменск, что расположен на реке Северский Донец. Здесь мы занимались прежней работой. Нас сильно бомбили, от взвода из 48 человек, осталось десять.

Фронт продвигается на Запад, идем за ним - Ворошиловоград, Днепропетровск. Сорок километров не дошли до Одессы и батальон попал на минное поле. Полковник Петров ехал на головной машине. Сильный взрыв оторвал шоферу ноги, а полковника убило.

После восстановительных работ поездом отправили в Прибалтику. Здесь была немецко-фашистская группировка до 300 тысяч солдат и

офицеров, на ее ликвидацию подтягивались войска. Наша задача - обеспечить проход по железным дорогам воинским эшелонам, с ней мы успешно справляемся. Затем следуют переезды в портовые города Любава, Виндава.

После капитуляции фашистской Германии нас перевезли в город Ригу мы соединились с 8-м отдельным железнодорожным батальоном, и продолжали восстанавливать мосты, переезды и рельсовые пути.

До 1948 года находились в Архангельской области в городе Плисецк, отгружали строевой лес для строек. Только весной 48 года по Постановлению Совмина демобилизовали и я поехал домой.

Вагонные колеса отстукивали километры, а я представлял, как меня встретят дома мои родные. За годы воинской службы сильно скучал по дому, по своей деревушке Тоболке и по невесте, что ждала меня. Из Абакана добирался на попутных подводах до самого Никольска. Запоздалого солдата встретили хорошо.

И началась мирная жизнь. Сразу же взялся за работу в Никольской МТС. Женился, пошли дети. Но не все гладко. Умерла жена, дочери выросли у них свои семьи, своя судьба. А у меня одна радость - трое внуков и пятеро правнуков. Порою думаю: «Почему жизнь так сложилась? Но потом махну на все рукой - годы не воротишь. Но жить еще хочется, и живу, помните, как поется в песне. «Старость меня дома не застанет я в дороге, я в пути»

М. Гуров

ВОИН И ХЛЕБОРОБ

В селе Добромысловка живет замечательный, душевный человек Алексей Степанович Киреев.

В 1921 году в селе Малый Хабьк в крестьянской семье родился первенец Алексей, потом дочь Прасковья и сын Антон. В колхозе «Дружный пахарь» семья Киреевых хорошо трудилась, и жили они безбедно. С малых лет Алексей вместе с родителями трудился на полях колхоза. Знойное летнее солнце и зимние морозы закалили его и вырос он крепким сибирским парнем добрым, смекалистым. В 1937 году уже работал в Сорокине в заготзерно, и с этого года пошла его самостоятельная трудовая жизнь.

Подошел срок идти служить в армию, и РВК призвал в 1940 году всех ребят призывного возраста. С Алексеем ехали в Абакан Иван Потылицын, Виктор Сорокин, Иван Абель, Иван Данилов, деревенский гармонист, по которому не одна дивчина вздыхала тайком.

Эшелон с новобранцами прибыл на Дальний Восток на разъезд Талово. Недалеко от станции Гродеково. Здесь их определили в 22 Чапаевскую дивизию, пятый стрелковый полк, в разведвзвод. В поле были вырыты землянки, и здесь ребята проходили карантин. После бани всех обмундировали и приняли присягу.

В разведвзводе Алексей учился многому, всему тому, что требовалось от разведчика. В конце 1940 года японцы чаще стали нарушать советскую границу, и взвод разведчиков перебросили ближе к границе. Они находились в резерве, но не сидели сложа руки, а изучали все виды разведки, особенно разведку под водой.

Началась война с Германией и армейские части придвинули ближе к границе. Здесь они окопались, и все работы проводились в ночное время. В дневное время с противоположной стороны били японские снайперы.

Алексей Степанович вспоминает:

— Роту, где я служил, в полном составе отправили на Западный фронт, а меня оставили. Командир полка вызывает меня в штаб и заставляет принять командование ротой. Для меня, младшего сержанта, такое назначение было неожиданным, и я отказался, но комиссар Реутов все же заставил принять, а когда я прибыл в расположение роты, то ее уже не было. Короче, номер боевой части был сохранен на некоторое время без наличия солдат, но не надолго. Зимой прибыло пополнение из Рязани и была образована полковая школа. В ней обучали армейскому делу. Мне же присвоили звание старшины, и я принял командование ротой эсков. Через некоторое время их отправили на Западный фронт. В самом начале августа 1945 года меня и еще пятерых ребят приняли в компартию, и мы, понимая обстановку на Дальнем Востоке, были полны решимости защитить свою Родину от японской военщины, которая поработила Китай и стояла у нашей границы. В дождливую августовскую ночь у озера Ханко мы перешли границу и, сметая на своем пути японские заставы, взяли курс на город Мулин. И тут произошло ЧП в нашем взводе — сбежал командир, молодой лейтенант, присланный к нам недавно. Командование взводом я взял на себя.

Под городом Худодзян дивизия понесла большие потери, наш полк бросили на подкрепление. Затем наш путь лежал на Харбин, что характерно — в городе против нас воевали белогвардейцы. Ночью в полк, расположенный под Харбином, проникли хунхузы и набросились на наш взвод. В этом ночном бою погибли боевые товарищи Василий Григорьевич Ищенко и старшина Милодан.

В Харбине мы пробыли месяц. Здесь прошел парад войск под командованием генерала армии А.П.Белобородова по случаю победы наших войск над Квантунской армией и капитуляции Японии. Отсюда нас демобилизовали и вывезли в Биробиджан, а в июне 1946 года в теплушках повезли в Абакан. Вместе с Александром Новиковым, Кузьмой Цивилевым и Иваном Потылицыным мы добрались до своих родных мест.

С этого момента у Алексея Степановича началась другая, мирная и довольно интересная жизнь.

Отдыхать некогда, сама жизнь требовала работать и работать. В семье брат с сестрой были малые. Вначале Алексея направили на склад кладовщиком, но пробыл он на этой работе недолго, смекалистому солдату доверили руководить полеводческой бригадой. В 1949 году Алексея Степановича избирают председателем колхоза «1-е Мая» в селе Идринском, а в 1950 году — председатель крупного хозяйства «40 лет Октября» в Новоберезовке. Время требовало от руководителей хозяйств более грамотного и умелого управления, и Алексей Степанович чувствовал это. Надо было учиться, и он едет на учебу в город Минусинск. Три года учебы в «Совпартшколе» пролетели быстро, и в 1961 году его направляют работать инспектором по заготовкам сельхозпродуктов, но вскоре переводят директором Хабыкского совхоза. Восемь лет Алексей Степанович управлял этим крупным хозяйством, и неоднократно за высокие показатели в земледелии совхоз и его директора поощряли. В 1966 году ему вручили медаль «За трудовую доблесть».

Фронтные годы все чаще давали о себе знать, нервное напряжение, порой даже стрессы отражались на здоровье, и Алексей Степанович попросился на другую, более спокойную работу. Просьбу директора удовлетворили и предложили ему работу главного агронома совхоза. Для ветерана это было облегчение, и он занялся чисто агрономической работой в хозяйстве. Одной из причин плохого урожая зерновых культур явилось не только засушливое лето, но и то, что в совхозе не было засухоустойчивых и высокоурожайных сортов семян. Необходимо было сортообновление.

Два года главный агроном вместе с директором испытывали многие сорта пшеницы и овса на полях совхоза. По счастливой случайности Алексею Степановичу попался только один мешок элитных семян овса «Сельма». Посеяли на делянке и сберегли до зернышка, а на второй год уже на большом поле этот сорт дал прекрасный урожай. При испытании нескольких сортов пшеницы хорошо зарекомендовал себя сорт «Омская-9», он дал урожай по 30 центнеров с одного гектара.

Нужные сорта для хозяйства были найдены, все поля засеяны только семенами высокого класса, и от этого совхоз получил высокую урожайность зерновых. Были выполнены государственные планы хлебопоставок. Совхоз наградили Дипломом и переходящим Красным знаменем, а главному агроному Алексею Степановичу Кирееву был вручен орден Трудового Красного Знамени. Произошло это в 1974 году.

В каждой семье бывают свои нюансы, семейные радости, порой и неприятности. Одним из радостных событий в семье Киреевых была золотая свадьба в прошлом году. Алексей Степанович и Екатерина Васильевна отметили ее довольно скромно, глава семейства не привык к пышным мероприятиям. Не пожелал Алексей Степанович слишком много внимания уделять личному вопросу, для него общественные дела превыше всего.

В семье у них двое детей. Дочь живет в Сосновоборске, а сына они лишились по болезни недавно. Двое внуков радуют деда с бабкой, навещают, когда дочь с мужем приезжают в отпуск. В настоящее время ветеран не сидит без дела, будучи председателем совета ветеранов войны и труда Алексей Степанович проводит значительную работу, беспокоится о престарелых, Стараегся помочь им, где материально, а где и добрым словом, советом. Обстановка в стране сложная, и Закон «О ветеранах» не работает в полной мере, не предоставляются положенные льготы. Беспокойный человек Алексей Степанович, до всего у него есть дело, такой уж непоседливый характер у ветерана.

М. Гуров.

ВОЙНА И СЛУЖБА

Красива и просторна деревня Козино. Здесь родился и вырос Федор Лазаревич Воронов, ныне ветеран войны и труда. До призыва в Армию работал в колхозе, пахал, сеял, метал сено, косил пшеницу на лобогрейке, обмолачивал на молотилке снопы, в общем, был он обыкновенным деревенским парнем, но смекалистым и проворным. Любил он свои родные места: обильные травы, таежные заросли малины и смородины, высокий кедрач и обилие шишек на нем и чистые белые снега в предгорьях Саян.

Среднюю школу он заканчивал в Малых Кнышах, где преподавали опытные учителя, как Петр Львович Воцинский. Под его попечением не одно поколение юннатов проходило школу любви к природе, к своему саду.

Началась война, отца взяли на фронт, а в декабре 42-го вызвали в райвоенкомат и Федора. Из Козино призвали двоих: Анисима Плеханова и его.

В Ачинск было эвакуировано Киевское военное училище, и командовал им генерал-майор Свирчевский, участник испанских событий 36-го года.

- В этом училище, — рассказывает Федор Лазаревич, — вместе со мной обучались военному делу Аркадий Бакин, Констан Егдин-Чебыкин, Константин Шадрин, Семен Безъязыков, Донец из Курска, Василий Тяжких из Большого Телека, Гринев из Малого Хабыка.

В июне 43-го нас отправили в Воронеж, в 92-ю гвардейскую стрелковую дивизию. На станции Сомово мы расположились, но ненадолго, нас перевезли в город Валуйки, а потом маршем до Харькова, затем под Полтаву. Южнее города мы заняли оборону, окопались. Нас готовили к наступлению на поселок, где засели немцы. Трое суток не могли взять это местечко, пока не подошли наши «катюши». После артобстрела мы погнали

фашистов до самого Днепра. Под постоянным обстрелом на подошедших понтонах начали переправу. Снаряды и мины рвали вверх столбы воды, несколько понтонов с людьми и пушками затонули, мы думали, что не доплывем до берега. Помогла наша артиллерия, подавила огонь противника, и мы высадились на берег. Впереди нас была деревня, взять штурмом ее не удалось, и мы невдалеке окопались. Трое суток удерживали небольшой клочок земли на берегу Днепра. Атака за атакой. Потери большие, от батальона тринадцать человек осталось, но наш 282 гвардейский стрелковый полк не сдал позиции. Враг также выдохся, атаковать перестали, стали обстреливать нас из минометов. Жалко лейтенанта Коваленко, веселый парень, гармонист, мина угодила ему под ноги. Подкрепления не было, боеприпасы кончились, мой пулемет «Дегтярева» замолчал, изредка постреливали наши две пушки по селу, где засел противник. Командир приказал мне собрать оружие.

— Вон сколько валяется автоматов, дисков и гранат. Собирай и тащи сюда. Я ползал по окопам, снимал с убитых гранаты, забирал автоматы и диски, тащил их в окоп. Поздно вечером наткнулся на тяжело раненного взводного, завалил его на плащ-палатку и вместе с санитарями мы уволокли его к берегу. Обстрел не прекращался и ночью, а утром и днем снайперы из высокого дома лупили по нам. Только я приполз с автоматами к своему окопу, а там командир наблюдает в бинокль за противником.

— Воронов, поищи другой окоп, этот хорошо просматривается.

Я нашел невдалеке небольшой окопчик и залез в него. Начал диски свешивать на ремень, и на секунду моя голова показалась наверху окопа. Чирк, пуля прошила мне щеки, раздробив челюсть, и вышла через левое плечо. Подкараулил гад, ниже каски в лицо угодил. Кровь залила рот, гимнастерка набухла. Правой рукой, заткнул пакетом дыру в плече, слышу, командир кричит.

— Эй, санитары, бойца Воронова ранило, помогите! Меня вытащили и на плащ-палатке поволокли вниз к реке. Там перебинтовали.

— Сам пойдешь, или машину будешь ждать?

За эти дни саперы переправу навели через реку, и по ней техника и пехота пошла. Я решил не ждать машину. Набралось нас ходячих несколько человек, и мы пошли. Мне пить захотелось, говорить не могу и толкаю одного, а сам на рот показываю. Понял парень и принес в котелке воды, залили в рот, как в радиатор машины, и засмеялись.— Теперь не перегреешься, дойдешь до медсанбата.

В поселке Кобеляки нас помыли, перевязали и повезли в Полтаву, там под госпиталем школа была, немного подлечили и в вагонах теплушках увезли в город Бобров. Здесь дали передышку и поездом отправили в Баку. В госпитале раненых рассортировали, и я попал в поселок на берегу моря под названием «Степан Разин». Подлечили, рука зажила, только челюсть еще болела, из раны сочилось, но ждать я не стал и попросился на выписку. Врачи установили мне группу инвалидности, и в феврале 44 года я

отправился домой. Поездом доехал до Абакана, а тут на перекладных лошадях добрался до Козино.

В семье большое горе, принесли похоронку на отца. Погиб под Сталинградом в сорок третьем году. Теперь я был старшим, сестренки и брат с матерью еле сводили концы с концами. Устраиваюсь учетчиком в тракторной бригаде, надо как-то жить.

— Федор Лазаревич, — интересуюсь я, — работал ты в колхозе, а на пенсию пошел из милиции?

Вояка-гвардеец усмехнулся в усы и проговорил:

— Воевал и работал рядовым, а на пенсию вышел лейтенантом. Это целая история в моей жизни. Сам не ожидал, что вот так получится.

Не дали долго в колхозе поработать, вызвали в РВК, хотели из меня шофера сделать, да рука не поднимается, и доверили призывников обучать при военкомате. А тут, начальник милиции, Мочилин, решил такую «кадру» к себе забрать на службу.

— Ничего, Воронов, ты еще послужишь у нас, не зря тебе гвардейца присвоили!

И вот с июля 45-го я снова на посту. Сразу рядовым милиционером, затем начальником паспортного стола, затем участковым уполномоченным. Участок мой довольно большой, начиная от Курежа и до самой Силкиной. Понятно, работы хватало, ни днем ни ночью покоя нет, и что только не приходилось делать. Там на фронте враг перед тобой, только умей его побеждать, а тут бандиты, воры, грабители, убийцы. Вот и гоняйся за ними, вылавливай, защищай пострадавших и действуй по закону, не оступись, не нарушай инструкцию, иначе сойдешь с поста, а можешь и под суд угодить.

- Федор Лазаревич, за четверть века работы в органах милиции, наверное, остались в вашей памяти характерные случаи? — хочется услышать от ветерана остросюжетную историю.

— Много было, обо всем не расскажешь. Помнится, в 52-м году собирает нас в кабинет начальник милиции Г. Г. Кононенко и сообщает, что сбежал из лагеря особо опасный преступник и появился он в нашем крае, конкретно около Артемовска. В селе Кордово ночью убил сторожа, забрался в магазин и утащил костюмы, пальто, обувь и деньги. Он должен появиться в нашем районе. Бандиту 23 года, среднего роста, черноволосый, немного смахивает, на хакаса.

Я сразу подумал, что такого зверя надо искать в гуще людей, там он легко затеряется и скроется. И, если он молод, да еще в модной одежде, значит будет искать друзей и квартиру для ночлега среди молодых.

Примерно в шесть часов вечера мы двое пошли в районный Дом культуры, тогда еще был старый РДК. С помощником договорились, что будем поддерживать связь. В штатском мы вошли в фойе, там полно народа, играет музыка, танцует молодежь. Оглядывая зал, я обратил внимание на парня, весело болтающего с девчонками. На нем демисезонное пальто в клетку, ботинки, все так, как описано в сообщении из Артемовска, значит,

это он. Решил проверить. Подхожу к нему и предъявляю свое удостоверение, вижу, что парень растерялся. Спрашиваю у него документы, но их не оказалось.

— Прошу пройти со мной,— требую я.

— Куда? — растерянно спрашивает парень.

— В милицию, там разберемся.

Пошли, а сам ищу глазами напарника, его близко нет, наверное, заговорился с кем-нибудь. Идем к выходу, и вдруг парень срывается и убегает от меня. Я выхватил пистолет и кричу ему.

— Стой! Стрелять буду!

Тут, вижу, мой напарник выбегает из клуба, и мы вдвоем погнались за ним. Здорово бегаёт, и если бы не напарник, то не догнали бы его. Удар сзади по ногам и парень падает, тут мы его скрутили, вытащили финку из кармана и повели в милицию. Допросили, оказался тот, о котором сообщали в ориентировке из Артемовска. Пока сидел у нас, еще пришла ориентировка из лагеря с Волго-Донского канала. Там он отбывал срок за изнасилование. Вскоре приехали за ним и увезли.

- Какой милиционер не рискует, если выполняет оперативное задание, вы не попадали в довольно затруднительную ситуацию?— опять навязываю разговор своему собеседнику.

— Для нас риск повседневное дело, мы на службе и выполняем задание, легкое оно или трудное, а делать надо. Однажды в Большом Телеке в осень уборку солдата убили. ЧП чрезвычайной важности, и на расследование выехали группа сотрудииков милиции.

Тогда в колхозы, совхозы посылали на уборку урожая военные машины. В этом селе стоял взвод водителей с машинами. Ребята молодые ходят в клуб, а иногда где-нибудь подвыпьют, подгуляют. Кто за ними следит, до бога высоко, до Штаба батальона далеко, а со взводным договориться можно. Подгуляли и подрались деревенские парни с солдатами из-за девок, и один водитель решил припугнуть парня, погнавшись за ним на машине вдоль села. Парень тот убежал, но злобу затаил и решил отомстить. Вечером залег он с обрезом у дороги в огороде и ждет, когда этот шоферюга проедет.

На тот грех машина, действительно поехала по этой дороге мимо засады. Вечерело, догорал закат, и машина направлялась с поля на зерносклад. Парень прицелился и выстрелил в кабину, самодельная пуля, предназначенная на зверя, пробила обшивку кабины и угодила в голову водителю. Неуправляемая машина воткнулась в городьбу и заглохла. Парень выскочил из засады и убежал. Никто не видел, никто не знает.

Поиски преступника никаких результатов не дали. Посоветовались и решили еще раз более тщательно обследовать место происшествия. В зарослях крапивы нашли пыж. Он не сгорел, и его удалось аккуратно расправить. Оказалось, что пыж был изготовлен из листка, вырванного из учебника «Сборник алгебраических задач», страница 216. Решили просить

помощи в школе. У всех учеников собрали эти учебники и проверили, оказалось, что все страницы учебника на своем месте. Тогда стали опрашивать всех жителей села по домам, другого выхода не было. Обошли почти все улицы и ничего не выяснили вот на окраине села зашли в последнюю избу и спрашиваем бабуку.

— С кем живешь старуха?

— С внучком, — поясняет она.

— А где он сейчас?

— Не знаю, наверное, на улице гуляет.

— Домой-то он приходит?

— Да ходит, когда есть захочет.

Решили подождать, и стали осматривать двор, за тем стайки, баню и в сенях зашел в кладовку. Смотрю, в углу ящик деревянный стоит. Открыл, сунул руку и наткнулся на ружье, оказался обрез, затем вытащил патроны, нашел стреляные гильзы и понял что это он. Пошарил еще в ящике и мне попался учебник по алгебраическим задачам. Вышел на свет, раскрыл и вижу, последней страницы нет. Занес все это в избу и спрашиваю бабуку:

— Чье это ружье?

— Да его, внучка, - отвечает перепуганная бабка.

Приложили лист от пыжа до книжки, подходит по линии отрыва, как тут и был. Сидим, ждем, а бабке наказали про нас ничего не говорить внуку. Поздно вечером пришел парень, просит у бабки поесть. Тут мы вышли из комнаты, и от неожиданности парня оторопь взяла, растерялся. Привели его в сельский Совет, допросили, парень не стал заператься, признался во всем. А когда мы объяснили ему, что он застрелил, не того водителя, с кем поскандалил, а совсем другого, то парень совсем сник. Его осудили на десять лет.

О многом мог бы рассказать старый ветеран, но те криминальные истории оставим писателям, пусть они напишут детективы со слов Федора Лазаревича. А мы рассматривали трудовую книжку лейтенанта милиции, где были записаны благодарности за добросовестное исполнение служебных обязанностей.

— Знали бы вы, чего стоили эти благодарности, — обеспокоенно сказала Антонина Ивановна, жена ветерана. — Бессонные ночи, долгие дни переживания, вернется ли муж домой или нет?

Я понимал и сочувствовал. Такая служба не каждому по плечу, и не каждый выдержит достойно отслужить эти четверть века. Нужны стальные нервы, причем постоянно натянутые.

М. Гуров

ВТОРОЙ ПРИБАЛТИЙСКИЙ

Ветерана Великой Отечественной войны дома не захватил: уехал в Абакан к хирургам. Болезнь стала одолевать, и теперь все чаще приходится обращаться к врачам, здоровье пошаливает — время свое берет. Но все же мы встретились и разговорились.

— Там, на фронте, мы себя чувствовали крепкими и здоровыми, про нас говорили, что мы, сибиряки, а это значит, что крепче, как сибиряк, человека нет,— рассказывает Михаил Ильич Калинин, ветеран войны.

—Дождь, слякоть, мороз и жару спокойно переносили, лазили по болотам, по сугробам, не хныкали, не простывали, а вот сейчас, ближе к старости, раны начинают тревожить. То осколки от мины начинают вылазить из тела, то ноют руки, ноги.

Я понимаю ветерана, прожитые годы давят на человека, и никуда от них не уйдешь, не уедешь — это его богатство.

Родом Михаил Ильич из деревни Адрихи нашего района, с 1924 года, на службу в армию его призвали 25 августа 1942 года. Война набирала обороты, и РВК многим парням вручил повестки. Вместе с Михаилом призывались Николай Журавлев, Прокопий Белоногов из Кнышей, Михаил Андин из Козина, Николай Рыбин из Салбы, Александр Вагулкин и Михаил Коржов из Адрихи. Все они поехали в город Новосибирск, и на станции Кривошеково поезд остановили и новобранцев определили в пехотное училище. За четыре месяца ускоренной подготовки они стали постоянными солдатами, метко били в цель из оружия, научились исполнять все обязанности воинской дисциплины.

Из училища после распределения Михаила направили в войска МВД, сначала в Красноярск, затем в Омск, а в мае 1943 года воинскую часть, где служил Михаил, отправили на Калининский фронт под командование генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Еременко. Позднее этот фронт был преобразован во II-й Прибалтийский.

— Мы прибыли на фронт, когда город Ржев был уже взят советскими войсками,— рассказывает Михаил Ильич. — И нам предстояло вести наступление на Великие Луки, Невель, Сокольники и на станцию Забелье. Бои были жестокие. Наш батальон вел наступление на одну небольшую, но очень важную высоту, и с ходу взять ее не удавалось. Сильный пулеметный и минометный огонь противника не давал нам и головы поднять. Только поднимутся наши бойцы в атаку, а немцы такой огонь обрушат на них, что и шагу не сделаешь, как падаешь. Наступил вечер, и наши командиры подали команду залечь и окопаться. Ночь была тревожной, подготавливались к бою, подкреплялись сухим пайком, приводили в порядок автоматы, гранаты,

переобувались. На войне, как на войне — все надо предусмотреть. Перед утром не помню как уснул, пригревшись в окопчике.

С рассветом ахнула наша батарея, а это значит, что сейчас нас поднимут в атаку. И вот мы напряженно ждем.

«Вперед! Ур-р-а-а!» — кричит лейтенант и выскакивает первым в атаку. Мы следом за ним и, обгоняя ротного командира, бежим на эту высоту. Вижу, с флангов тоже бегут наши солдаты, окружая фашистов, окопавшихся на высоте. А по нам уже лупят из минометов, и мины рвутся и спереди и сзади, ребята падают, но живые бегут вперед, и «ура» не смолкает. Мы уже на половине высоты, еще немного и она наша, а пулеметы поливают свинцом по наступающим. Невольно инстинкт самосохранения прижимает к земле, а наступательный порыв бросает вперед — туда, где засели фашисты. Бегут, карабкаются на высоту наши солдаты, еще бросок, еще — и высота будет взята. Но рядом со мной разорвалась мина, осколки вместе с землей обрушились на меня, на ребят, бегущих рядом. Я почувствовал тупой удар по левой руке, и автомат выпал. Остановился, кровь заливает рукав гимнастерки, надо быстро перевязать руку. Зубами разрываю пакет и забинтовываю. Слышу голос сержанта: «Калинин, ты ранен? Подожди санитаров!» Ребята ведут бой там, на самой высоте, забрасывая гранатами амбразуры дзотов, и я радуюсь этому, не обращая внимания на жгучую боль. Подоспевшие санитары помогли мне добраться до медсанбата. Там я пробыл недолго. Кость руки не задета, а мышцы быстро стали заживать. И я снова вошел в строй своего полка.

Теперь мы уже вели наступление на латвийскую столицу — Ригу. Наш II-й Прибалтийский фронт проходил по лесам и болотам. Мы отбивали у фашистов хутора и мелкие городишки, упорно продвигались вперед. Пока готовилась Рижская наступательная операция, наши полки, батальоны, роты пополнялись новым составом бойцов и вооружением. Перед нами даже выступали народные артисты из Москвы, военные корреспонденты брали интервью у отличившихся солдат, достойных ребят принимали в партию.

Помнится, однажды только прослушали концерт артистов и стали расходиться, как слышу кто-то кричит:

— Калинин, Михаил! — от неожиданности я даже растерялся — здесь, на латвийской земле меня окликают, как в своей родной деревне. Вглядываюсь в солдатню, ищу, и, вдруг, передо мной появляется мой земляк, друг детства. — Петька Чернышев! Вот так встреча! — обрадовался я, и мы крепко обнялись. Какая-то душевная разрядка наступила у нас, радостные чувства по родным местам навеялись, деревня вспомнилась. Поговорили о доме, о девочках, о ребятах, кто еще не взят на фронт. Шла война, а нам было по двадцать, и из наших сердец не уходила любовь и надежда.

— Ты в какую часть угодил служить? — спрашиваю.

— Да в этом же полку снайпером.

— Что-то я тебя раньше не встречал?

— С пополнением прибыл.

Наговорился я с другом — на душе радостнее стало. Впоследствии я встретился с Чернышевым уже в своей деревне Никулино. По ранению он пришел домой раньше меня, и мы потом долго вспоминали нашу встречу в прифронтовом лесу осенью сорок четвертого.

В наш разговор с Михаилом Ильичем вступает его жена Прасковья Поликарповна:

— С фронта получила солдатский треугольничек, а в нем коротенькое сообщение — жив, здоров, воюем, скоро победа придет, и дальше записана песня «Землянка». Хорошая песня, сразу запомнилась.

А на фронте, в сентябре-октябре 1944 года проводилась Рижская наступательная операция всех Прибалтийских фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом. Цель — разгромить рижскую группировку противника, освободить Ригу и выйти на побережье Рижского залива, не допустив отхода немецко-фашистских войск в Восточную Пруссию.

Советские войска, продолжая наступление, 27 сентября вышли к сильно укрепленному рубежу обороны противника «Сигулда», в 60 километрах от Риги. Решительный удар наших войск заставил немецкое командование отвести свои войска из района Риги, а 13 октября столица Латвии была освобождена. Продолжая наступление, наши войска почти полностью освободили территорию республики. Вспоминая эти события, ветеран рассказывает:

— В Прибалтике ежедневно велись наступательные бои, каждый хутор брали в жестокой перестрелке, из каждого небольшого лесочка выбивали немцев, каждая небольшая высота была сильно укреплена огневыми точками. Наша авиация здорово работала, бомбили, обстреливали, да так, что ни одного живого фрица там не осталось, а когда мы наступали, то, как из-под земли, вылезали немцы и обстреливали нас из пулеметов и минометов. Неприятель «выдыхался», но оборонялся ожесточенно.

Помнится, наступали мы через редколесье и немецкие мины рвались у нас над головами, ударяясь о деревья. Из-за сильного обстрела мы замешкались, наш ротный командир Актиев метался по взводам и подбадривал солдат: «Вперед, вперед, ребята! Не топчитесь вокруг деревьев!». Командир полка Шелуханский и замполит Плетнев не укладывались в сроки наступления и торопили батальоны и роты. Мы прочесывали лес автоматными очередями, выбивая фрицев из укрытий. Лес уже кончался и виднелась болотистая опушка с пожухлыми травами, а за ней небольшой хутор, который нам предстояло взять во что бы то ни стало. Ребята уже выбегали из леса, как над нами разорвалась немецкая мина. Раскаленные осколки, как дождь, ударили по нам с неба, меня опять ранило, теперь уже осколок прошел насквозь правую ногу, и я упал. Мимо меня пробежали ребята в наступление.

«Эх, мать честная, опять подбили», — сокрушался я. А до Рижского залива оставалось сорок километров. Значит, перекрыли мы фашистам дорогу к отступлению, окружили их, сдаются гитлеровцы.

Меня увезли в Костромскую область в город Галич. Там я пробыл в госпитале пять месяцев, и в марте 1945 года медкомиссия признала не пригодным к воинской службе, и отправили домой. В Абакане сменил железнодорожный вагон на быков. Торопиться мне некуда, хромоту, да на костылях далеко не уйти, а на такой подводе спокойнее. Добрался до Никулино и встретился с семьей. Радости — через край, главное, что жив остался, а нога заживет, хотя и хромотой, но мужик вон живой, хозяин в доме.

Вспоминаю о войне и думаю: ведь мы о хорошей жизни мечтали. Вот вернемся домой и заживем, как положено, хорошо по-человечески. Ребяточки подрастут, заменят нас, а мы уж на пенсию пойдём — на отдых, как говорится. Отстояли им свободу — живи да радуйся.

Но вот радости-то нет. Разор пошел по России, да и по нашим краям тоже. Деревушки Никулино уже нет, соседней Петропавловки тоже нет, Малые Кныши разваливаются. Захватили демократы власть, а управлять страной не умеют. Семь лет ее разоряют, особенно крестьянство — землю бросают, не пашут, не сеют, скот уничтожают, коровники разваливают, технику растаскивают. Ломать — не строить, ума много не надо. Неужели в нашем крае не найдется такой руководитель, который бы взялся за укрепление хозяйств и вместе с людьми жизнь налаживал?

Обидно становится за Россию-матушку!

М.Гуров

ДИВИЗИОННАЯ БАТАРЕЯ

В сибирском селе Еленинске живет фронтовик Николай Мартынович Лохмытко. Он ветеран войны, но войны особенной, о которой власти не очень-то распространяются. И только через прошедшие десятки лет о ней можно услышать, да и то из уст самого участника боев.

Но начнем с самого начала небольшой истории нашего героя. Родился Николай в 1928 году в деревне Новопокровке, или она еще называлась Коржувь, нашего Идринского района. У отца Мартына Корниловича в семье было восемь ребятишек, и, подрастая, все они стали участниками Великой Отечественной. Да и сам глава семейства воевал еще в ту Германскую, был ранен, захватил гражданскую, но был добрым крестьянином и неплохим хозяйственником. Он в коллективизацию, не раздумывая, стал организатором коллективного хозяйства, и его избрали сперва членом правления колхоза им. Сталина, а затем и председателем колхоза.

Сыновья подрастали и уходили на воинскую службу, воевали. Николая призвали в армию в мае 1949 года и увезли вместе с ребятами в Иркутск. Там он прошел нелегкую армейскую подготовку артиллериста зенитных батарей. В 1951 году три дивизии зенитных дивизионов из Улан-Удэ, Читы и Иркутска отправили в Северную Корею, где в ту пору шла ожесточенная

война. Но в Корее части ПВО долго не задержались, по приказу высшего командования их перебросили на китайскую территорию в Манчжурию. Затем на границу с Кореей. Здесь советских солдат переодели в китайскую военную форму, и они стали считаться китайскими добровольцами, и никто не смог бы отличить их от китайских солдат, разве что не разговаривали по-китайски, а по-русски, да еще переводчики, а вся техника была советская.

Всем было известно, что Корея, как единое государство, уже не существовало, оно было разделено по 38-й параллели на Северную и Южную. Вместо политического диалога об объединении корейского народа в единое государство, США решили укрепить Южную Корею в военном отношении, но в результате возникла война. Советский Союз выступил на стороне Северной Кореи.

- Американские самолеты “сейбр” обстреливали позиции северян,- рассказывает Николай Мартынович,- сбивали наши самолеты, держали превосходство в воздухе. Днем и ночью налеты на села, на города, бомбили, и пулеметы решетили крыши хижин. Однажды подбили наш самолет, и он загорелся. Летчик, по-видимому, был убит, и неуправляемый истребитель рухнул на нашу землянку. Взрыв, и мы заживо были похоронены. Откопали нас, вытащили, и только по счастливой случайности никто не погиб, отделались ранениями и контузией.

Военные наблюдатели подбросили нам работенку, и мы были готовы отражать налеты американских самолетов. Я был командиром автоматического зенитного орудия, затем находился в радиолокации, а потом командовал дивизионной батареей. И вот выдался для нас “жаркий” денек, батарея работала, как говорят, на полную мощность. Целая эскадрилья появилась в воздухе. Американские летчики, не нарушая строя, шли уверенно, доказывая свое превосходство в воздухе. Ну а мы их встретили как положено, распределили каждому орудию свою цепь, подпустили их на достаточное расстояние и открыли ураганный огонь. Первые машины задымили и потянулись к земле. Другие в замешательстве от неожиданного удара стали менять курс, но зенитчики настигали их и сбивали, остальные летчики успели повернуть назад.

Со стороны посмотреть — зрелище жуткое, для артиллеристов — нормальное, даже идеальное. Через некоторое время в небе опять показались американские “сейбры”, и мы подбили несколько машин. Тогда они сменили тактику нападения и по одному, по два стали прошивать небо, со всех сторон атакуя на нашу батарею. Мы и этих сбивали. Только за этот сумасшедший день наши батареи ПВО уничтожили 25 американских самолетов. Такого сюрприза со стороны северокорейцев они не ожидали, и их пыл поугас.

Командир нашей дивизии полковник Варлыга объявил артиллеристам благодарность, а потом нас наградили орденами. Я до сих пор помню свою военчасть № 78180 и своих земляков-идринцев: Анатолия Игнатенко, Музыкакина, Медведева, Гаврилина и других ребят. В то время от нашего РВК

уходило на службу 50 человек, а сейчас нас осталось в живых только семеро — уходят ветераны.

Через три года боевой службы, без отпуска, уже обстрелянных и “понюхавших пороху” нас снова собрали на плацу и объявили демобилизацию.

И вот я снова в своей деревушке Коржуль, но долго в родительском доме не задержался, тянуло на простор, на живую, кипучую работу. Приехал в Еленинское, где мне предложили работать налоговым агентом. Но почему-то тянуло больше к земле, и я стал учетчиком в колхозе “Искра”, затем бухгалтером-экономистом, а последнее время работал управляющим отделения объединенного колхоза имени Ленина. Шесть лет “командовал” я в этой должности и вышел на пенсию.

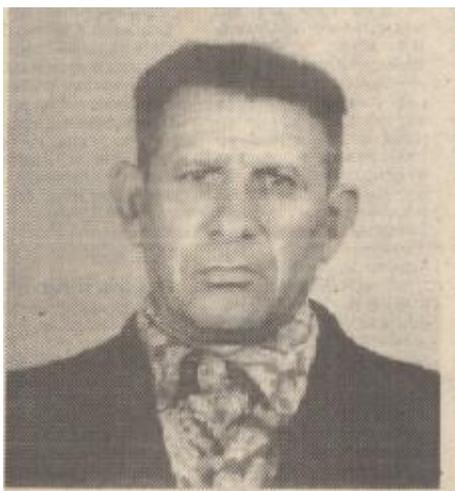
Скажу по секрету: в село Еленинское я перебрался потому, что невеста там жила, моя будущая жена Галина Григорьевна, учительница, добрая, красивая. Тридцать лет она преподавала в школе, учила ребятшек уму разуму, как узнавать мир и всему прекрасному на свете. Теперь она тоже на заслуженном отдыхе.

Двоих дочерей вырастили, в Красноярск уехали, не хотят в деревне жить.

Последнее время, когда у нас еще был колхоз, меня избрали председателем ревизионной комиссии. Когда пошел развал хозяйства, я как-то еще боролся с этим беспределом, а когда все распродали, разделили, разграбили, для меня это было слишком жестоким поражением. Как жить дальше, если в деревне остались “единоличники”, как их раньше называли, да мы — пенсионеры.

А я помню председателя колхоза им. Ленина, деятельного и уважаемого Назара Петровича Блинникова. При нем колхоз “гремел” и нам, колхозникам, лучше жилось. Теперь же наступило непонятное время передела сельского хозяйства на другой лад, и от этого, кроме развала деревень и хозяйств, ничего путного нет. Разве об этом думали фронтовики, ныне ветераны войны? О хорошей жизни мечта ли они, да не получилось.

М.Гуров

ДОРОГАМИ ВОИНЫ И ТРУДА

Фамилия Глуховы в Идринском очень распространенная, много можно говорить и писать о людях с такой фамилией, но остановимся на Владимире Григорьевиче. Он

ветеран войны и труда, родился и вырос в семье крестьянина-колхозника Григория Семеновича, тоже идринца. А дед Семен приехал из «Расеи» и был одним из основателей нашего села. Владимир воспитывался в многодетной семье из девяти человек и подростком рано познал колхозную жизнь. В своем колхозе «Искра» возил вместе с ребятней копны на сенокосе, на граблях сгребал сено и даже косил травы на пароконной косилке. А осенью 1943 года его призвали в армию и вместе с Серафимом Антиповым, Александром Шадриным, Федором Старцевым увезли в Абакан. Здесь сформировали эшелон новобранцев и отправили в город Бердск. В этом городке прошли курс обучения молодого бойца, а в марте 1944 года в составе артиллерийского полка отправили сперва на 1-й Украинский фронт, под командованием И.С. Конева, затем на 3-й Украинский. Владимир был минометчиком 120-миллиметрового миномета, который забрасывал минами в 16 килограммов позиции неприятеля.

Под Киевом на понтонах переправились через Днепр и, пройдя по улицам разрушенного города, погнали фашистов с украинской земли. Освобождая села и станицы прошли через Харьков, вышли на Молдавию, освобождали Львов, затем перебрались в Чехословакию, освобождали Прагу в Польше, были в Варшаве и завершили войну в Берлине.

— Когда освобождали от фашистов Прагу, то мы встретили упорное сопротивление и наше наступление задержалось, — рассказывает ветеран. — Наш комбат приказал развернуть всю артиллерию и ударить мощным огнем по противнику. Но и немцы не дремали, тоже открыли сильный минометный огонь по нашим позициям. У нас появились потери, в наше расположение ударила мина. Командира взвода лейтенанта Лесниченко убило, наводчику оторвало ногу, а меня легко ранило.

Госпиталь и чешские врачи вылечили меня за 18 дней. И снова я в строю, в своем полку, и дошли мы до фашистского логова. Через несколько дней нас направили в город Равва-Русская, где мы ликвидировали банды бандеровцев. Они в селах вешали и вырезали наших активистов, а мы гонялись за ними и всегда опаздывали. А когда вывезли из поселков семьи бандитов в другие области страны, то бандиты начали сдаваться. Только в марте 1948 года меня демобилизовали. Домой добирался через Абакан. Перед селом попал в поток талой воды и чуть было не утонул. Большая вода разлилась по низине и я перепрыгивая по кочкам, оборвался и «ухнул» в холодную воду. Женщина, оказавшаяся на берегу, помогла мне выбраться, подала длинную палку. Бывает такое на радостях, но для солдата это пустяки, главное то, что я был дома среди родных и близких людей.

В правлении колхоза «Искра» меня с радостью встретил председатель колхоза Андрей Ионович Корнеев и выписал мне три центнера пшеницы — это была помощь фронтовику на первый случай, — вспоминает Владимир Григорьевич. — Перед войной я работал на тракторе ХТЗ, а когда вернулся из армии в 48 году, то послали в тайгу на лесоповал. Потом снова сел на

трактор и работал на ДТ-54 на С-80 до самой пенсии. Производственный стаж составил сорок семь лет.

Спрашиваю Владимира Григорьевича: «Где же ты нашел свою жену Анну Павловну?»

— В тайге! — смеется ветеран. — Там она пилила, чикировала, жгла сучья в костре и была настоящая Снегурочка. Только вот через костер не могла перепрыгивать, мешали стеганые мужские брюки.

В 1949 году в урочище «Крутая» колхозники пилили лес, выполняя государственный план, и всю зиму там работали не только мужчины, но и женщины. Впоследствии Анна Павловна трудилась на разных работах: кладовщиком, учетчиком и даже завхозом, а в 1978 году вышла на пенсию. Вместе они воспитали троих детей погодков: Нину с 50 года рождения, Тамару — с 51 года и Виктора — с 52 года. Все они живут в селе Идринском.

Владимир Григорьевич был очень старательным механизатором, его всегда ставили в пример другим. Его уважали за справедливость, за скромность, ежегодно он получал премии, грамоты, благодарственные письма за успешное и качественное проведение весеннего сева, за сенокос, за уборку, вспашку зяби. С большой теплотой он отзывается о совхозных механизаторах: Владимире Сорокине, Георгии Зиненко, Владимире Батеневе, Николае Тоторове, Андрее Вахтеле, Николае Черкасове.

Наступили другие времена, и ветеран сокрушается:

— При советской власти лучше жили, а сейчас все идет на развал, какая-то безработица. Поля зарастают, их не обрабатывают, а люди без работы болтаются. До перестройки на нашей ферме было до 150 единиц тракторов и машин, а теперь остались считанные единицы. К чему мы придем, не понятно.

Свои боевые награды, ордена и медали, ветеран надевает тогда, когда приглашают его на празднование Дня победы.

М. Гуров

ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

Кто мог подумать, чтобы солдат из подтаежной деревни Силкино дошел до Берлина. Сейчас ни на карте, ни на нашей Идринской земле такой деревни нет, она исчезла как неперспективная, а жители разъехались кто куда. Но в 42 году деревня жила, и из нее уходили на фронт мужики.

Кузьме Кайкову и Ивану Белякину было по девятнадцать, когда их призвали в армию. Из подтаежной деревушки они прибыли в город Абакан, где формировался 363-й лыжный батальон стрелков. Через

месяц увезли в Кировскую область в город Котельничи. Здесь батальон дополнили вятскими парнями и вооружили винтовками и через одного автоматами ППШ.

На Калининском фронте немецко-фашистские войска только что отбросили от Москвы и 300 километров батальон лыжников в маскхалатах шел на передовую. Привала не было, и уставшие бойцы дремали на ходу. «Устанет солдат, задремлет, падает, гремя лыжами, очухается в снегу и опять двигается по заснеженному полю», — вспоминает Кузьма Николаевич.

Четвертая ударная армия под командованием генерал-полковника А. И. Еременко наступала на город Торопец, затем перерезала железную дорогу на Великие Луки и в первых числах февраля 42 года вышла на подступы к городу Велиж.

— Здесь нашему батальону дали задание выбить фашистов с высоты, — рассказывает ветеран. — Там, среди сгоревших домиков одной деревушки, засели гитлеровцы и упорно сопротивлялись. С ходу, без артподготовки, командиры бросили нас в атаку. Под пулеметным и минометным огнем неопытные бойцы не добрались до деревушки, разбросало, разметало их по заснеженному полю. Командиров перебило, а уцелевшие солдаты залегли в снегу. Отступать нельзя, а вперед идти, сил нет. Перевязали раненых и лежим, холодно, поземка метет, и мы замерзать начали, а противник головы поднять не дает, обстреливает. Тут и мне досталось, обморозил ноги, и нас отправили в санчасть.

Три месяца лежал в госпитале в Пензенской области, затем запасной полк. Отобрав 40 человек, нас повезли под Воронеж, в деревню Чеглы, и здесь обучили стрелять из ПТР по танкам.

Воронежский фронт под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина с тяжелыми боями отходил за Дон, его задачей было очистить от противника восточный берег Дона и укрепиться на нем. В начале сентября 42 года особенно жестокие бои шли у станции Лиски. Мы держали оборону, и гитлеровцы по десять раз бросались в атаку, но их отражали. Самолеты фашистов постоянно бомбили переправу.

После немецкой атаки наш командир роты Овсянников подал команду нам петезарцам, перебраться на опушку леса и занять позицию. Я послал своего заряжающего подобрать место, а сам залег в окопе. И тут над нами разорвался снаряд, выпущенный немецкими зенитчиками. Осколки шрапнели впились мне в ноги, и я остался лежать в окопе до вечера. Потом ребята утащили меня в санчасть.

Опять госпиталь в Борисоглебске, операция, затем отправили в Челябинск. Через восемь месяцев меня, как говорится, поставили на ноги. Правда «цыганочку» плясать я не мог, но на ногах держался устойчиво, и поэтому определили меня в отдельную артиллерийскую бригаду № 1519, которая находилась в городе Коломны, и оттуда нас перебросили под Бобруйск. Здесь готовилось большое сражение за город.

Фашистские захватчики создали в бобруйской крепости концлагерь, где содержалось 25 тысяч заключенных. В городе был важный военно-опорный пункт немецкой армии, здесь формировались и укомплектовывались воинские части, действовали органы карательно-разведовательных служб, и город был сильно укреплен.

Бобруйская наступательная операция войск правого крыла 1-го Белорусского фронта началась 24 июня 1944 года. Соединения 65-й армии, где воевал Кузьма Николаевич, прорвали оборону противника и углубились на десять километров.

— Здесь мы применили новый метод артиллерийской поддержки пехоты и танков, — вспоминает ветеран, — это двойной огневой вал, после которого пехота успешно преодолевала препятствия. Наши 152-мм пушки поработали на славу. Поистине, артиллерия — это бог войны.

После этой операции перебросили нас под город Ковель, а после его взятия вышли на Варшаву. Операция по освобождению города началась 14 января и закончилась 3 февраля 45 года.

Войска I-го Белорусского фронта, теперь уже под командованием Г. К. Жукова, подошли к предместьям Берлина, а юго-восточнее города была окружена франкфуртская группировка противника. Это дало возможность выйти к Берлину и окружить всю берлинскую группировку к 25 апреля.

Ликвидация группировки в городе продолжалась до 2 мая путем расчленения обороны и уничтожения противника по частям. Каждую улицу и дом приходилось брать штурмом. В метро, в подземных сооружениях и ходах сообщения велись рукопашные схватки. Штурмовым отрядам и группам придавались боевые части артиллерии, и нам приходилось из своих орудий бить по объектам, иногда прямой наводкой.

Непосредственно в город нас, пушкарей, со своими громоздкими орудиями не пустили, но мы мощными обстрелами быстро подавляли гитлеровские огневые точки.

2 мая сопротивление полностью прекратилось, и остатки берлинского гарнизона во главе с начальником обороны генералом Вейдлингом сдались в плен.

После безоговорочной капитуляции фашистской Германии нам, артиллеристам полка, разрешили побывать в центре Берлина у рейхстага. На его стенах от пола и почти до потолка наши воины оставили свои надписи и различные изречения.

Наш полк отвели от Берлина в небольшой лесок, и тут мы услышали артиллерийскую канонаду, били на радостях наши зенитчики. 9 мая был день победы! Глядя на них, и мы стали салютовать из автоматов. Рядом деревня и жители всполошились, едва успокоили.

— В Германии мы находились еще два года, и только в мае 47-го отпустили домой.

Приехал я домой в свою родную деревню, в свой колхоз «Охотник», и сразу же стал работать на гусеничном тракторе «Нати». Жили колхозники

плохо, и если бы не тайга, то совсем худо. Наш колхоз то присоединяли к другому колхозу, более богатому, то отделяли и довели до того, что признали колхоз неперспективным. Убрали скот, признав его бруцеллезным, увезли технику, и колхозники разъехались кто куда. Наша семья в 1973 году тоже уехала в Стаханово. Здесь определили меня на работу сначала чабаном, потом кочегаром, а последнее время работал на сушилке.

— Все бы ладно было, да случилась беда, умерла жена, а ребят у нас с ней было порядочно, четверо сыновей да две дочери. Все выросли, выучились и работают.

— Хорошие дети у Кузьмы, — с большой теплотой говорит Наталья Ивановна, с которой живет сейчас Кузьма Николаевич, — не забывают, приезжают с внучатами погостить, помочь.

Нам, пенсионерам, помогает колхоз, зерно дает. Мы держим курочек, поросенка. А коровку держать сил нет. Пока ходим, топчемся по двору, вроде бы хорошо, а подумаем о завтрашнем дне, то радости мало. Жизнь изменчива: не загадывай на год, а заглядывай в рот.

Непонятная жизнь пошла, у одних миллионы в банках, им все доступно, а другие, нищие, концы с концами не могут свести. Кому такая жизнь понравится? Вот так и доживаем свой век, а куда денешься.

М. Гуров

ЗЕНИТЧИЦА

Екатерина Никитична Рысева живет в своем родном селе Большой Хабык. Здесь в 1922 году родилась. Отец ее воевал еще в гражданскую войну за советскую власть. А когда Екатерине исполнилось 14 лет, умерли родители, и она воспитывалась в семье старшего брата отца. Окончив пять классов, она стала работать в колхозе на разных работах. А когда дядя ушел на фронт, и в 41-м пришла на него похоронка, то Екатерина уехала в город Горький в автозаводской поселок.

Это было в 1941 году - рассказывает Екатерина Никитична. Только я приехала, на другой день началась война. Ехать обратно не представилось возможности, все поезда были загружены, страна была на военном положении. Один выход - оставаться здесь, и я пошла работать на военный завод.

Мне, деревенской девчонке было страшно, когда на город каждую ночь налетали фашистские самолеты бомбить. Они прорывались на автозавод, там

уже выпускали военную продукцию. И ночью поднималась такая оглушительная стрельба зениток, разрывались бомбы, прожекторы освещали небо, и видно было немецкие самолеты, а люди из поселка убегали и прятались в землянках.

Менее занятых рабочих отправляли копать противотанковые рвы на подступах к городу и к автозаводу. Два месяца мы изо дня в день копали землю, а над нами пролетали бомбардировщики на автозавод со смертоносным грузом. В одну из ночей от разрывов бомб пострадали заводские ребята, а мой сродный брат Николай был убит.

Зиму я проработала на заводе, а в апреле 1942 года пошла в райвоенкомат и добровольно попросилась на фронт. Не отказали, на медкомиссии дали добро и, собрав сотню девушек, отправили в Дзержинск. Здесь мы прошли военную подготовку и нас отвезли в зенитный батальон. Нас разместили на четыре батареи: прибористами, дальномерщиками, связистами и воздушными разведчиками. Я служила в разведке.

Затем нас отправили на Белорусский фронт под город Великие Луки. Мы отражали налеты фашистской авиации, сбивали немецкие штурмовики. Побывали мы со своим дивизионом зенитных орудий и в Латвии под городом Лиепайей. Мне, как воздушному разведчику, не один раз приходилось первой встречать немецкие самолеты и подавать сигналы тревоги. Бывало, что попадала и под бомбежку, и под обстрел, но везло, оставалась жива. Наши зенитки побывали под городами Можекляй и Поневежес. За период моей службы на зенитных батареях мы сбили тринадцать самолетов противника. За заслуги перед Отечеством я получила боевые награды: ордена и медали. Конец войны мы отмечали всей батареей. Обнимались, плакали и смеялись. Вспоминали погибших девчат. Но радость была большая.

Война уже закончилась, а мы все еще несли воинскую службу, только в декабре 1945 года нас демобилизовали. Домой я приехала в Большой Хабык к брату. Работала в колхозе, а в 1949 году вышла замуж за фронтовика. На свадьбе гуляли все мои подруги-доярки. С мужем мы воспитали троих детей. И вот уже 14 лет живу одна: муж умер, дети выросли.

Вспоминая фронтовые, суровые годы, своих подруг, пришедших и не пришедших с войны, взгрустну, поплачу. Но жизнь берет свое. Радуюсь подрастающим внучатам и думаю: что мы им оставили после себя, после такого развала в нашей необъятной стране? Ну а в наш святой праздник - День 9 мая, мне хочется пожелать всем ветеранам войны и тыла доброго здоровья и благополучия.

М. Гуров

И ВСЕ-ТАКИ ЭТО ВОЙНА

В селе Куреж фронтовиков осталось трое: Е.Г. Дедаш, Ф.А. Репиленко и М.Г. Чернявский. Об одном из них я и расскажу.

Федор Акимович Репиленко, 1928 года рождения, уроженец села Куреж. В его родословной все мужчины фронтовики. Дед по отцу, Петр Савельевич, воевал в Порт-Артуре еще в японскую 1905 года и там погиб; дед по матери, Харитон Харлампиевич, воевал в германскую 1914 года, тоже погиб. Оба были награждены Георгиевскими крестами. Отец Федора

погиб в Отечественную в битве на Курской дуге в 1943 году. И в этом же 43-м сын заменил отца и ушел на фронт.

Идринский РВК призвал молодых ребят в армию. Вместе с Федором ушли на службу его сверстники Ефим Зайцев, Марат Гусев, Костя Закржевский. Сразу увезли в Абакан, а затем поездом в город Бекин. В этом приграничном городе находился инженерно-технический батальон, и Федора зачислили в разведку.

В мае 1945 года закончилась война с фашистской Германией, а 9 августа началась война с Японией.

Фронтовик рассказывает:

- Когда мы получили приказ о наступлении, то наш батальон стал наводить переправу через реку Уссури. Затем началась артподготовка, и наши солдаты стали переправляться на тот берег. Мы начали вести наступление на города Баоцзин, Ямуцзы и на Харбин. Это был второй Дальневосточный фронт под командованием генерала армии М.А. Пуркаева.

Мы наступали на правом крыле батальона и наткнулись на японский дзот. Неожиданно заработал пулемет, мы залегли, но мой земляк Костя Закржевский был убит. Меня слегка ранило в голову. Мы обошли дзот с тыла и забросали его гранатами. Затем погнались японцев до города Баоцзына, где самураи сдались в плен. В этом же бою захватили японских офицеров и привели их в штаб. За этот подвиг нас наградили медалями «За отвагу», а за взятие города - медалью «За боевые заслуги».

Наш комбат, майор Котиков допрашивая японского офицера, сказал: «Офицер не должен сдаваться в плен - это смерти подобно!». Японец ответил: «Наш император приказал сдаваться».

Под Харбином нам сообщили, что война с Японией закончилась, Квантунская армия разгромлена, Китай получил свободу от японских захватчиков. Много японских военнопленных солдат отправили в Советский Союз на восстановительные работы.

И вот нас снова направили в город Бекин, а оттуда самолетами - в Корею. Три месяца мы находились там, но боевых действий не было. После этого нас перевезли в Хабаровск. Там зачислили способных ребят в полковую школу младших командиров. Мне присвоили звание сержанта, а в 1950 году нас демобилизовали и отправили домой.

В Куреже снова начал работать в колхозе. Мне доверили пасти отару овец на Малом Куреже. В то время была борьба за получение не только настрига шерсти, но и получения наибольшего количества ягнят. Мы со своей отары овец получили 122 ягненка от 100 овцематок. Чабаном я проработал более десяти лет, и каждый год получал премии. Получил звание «Чабан I класса». В 1986 году я вышел на пенсию, но продолжал работать лесником. Без дела не сидел, топор и пила постоянный инструмент в моих руках. Изготавливал деревянные лопаты и вязал меня для работы на колхоз на зерноскладе.

Здесь в Куреже я родился и вырос, здесь, как говорится, мои корни, и никуда не собираюсь уезжать. В нашей семье трое дочери, все они при месте, живут с семьями.

Дед радуется внукам, особенно, когда они приезжают на побывку. Одно беспокоит - какова будет жизнь них в нашей многострадальной России, не окажутся они безработными? Обидно за державу.

М.Гуров

КАВАЛЕРИСТ ШИКАРЕВ

В соседнем селе Белоярске Краснотуранского района в 1922 году родился будущий кавалерист Михаил Федорович Шикарев. Еще в детстве с деревенскими ребятами увлекался он лошадками. Смышленный и веселый паренек знал в бригаде всех лошадей по кличке и скакал на них так, что позавидует даже взрослый.

Вырос Михаил на степных просторах да на привольных сибирских ветрах высоким, стройным и стремительным. А осенью 1940 года пришла пора в армию идти. И повезло же пареньку — попал служить в кавалерию на Дальний Восток. Привезли новобранцев на станцию Лазо и напрямик в 60-й кавалерийский полк направили.

Разместили по казармам. После карантина приняли присягу. Затем командир взвода Перепелкин рано поутру заходит в казарму и зычно подает команду:

— Подъем!

Простыни и одеяла слетают с ребят, и они выскакивают строиться. После завтрака повел их в конюшню к лошадям. Каждому досталась лошадка без выбора, Михаилу добрый рослый гнедой конь.

10 апреля 1941 года эскадроны лошадей погрузили в вагоны и повезли на запад до города Львов. Здесь выгрузились и 6 мая марш-бросок до города Каменка-Струмилово. Расположились по военному, поставили коней на корм и вечером посмотрели кино «Чапаев».

Ветеран рассказывает: «Утром в шесть часов слышим, дальнбойная артиллерия бьет, где-то рвутся снаряды, но по нашему городу снаряды не рвутся. Все на ногах и держим под уздцы лошадей. Командир нашего эскадрона подает команду: «Взять с собой 30 патронов для карабина, запас сухого пайка, полотенце и на передовую».

Первый бой. Мы отстреливались от наступавших немецких солдат. Они шли с автоматами и на ходу вели огонь по нашим окопам. Мы яростно отбивались до самого вечера, фашистов не пропустили, но силы были неравными и нам подали команду отступить. Ночью отступали, а днем опять бой, отражаем наступление врага. Ночью уходим, отрываясь от немцев, а днем окапываемся и снова бой, снова убитые и раненые. А когда подошли до города Белая Церковь, это южнее столицы Украины Киева, то остановились, окопались и приняли бой с фашистами. Около села, где расположился наш эскадрон, немцы остервенело лезли, не обращая внимания на потери, им нужно захватить город во что бы то ни стало. Мы отбивались, но под плотным огнем противника невозможно головы поднять, не то чтобы перевязать раненого. Пулемет, что бил по наступавшим с левого фланга, замолк, и немцы усилили наступление. При перебежке к умолкнувшему пулемету по левой ноге ударила немецкая пуля и нога подвернулась. Падая, я закатился под бугорок и продолжал отстреливаться. Но в глазах стало туманиться и стрелять я уже не мог. Крикнул ребятам, что ранен, и меня вытащили с поля боя санитары — сразу полевой госпиталь в станице Амбросовка. Рана была сквозной и долго не заживала. Только через месяц меня выписали в оздоровительный батальон, затем увезли в Мариуполь в распределительный батальон, оттуда я попал в 60-й кавалерийский полк им. Котовского во второй эскадрон. Стояли мы в станице Федоровка и в Малом Белозерске. Утром снова вступили в бой, фрицы забрасывали нас минами — это у них хорошо получалось, если при наступлении мы их отбивали, то, озверев от поражения, они закидывали нас минами.

Сутки мы отбивали натиск фашистов, и они несколько раз обстреливали нас минометным огнем. Размеренно бьют по окопам, то там разворотит окопчик и засыплет землей солдата, то тут застонет он, бежать некуда, стреляем, и вот около моих ног разорвалась, будь она проклята, эта злополучная немецкая мина. Взорвалась и забросала землей, и я не мог шевелить ногами. Сгреб землю, потянул одну ногу, идет, а другая не шевелится, значит, перебита, решил я, и пополз, волоча правую ногу.

Опять госпиталь в Ростове, затем в городе Ворошилове три месяца пролежал, а весной отправили долечиваться в Баку и Красноводск.

И вот 19 апреля 1942 года я прибыл в Краснотуранск, домой. Теперь я уже не вояка, обе ноги прострелены, — сетует ветеран. — Но районное село подлежало затоплению, и всех жителей переселяли в другое место и я уехал в совхоз на ферму Октябрь вместе с женой Еленой Павловной. В войну она работала трактористкой. Сейчас мы оба на пенсии, но она нас не обеспечивает, слишком все дорого, особенно лекарства. А воевали-то за хорошую жизнь, за счастье наших детей. А оно вон как повернулось».

Тяжело ветерану одному, жена его, Елена Павловна, двенадцатый год лежит парализованная. Вздохнет тяжело старый кавалерист, но духом не падает.

М. Гуров

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

Дед Иван Агафонович Ирекаев в 95 году прошлого столетия приехал с семьей из полуголодной и малоземельной Мордовии на привольные сибирские земли. Как переселенцу из «Расеи» ему выделили надел земли и немного денег на обзаведение хозяйством.

Иван Агафонович был мужиком работающим, понимал толк в земледелии и обосновался со своей семьей на просторном берегу реки Сыды в с. Идринском.

Сын его Варфоломей Иванович удался в отца, из его рук ничего не выпадало, а наоборот, преумножалось. Поставили добротный крестовый дом, сыграли свадьбу, и проворная сибирячка нарожала пятерых сыновей, один одного краше. Ребята подрастали, стали, хорошими помощниками по хозяйству. Вовремя пахали, сеяли, убирали, косили на лугах траву, кормили скот. Рачительный Варфоломей скопил денег от продажи скота и зерна и прикупил молотилку. Он не пожалел даже свою черненькую шубу отдать в придачу за машину. И пользовался этой, так необходимой хлебобору, молотилкой весь улус, и за это хозяина уважали.

Время шло, жизнь менялась, пришла коллективизация. Сразу не додумались сельчане до колхозов и создали коммуну под названием «Индустрия». В эту коммуну собрали не только семьи, но и лошадей, скот, инвентарь и стали жить, проедавая все обобщественное в общественном котле. Года не прошло, и коммуна распалась. Умные, люди организовали колхозы и в один из них, под названием «Знамя труда», стали привлекать крестьян.

Варфоломей Иванович заупрямился и не пошел в колхоз. Два года агитировали мужика в коллективное хозяйство и после уговоров подвели под твердое задание. А потом увезли под арестом в город Минусинск. Там убедили в том, что колхоз — не коммуна и крестьянину в нем будет жить лучше. И в 32 году Варфоломей с семьей вступил в колхоз.

Всякие работы в колхозе были не в тягость крепкому мужику, да и ребята, как могли, тоже работали. Может быть, и дожили колхозники до лучших времен, да вот неожиданно нагрянула война, и пошли по деревням и селам повестки из военкомата. Сперва призвали, на фронт резервистов, а потом и молодежь.

Сразу же ушел на фронт глава семейства Варфоломей Иванович, затем старший сын Андрей, затем Василий и Тимофей. Дома осталась мать с двумя маленькими сыновьями. В эту долгую, как всем казалось, войну все ждали возвращения родных с фронта, иные возвращались, иные нет. В семье Ирекаевых судьба распорядилась по-своему. Варфоломей Иванович был ранен под Харьковым и домой вернулся в 46-м году, его ранило в бедро, но ногу хирурги оставили, и, сильно прихрамывая, старый солдат снова стал работать в колхозе. На Дальнем Востоке воевал с японцами Андрей и тоже остался живой. Василию и Тимофею от фрицев досталось на память, но, к счастью, оба вернулись домой живыми.

Вот как рассказывает Василий о фронтовой жизни.

— В 42-м нас призвали в армию и увезли в город Читу. Там на полигонах отрабатывали пулеметную стрельбу, копали траншеи и было очень голодно. Стоим в строю, едва держимся, толкни крайнего — и весь взвод упадет. Выручал госпиталь. Выправят захудалого и опять в строй.

Затем перебросили наш полк в Монголию, там тоже ожидалась каверза с японской стороны, и мы «закапывались в землю» в случае нападения. Но этого не произошло, и нас увезли в Казань. Сформировали в маршевую роту, обучили, как обращаться с противотанковым ружьем.

Отправили нас на Ленинградский фронт под командование генерала-армии Л. А. Говорова на Карельский перешеек. Войска правого крыла фронта занимали рубеж от Сестрорецка до Ладожского озера. Противник создал мощную оборону до 120 км глубиной из трех полос до самого Выборга, Задача: направить главный удар войсками 21-й армии на этот город.

10 июня 1944 года наши войска перешли в наступление и прорвали первую полосу обороны противника, приказали уничтожить пулеметы противника, которые стреляли из дотов. Подобрались скрытно и залегли на берегу речушки в зарослях, затем ударили по амбразуре дота зажигательными. Из дота повалил дым, и штурмовые группы автоматчиков полезли на высоту и взяли ее.

На помощь немцам финны перебросили на Карельский перешеек дополнительно дивизии, но наше наступление им не пришлось остановить. Через неделю вторая полоса обороны была взята.

Помнится, в этом наступлении перебирались через болота и мелкие озера, применяя всякие плавсредства. Тащим мы дощатые ворота, фашисты нас заметили и стали обстреливать из минометов. Бросили ворота и залегли. Я говорю своему помощнику: «Давай отползем от этого места». Поползли, а мина шлепнулась туда, где мы были. У нашего ПТР опорную ножку перебило, а у помощника губу, осколком оторвало.

Забрались в какой-то коровий хлев, много нас набилось, а мины вокруг рвутся, но нам повезло, ни одна не попала во хлев

Потом шли всю ночь, а утром атаковали одну телефонную станцию. Гитлеровцы не успели отправить вагоны с грузом, и мы нашли там продукты и всякое барахло. Сделали небольшую передышку, и наши кашевары из муки хотели лапшу нам сварить. Только замесили тесто, и тут команда поступила: «Подъем! Вперед на Выборг!». Жалко тесто бросать, рассовали его по вещмешкам, трое суток шли. На финском хуторе сделали передышку, и тут наварили нам лапши, напекли лепешек из этого теста, да еще по куску конины в котелок положили. На хуторе и клюква нашлась.

К ночи подошли к речушке, стали готовить переправу, а с того берега из крупнокалиберного пулемета по нам резанули, артиллеристы сразу наповал. Ребята быстро развернули «сорокапятку» и накрыли снарядами этого пулеметчика. Форсировали речушку и заняли оборону. Впереди высота, но опять эти проклятые доты, а вокруг надолбы из бетона в шахматном порядке стоят, чтобы наши танки не прошли.

Утром артподготовка и пошли танки, а за ними наша пехота. Но атака захлебнулась, солдаты залегли. Вскоре подошли «катюши» и тут началось светопреставление на той высоте. Все смешалось, огонь с дымом, небо с землей. Это нас приободрило и мы пошли. Выбили немцев с высоты, и покатались они на Выборг.

18 июня 1944 года подошли к последнему рубежу гитлеровцев, заняли оборону, вырыли окопы, готовимся к штурму. Командиры по картам сверяют направление удара и дают задание каждому подразделению. Нашему взводу дали задание захватить находившуюся впереди нас высоту.

Там противник сильно укрепился. После артподготовки мы пошли на штурм, фашисты нас хорошо видят как на ладони и поливают из дотов пулеметным огнем, не дошли — залегли, а он из минометов лупит, аж небу тошно.

Осталось нас от взвода семь человек живых, и выбрались мы из пекла, и пошли сами не зная куда. Вдруг слышим из кустов кричат: «Куда вы прете тудыт вашу мать! Вы нас фрицам выдаете», и вправду по нам стали лупить из минометов. Повернули в другую сторону и нашли свой батальон.

Немного отдохнули, нас перегруппировали, и тут взводный дает задание: четверым «петэровцам» и шестерым автоматчикам подобраться к вражескому доту и уничтожить его.

Осторожно пробирались меж валунов, меж кустов, заползли в какой-то ров, по дну ручей протекает, но в нем мы не задержались и, перебравшись

через него, поползли вверх на высоту. Пули посвистывают над головой, срезая траву, кусты и рикошета по камням. Сержант подал команду: приготовиться!

Залегли, накапливая в себе силу и ярость. Дот уже виден, и мы установили ПТР-ы на прицел.

Нас заметили, и из амбразуры дота хлестанула пулеметная очередь. Ленинградец Антонов застонал, перебита нога. Только я приготовился ударить по доту, как меня ударило по ноге чем-то тяжелым и тупым. Выстрелил наугад, но слышу, ребята тоже бьют по доту, и вражеский пулемет замолчал. Автоматчики заорали и полезли к доту, а я лежу и мне на высоту уже не подняться. Подполз раненый Антонов.

- Ирекаев, ты ранен?

— В ногу долбануло.

— Я сейчас тебя перевяжу.

Я подал ему пакет и бинт, и он потуже перевязал ногу. Ползем обратно, а на высоте бой гремит, наши ребята закидали траншеи гранатами. Тихонько ползем, и тут по камням пули: цок, цок! «Вот гад, по нам снайпер бьет», — возмущается Антонов. Я снимаю каску и кладу на камень, и тут же — шелк! Пуля по каске. Отползли в сторону и по ложбинке тянемся друг за другом. К вечеру доползли до своих, и санитары нас перебинтовали.

Потом отправили через озеро в полевой госпиталь, там сделали операцию и увезли в Ленинград. Через месяц раненых перевезли под Ярославль в городишко Ростов. Красивые места, озеро, лес. Здесь хорошо подлечили и признали: воевать не годен. Охромел на одну ногу.

Прибыл я домой 14 ноября 1944 года и без передышки на работу в колхоз. Сразу завхозом поставили, а потом бригадиром полеводческой бригады, а последнее время конюхом. Суровые были те годы, работали день и ночь. До декабря обмолачивали весь урожай на МК-1100, даже соломку конопли обмолотить и в скирды уложить успевали. И все это руками женщин и детей делалось. Ночевали в поле на культстане.

Нашим женщинам поклониться надо до земли — это на их плечах колхозы выжили. Такие вот колхозницы как Анна Заикина, Александра Мирошкина, Елена Кистина да и другие, по 500-600 снопов каждодневно вывязывали, сами вязки из осоки наворачт и в поле несут снопы вязать.

Вот и жена моя, Мария Дмитриевна, с ними работала. Все выдержали, выстояли, хорошей жизни добивались.

- Женская бригада в двадцать семь человек выходила на луга траву косить, — вспоминает Мария Дмитриевна, — мужиков-то раз-два и обчелся, да и те раненые с фронта.

- В 47-48 годах в нашем колхозе выдавали по два килограмма зерна и по два рубля денег на трудодень колхознику, — вспоминает Василий Варфоломеевич.

Время шло. Жизнь менялась, и при председателе колхоза Егорове хозяйство перешло на денежную оплату, а при последнем председателе А. Т.

Донине и денег не стало. Колхоз перевели в совхоз, директором в то время был Кононенко Василий Варфоломеевич, последнее время занемог, этот вездесущий «грипп» свалил в постель ветерана, но он никак не хотел поддаваться этой болезни и через силу управлялся на своем подворье.

- Чего ждаться-то, манна с неба не посыплется, когда своего нет. Старые люди говорят так: «Помирать-то — помирай, а рожь-то сей!» Вот так и живет старый ветеран, топая с раннего утра до позднего вечера по своему подворью, надеясь на лучшее будущее, которого все нет и нет.

М. Гуров

МУЛИН И КУРИЛЫ

Евгений Григорьевич Дедаш родом из сибирского села Куреж. Село сравнительно молодое, недавно сельчане праздновали 100-летний юбилей. Примечательно оно тем, что живут в нем украинцы — выходцы из Полтавской, Черниговской, Киевской областей.

Евгений Григорьевич рос в большой трудолюбивой семье. Отец, Григорий Павлович, также украинец, с малолетства приучал детей к нелегкому крестьянскому труду.

Работать приходилось много — от зари до зари. Шло время, пришла пора Евгению идти в армию. Осенью 1940 года он вместе с Андреем Горковенко, Андреем Денисенко и другими ребятами: Жицким, Гриценко, Муха, уехал в город Абакан на сборный пункт, а там, в теплушках на Дальний Восток до пограничной станции Гродеково. И потекли обычные армейские будни: сначала карантин, потом присяга. Евгений Григорьевич улыбается:

— Знаете, до сих пор помню номер свое винтовки— 3148. Хорошая винтовка была, пристреляна хорошо, да и долго нам с ней служить пришлось. Зачислили меня в строительный батальон, и строили мы в Уссурийской тайге военные склады. Жили в палатках, кормили плохо, продукты завозили на лошадях.

И вдруг приехал нарочный: «Война, ребята! Фашисты напали на нас». Командир собрал нас всех в казармы, а ночью мы уже в вагонах ехали в сторону Владивостока. На какой-то станции выгрузились, а утром артиллерийский капитан предложил желающим продолжить службу в артиллерии. Я вызвался, и мы с капитаном уехали в Гродековский укрепрайон. Там я был зачислен в подразделение авиаразведки 300-го зенитного дивизиона.

Обстановка была напряженной, японцы постоянно устраивали провокации — их авиация почти ежедневно производила облеты вдоль границы.

На мою долю выпал редкий случай встретить земляка. Это был Иван Гриво, он служил в связи. Разговорам не было конца. Я угостил его супом с крупой, кашей, а 200-граммовый паек хлеба разделили пополам.

На Западе шла война, и мы напряженно следили за ходом боев. До слез радовались, когда немцев отбросили от Москвы, когда Советская армия нанесла врагу поражение под Сталинградом, восхищались прославленными полководцами: Жуковым, Коневым, Рокоссовским. А как мы гордились, когда советские войска штурмом овладели Берлином.

Однажды пришел и наш черед. Ночью завывала сирена, нас построили и зачитали приказ Сталина — Японии была объявлена война. Это случилось 9 августа 1945 года. Наши части, не встречая организованного сопротивления, перешли границу. Грязь была непролазная. Даже мощные тягачи вязли в этом месиве, и мы с трудом вытаскивали пушки. Двигались в направлении города Мулин. До него оставалось немного, дорога стала суше. Уже на подходе колонна втянулась в ущелье и натолкнулась на засаду. Перестрелка длилась до вечера, были раненые, Все можно было кончить быстро, но на узкой дороге мы не могли развернуть пушки, вечером бой стих. Мимо нас прошла машина с военными, мы еще кричали вслед: «Дальше нельзя, там японцы!» Утром, обогнув сопку, мы увидели догорающий автомобиль и двенадцать трупов. Вот оно лицо войны. Перед городом устроили позицию, и батарея открыла интенсивный огонь. Грохот был такой, что у меня из ушей потекла кровь. Город был взят. Наш дивизион был отведен за город и приводил себя в порядок. Неподалеку располагались брошенные японские склады, и нам разрешили брать оттуда галеты, крупу и прочее. И вот однажды один из моих бойцов из любопытства поджег несколько коробок с чем-то черным. Оказалось — порох. Чудом обошлось без жертв. Солдаты отделались легким испугом, а я пятью сутками гауптвахты.

Навсегда запомнился десант на остров Уруп. При десантировании один солдатик, не умея плавать, влез мне на плечи, и мы едва-едва выбрались на сушу. Остров японцами был брошен, только разбитые машины и разрушенный морской порт.

Нас снова вернули во Владивосток, и 3 сентября 1945 года было объявлено о капитуляции Японии. У меня все острее стала проявляться глухота, пришлось лечь в госпиталь. Через месяц почувствовал себя лучше и был выписан. В части был награжден за победу над Японией и демобилизован.

Приехав домой, узнал, что мой земляк Иван Гриво погиб. Дома меня встретили с огромной радостью, ведь прошло шесть лет, как я перешагнул за порог родного дома.

Солдаты, вернувшись домой, после короткого отдыха, принимались за работу: все требовало мужских рук. Евгений Григорьевич работал учетчиком

в тракторном отряде, в разное время был радистом, электромехаником. Уходят годы, уходят люди. Умерла жена. Мария Кирилловна, но остались трое детей. Теперь Евгений Григорьевич счастливый дед — у него четверо внуков.

Многие, видимо, от небольшого ума недооценивают роль Дальневосточной армии в Великой Отечественной войне, а именно эта армия удержала Японию от вступления в войну. Она избавила страну в самые трудные годы от необходимости вести бои на два фронта. Именно солдаты Дальневосточной Краснознаменной армии в считанные недели разгромили миллионную группировку японцев. Родина помнит их подвиг. Честь им и слава.

М. Гуров.

НА ВОСТОКЕ ТОЖЕ ВОЕВАЛИ

Почему-то ветераны Отечественной стали скромными, находятся в каком-то затишье: или уже постарели, или время такое бурное, до них ли теперь. Вот и сидят, а то и лежат они тихо - мирно, смирившись с обстоятельствами.

Встретился я с Иваном Еремеевичем Багаевым и разговорился, оказывается, он тоже воевал, но не на Западе, а на Востоке. Там тоже была война, гремели пушки, рвались снаряды, бомбы, мины и свистели пули. Война, как война, там убивали, захватывали в плен, бились не на жизнь, а насмерть.

Иван Еремеевич родился в 1926 году, а ребята этого года призывались в сорок третьем. Из всего набора в 350 человек по району, большая часть ребята попала на Западный фронт, а Багаев с земляками на Дальний Восток. Там еще не воевали, но пахло порохом. В товарных теплушках с буржуйками их привезли из Абакана в Биробиджан.

— После бани, — рассказывает Иван Еремеевич, — нас одели в солдатское обмундирование и увезли на станцию Бобетово, там «драп-машем» пятьдесят километров до Биджана. Здесь приняли присягу и начались занятия. До июля 1944 года нас обучали военному делу и я стал пулеметчиком 83 стрелкового полка. Правда плохо было с питанием и я дошел до 51 килограмма весом. Но помог госпиталь, там я дал прибавку аж на тринадцать килограммов.

Когда наши войска взяли Берлин и Германия капитулировала, то я очень обрадовался этому, потому что мой отец там воевал и вместе со всеми брал Берлин. Об этом мне сообщили в письме из дома.

На Восток стали прибывать воинские эшелоны с солдатами и боевой техникой. Некоторые ребята не верили, что будем воевать с Японией, разбили фашистскую Германию и на этом конец войне. Но нам объяснили,

что японский милитаризм нисколько не лучше фашизма и на Ялтинской конференции был подписан договор между СССР, США и Англией о ликвидации опасного очага войны на [Дальнем Востоке, каким была Япония.

В апреле 1945 года весь наш полк, где я служил, подняли по тревоге и у реки Биджан мы укрылись в блиндажи и щели. Нам объяснили, что находимся на особом положении и чтобы никто не нарушал приказа о скрытности. Все работы проводились только ночью, такая тренировка пошла нам на пользу. В первых числах августа нас перевели к погранзаставе.

Наступление войск первого Дальневосточного фронта началось в ночь на 9 августа, под проливным дождем без артподготовки. Три полка форсировали Амур, наш взвод разведчиков шел впереди и доставлял в штаб сведения об укрепрайоне японской армии на нашем направлении. При прорыве вражеской обороны один из батальонов нашего полка понес большие потери, треть солдат вышла из строя, были убитые и раненые, но мы продвинулись за день более чем на двадцать километров.

Нам, разведчикам, категорически запрещалось ввязываться в бой, добытые сведения о противнике стоили большего, развернулось стремительное наступление на Харбин, вскоре он был взят и началась массовая сдача японских войск в плен. Здесь мы пробыли только двое суток и часть перебросили на станцию Бобтово.

2 сентября война с Японией закончилась и нас увезли в город Комсомольск-на-Амуре, потом на Сахалин в портовый город Маока, сейчас он называется Холмск. Здесь скопилось много военнопленных и мы их конвоировали до города Углегорска. Пятьсот бывших японских вояк шли вдоль западного берега Сахалина, длинная колонна растянулась почти на десять километров и четырнадцать наших солдат сопровождали пленных.

На ночь располагались в деревушках, где жили японцы, корейцы и народность айны. Они охотно кормили военнопленных приготавливая им пищу в котлах, ведрах, выпекали хлебные лепешки и булки. Триста километров прошагали и никто не сбежал, боялись. В пятнадцати километрах от города их разместили в бараках, затем показали местность под огородами и они начали копать, садить, в общем выращивать овощи, которые потом отправляли в Углегорск и грузили на пароходы.

— И долго вы охраняли их? И даже ЧП не было? Иван Еремеевич, вспомнив что-то особенное, сказал:

— За два года японцы научились разговаривать по-русски, не все, конечно, но некоторые хорошо понимали наши команды, мы их отпускали в деревни, и они приносили в лагерь соль, спички, а однажды принесли патефон с пластинками. Заведут его и прямо на поле слушают. Приносили и sake, это слабенькая водка из риса, но пьяных мы не видели.

Был случай, трое японских солдат сбежали, один художник подговорил двоих на побег. Но мы их изловили, одного сразу в лесу, а двоих на шахте. Встав на колени перед боем японских солдат двое покалялись, что

больше такое не повторится, а этот художник был очень злой и заявил: «Или Хоккайдо, или помирай!» А потом при попытке к бегству его застрелили.

Все то, что мы видели и пережили, остается в памяти, забудешь на время, а потом все равно вспоминается. Когда мы шли из Холмска мимо сгоревших Складов, с грудями консервных банок, мимо разбитых снарядами помещений, становилось жутко. Здесь, когда брали станцию Победино, нашим десанникам досталось, много их полегло. Даже после капитуляции продолжали убивать. Японские смертники вырезали часовых, залезали в казармы, убивали солдат, их трудно поймать, как сквозь землю проваливаются, особенно они буйствуют в день рождения «Микадо», для него надо достать кровь.

И вот ведешь этих самураев и думаешь: «А ведь это они убивали наших ребят». И такая злость найдет, что с собой едва совладаешь, невольно рука к автомату тянется, но пересилишь себя - то была война, а теперь мир и распускаться не следует. Смотришь, как вон там на восстановлении полотна железной дороги другие военнопленные работают и пожалеешь их. Они едва-едва двигаются, худые, голодные тащат камни на носилках и спотыкаются. Доживет, а может нет, до репатриации военнопленных, а дома их ждут мать, отец, семья. Зачем эта война, жить мирно куда лучше.

Отвожу ветерана от грустных мыслей.

— Иван Еремеевич, сколько же лет тебя дома не было? Отец с фронта пришел, работает, а тебя все нет и нет.

— Семь лет топал по Дальнему Востоку и только в 50 году отпустили домой. Приехал возмужавший с военной выправкой, обрадовались отец с матерью, живой пришел сынок с войны.

— Ну, а потом, как на гражданке ты себя чувствовал?

Усмехнулся Иван Еремеевич и сказал:

— Через десять дней предложил А. А. Немков поехать на курсы кондитеров. Согласился, поучился и стал работать. Наделали уйму крахмала, а его не берут, денег нет, мы затоварились, зарплату не получаем и разбежались кто куда.

Председатель РИКа М. А. Сергеев нашел мне работу, я возглавил ДСО «Урожай». Начал создавать спортивные команды в колхозах, совхозах и ездить на соревнования. Но хозяйствах денег не оказалось и наш отдел распался. Затем участковый инспектор ЦСУ, семь деревень, в которые еду и пересчитываю урожайность, поголовье скота, овец в хозяйствах. Все это надо подать точно, от этого зависит доведение заданий хозяйствам, вот и просят руководители, как бы пониже цифири сделать и побольше хлеба людям оставить на выдачу. Да и ведет такой учет не одно ЦСУ, тут и отделы сельхозуправления, госстрах и у каждого свои данные, каждый ведет учет в своих интересах.

- Иван Еремеевич, — пытаюсь вернуть ветерана в прошлое, — Вы детство свое вспоминаете?

— А как же, помнится, отец пшеницу убирал на жнейке, а я управлял лошадьми, «гусевиком» был. А летом в сенокос копны возил на конях. Потом окончил курсы трактористов и работал в колхозе «Искра», где бригадиром тракторной бригады был Евстафий Краснов. Хотя и были мы колхозниками, но работали в МТС, которую возглавлял директор Доманцевич, он на «Пикапе» успевал побывать во всех хозяйствах, которые обслуживала МТС.

— А после армии не потянуло на технику?

Иван Еремеевич подумав, ответил:

— Тогда я был молодой, активный и не женатый, хотелось приложить свои силы в организаторской работе, вот и искал я точку опоры в районных организациях. Последние годы работал в исполкоме райсовета.

— Вы молодо выглядите, есть энергия и большой опыт в организаторской работе, смогли бы вы заняться предпринимательской деятельностью?

Широко улыбнувшись, ветеран покачал головой:

— Стоит ли. Ведь мы воспитывались в особом укладе жизни и получили навыки того направления и не в моем возрасте перевоспитывать себя на капиталистический способ производства. Для меня непонятен существующий способ рыночных отношений, да и настоящего-то рынка нет: обман, воровство, грабеж, засилие мафиозных структур, рэкет и т. п. Ничего не производить и накапливать для себя богатство, а за счет кого? За счет обезболенных! Президент обещает хорошую жизнь, а будет ли она? Наше поколение прожило жизнь на перестройках: на войнах и восстановлении народного хозяйства, на экспериментах в сельском хозяйстве. Была какая-то вера в светлые идеалы будущего, а теперь ничему нет веры, живем одним днем. Прошел день, слава богу, выдали пенсию, значит еще проживем, не до жиру, а быть бы живу.

М. Гуров

НА КРИВОРОЖСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Однажды у здания районного Универмага мне довелось встретиться с ветераном войны Владимиром Михайловичем Мочаловым. Разговорились, а костылек, на который опирается ветеран при ходьбе, упал на асфальт. Из уважения к человеку я поднял и повесил его на руку, а он стоял и смотрел в пространство сосредоточенно и молчал. Я неторопливо ожидал, минут через пять он тихо произнес:

— Отпустило, можно идти.

—Что так? — спросил я ветерана.

— Осколок около сердца дает о себе знать.

Мы не торопясь шли по улице и разговаривали о прошлом и настоящем.

Оказывается, он из села Никольского нашего района, где мне приходилось жить и работать. Отец Владимира пал смертью храбрых под Москвой, когда мощным ударом отбросили фашистские войска от столицы, и солдатская вдова осталась с дочерью и троими пацанами. Хотя и трудно было детвору поднимать, но с голоду не умерли, спасая колхоз, работали, кормились. А когда Владимиру исполнилось восемнадцать, то в январе 1943 года его призвали на воинскую службу.

В то время с Владимиром вместе уходили в армию его сверстники: Михаил Баранов, Николай Грицкевич, Пимашкин, Сеницын. После родительских проводов и материнских слез, ребят увезли в Абакан, затем в теплушках довели до Ачинска и здесь определили в Киевское пехотное училище, командовал которым генерал-майор Сверчевский.

Обучали недолго и в июле 1943 года выпускников училища отправили в Новосибирск.

— Здесь нас обмундировали во все солдатское и мы приняли присягу. А перед отправкой на фронт, — рассказывает ветеран, — нас выстроили на плацу и командиры выступили с воодушевляющими словами о защите нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Под Воронежем на станции Чугуево в местечке «Сосновый бор» эшелон выгрузился и здесь начались воинские учения по отражению танковой атаки противника. Мы били из ПТР по танкам и бросали противотанковые гранаты, осуществляли танковые десанты.

Что характерно, наша 92-я армия, в частности, наш взвод был интернациональным. Помнится, еще вначале призывники из среднеазиатских республик были в своих национальных полосатых одеждах, и многие, видя наш построенный взвод, смеялись:

— От одного вашего вида все фрицы разбегутся! А когда переоделись во все воинское, то все уравнились, научились по-военному исполнять приказы командиров.

После перекура, выбив из мундштука остатки сигареты, Владимир Михайлович продолжал:

— В то время Воронежским фронтом командовал генерал армии Н.Ф. Ватутин. Войска фронта наносили удары в битве за Днепр севернее и южнее Киева. Захватывали важные оперативные плацдармы на его правом берегу, создавая условия для освобождения Киева.

Мы шли день и ночь, спали на ходу, шагаешь в строю и вдруг незаметно уносит в сторону. Командир отделения затаскивает снова в строй к бойцам, вскинешь глаза и начинаешь соображать, а ребята смеются:

— Не в том направлении пошел, надо на Харьков, а ты на Киев.

Вражеские самолеты не давали покоя, обстреливали наши войска, приходилось часто укрываться днем от бомбежек, а ночью безопаснее, и мы проходили больше километров. В августе 1943 года Харьков был уже взят, и когда мы проходили по городу, то видели разбитые дома, загромажденные улицы — город был сильно разрушен.

Мы пробивались к Днепру в сторону Кривого Рога. Немцы, отступая, усиленно сопротивлялись, приходилось каждое укрепление брать с боем, а местность открытая, у противника на высотке укрепление: траншеи, доты, хороший обзор местности, и бьет из пулемета, миномета — не подступишься.

Чем ближе подходим к Днепру, тем ожесточеннее фрицы сопротивляются. На небольшой высоте опять укрепленные позиции: два рода траншей, доты, огневые точки врага.

Помнится, ранний рассвет забрезжил на Востоке и наши взводные подают команду: «Приготовиться к бою!». Проверяем готовность оружия, гранаты на поясе, ножи, не забываем и солдатский котелок на ремне прицепить и напряженно ждем команды к атаке. И вот, выскакивает вперед помощник командира взвода, мой земляк Михаил Баранов, и кричит пулеметчикам:

— Открыть огонь с левого фланга! — а тут у его ног мина разорвалась. Немцы научились прицельно бить из минометов. Упал, сраженный земляк мой, Миша Баранов, лихой командир, и получит мать его похоронку: «Пал смертью храбрых!». Поплачет семья, погорюют, и навечно останется в их памяти сын Михаил Игнатьевич, так и не успевший отпраздновать свою свадьбу с любимой девушкой.

Решили эту высотку взять обходом с флангов, а когда поднялись в атаку, то фрицы успели удрать на правый берег реки. Перед форсированием Днепра нам зачитали приказ ставки ВГК о том, кто первым на том берегу Днепра захватит плацдарм и закрепится на нем до прихода основных сил, тот станет Героем Советского Союза.

Подразделения готовились к этому, и даже отдельные храбрецы пытались перебраться на тот берег, но не все добирались до крутого берега, тонули на днепровских водах, сраженные вражеским огнем, а то и уносило их течением далеко в сторону и назад они не возвращались.

А наш взвод готовился к переправе основательно. На резиновые надувные лодки мы грузили боеприпасы, пулеметы, провиант брали с собой и в ночь поплыли захватывать плацдарм. Получилось удачно, нас не обнаружили, других обстреливали, освещая ракетами, и не все выбирались на берег, тонули вместе с оружием.

Приткнувшись к крутому берегу, выскакивали наверх.

Перед рассветом мы неожиданно навалились на немецкие траншеи, фрицы нас не ждали, и мы их выбили. Закрепились и ждали, немцы так не оставят, попробуют выбить нас из траншей. Они свои пушки и минометы тут оставили второпях.

И вот к обеду началось: мины густо рвались, артиллерия разбивала доты и блиндажи, и нам было «жарко». На другом участке, левее от нас, немецкие самолеты бомбили наши переправившиеся батальоны, и командиры просили огня. Наши «катюши» били залпами по фашистам.

Если вы видели фильм «Батальоны просят огня», то это про нас рассказывалось.

На третьи сутки к нам подоспела подмога, переправили на этот берег основные силы, и противник начал отступать.

Наступали на город Кривой Рог, правее нас осталась Белая Церковь. Кругом степь, ни единого кустика, только балки спасали нас от обстрела. Несколько суток без горячей пищи были, наши походные кухни где-то застряли. Получали сухим пайком. Нам выдадут сухари и рыбную консерву на десять человек, и мы, заморив червячка — снова вперед. Идем полями, через плантацию кукурузы, она вытоптана, но початки еще есть, и мы набираем их в карманы. На ходу грызем, жуем.

Перед городом — несколько оборонительных линий противника. Степь — никуда не спрячешься, чуть оплошал при обстреле, и поймает пулю в лоб или в живот, она не разбирает, куда летит. Вот и закапываемся в землю — надежнее.

При батальоне была группа разведчиков, а помкомандира взвода разведчиков наш земляк Шадрин Константин Савельевич. Однажды посылает он наш пулеметный расчет в ночную разведку — уточнить боем расположение противника. Втроем мы ушли в ночь в степь. Отошли порядочно и в каком-то овраге залегли. Тихо установили пулемет на небольшом обрыве и прислушались. Невдалеке слышалась немецкая речь. Мы услышали, как немец командует: «вперед!» и торопит: «быстро, живо!».

В школе я изучал немецкий язык и понял, что немцы нас засекли. Шепчу первому номеру:

— Стреляй, иначе они нас накроют

!— Куда стрелять, их не видеть?

— По их разговору бей! Да живее!

Застрочил пулемет, кто-то из немцев застонал, и в этот момент около нас разорвалась граната. Никого не задело, но оглушило порядочно, и мы, подхватив пулемет, быстро отошли к своим. Командир спрашивает:

— Почему стреляли?

И я доложил о случившемся. Решили, что это была немецкая разведка, охотились за «языком».

Ветеран вспоминает последний бой на подступах к городу:

— Брали мы одну железнодорожную станцию, а там фашисты сильно закрепились на ней — не подступишься. В лоб не взять, а наступать надо, и командиры решили с ходу овладеть ею. Первый бросок не получился, наши роты поредели, оставив на поле десятки бойцов. Залегли, окопались, и командир, увидев меня, подзывает:

— Эй, солдат, быстро ко мне! Я приблизился, и он дает мне задание:

— Позади нас в балке резервная рота, передай командиру — немедленно к нам на помощь! Понял! Выполняй!

Откозырнув по-военному — «есть», я побежал выполнять приказ. Пробираюсь, а пули посвистывают, да мины рвутся. Где по-пластунски, где перебежками добрался я до балки и только скатился с обрыва вниз — сразу на командира наткнулся. Козырнув, докладываю:

— Товарищ лейтенант, наша рота подкрепления просит. Командир послал...

И тут у моего левого бока разорвалась немецкая мина. Вонь, гарь, комья земли и горячие осколки. Очнулся я и чувствую, как санитары раны в моем левом боку затыкают. Голова гудит, оглох, из ушей и носа кровь сочится. Подергал ногами — целые, а вот левая рука, как плеть повисла. Перевязали меня и в санчасть потащили. Ташат меня, и я опираюсь на знакомого мне писаря. Он маячит мне, что дотащит туда, а там перебинтуют. В санчасти обработали раны и отправили нас, тяжелораненых, на станцию Кобеляки. Там подождали санитарный поезд, и повезли нас в Башкирию в город Уфу в госпиталь. Вытащили осколки, а один фрицовский осколок решили не трогать. Около сердца он застрял — опасно его трогать.

Подлечили и в феврале 1944 года отправили домой. Хирург так и сказал:

— Воевать ты не годен, а дома подлечишься, окрепнешь.

Дали мне в дорогу шинель, гимнастерку с брюками, ботинки с обмотками и все это б/у и поехал я на свою родину в село Никольское.

С большой радостью явился домой, но матери и младшего братишки не оказалось, они уехали на лошади по дрова. А когда сообщили о моем возвращении, то от радости они про дрова забыли, порожняком примчались.

Мать плакала от радости, что живой явился, а братья обнимали, расспрашивали о войне. После войны Владимир Михайлович приобрел бухгалтерскую специальность и много лет работал. На этот раз застал я ветерана дома, он, не торопясь, наводил порядок с дровами, и мы вновь разговорились.

— Ну зачем США и НАТО лезут в Югославию?— обеспокоенно спрашивает он, — убивают мирных жителей, никто их не остановит. Организация Объединенных Наций молчит.

— Чему удивляться! — высказываю я свое мнение, — теперь США и НАТО в мирового жандарма превратились. Они действуют по принципу— разделяй и властвуй!

— А надо бы призвать их к ответу!

— Надо, да некому.

Ветеран осуждающе вздохнул и проговорил:

— Разорили страну Советов, теперь плоды собираем.

Для меня были понятны его слова.

М. Гуров

НА СМОЛЕНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Интересный народ эти фронтовики. Настоящие оптимисты. О войне рассказывают как о необходимой работе, которую надо было выполнять добросовестно. О патриотизме говорят, как о самом святом и сокровенном, а Родина для них превыше всего на свете.

К старому знакомому фронтовику я приехал в Куреж в полдень и Мефодия Александровича нашел сидящим в тени прохладного палисадника. Здравуюсь с ним, а он меня не узнает (тридцать лет не виделись). Все такой же веселый, с живинкой в глазах и усмешкой на лице, он так и не вспомнил меня и обратился за помощью к жене.

— Мария, поди сюда, - Мария с палочкой в руках подходит к нам, - чи ты знаешь этого чоловіка?— А як же. Ты что за-был, это же...

— Вот теперь вспомнил,— простодушно смеется Мефодий, — вин же на молотилке снопы в барабан подавал. Вспомнил, теперь знаю кто это. Ну, садись, закурим.

Мефодий вежливо подает сигареты и зажигает спичку. Все как по-фронтовому в песне: «Давай закурим по одной, давай закурим, товарищ мой...»

Мефодий Александрович, — с ходу наседаю я на фронтовика, — давай интервью о своих боевых делах.

- На що воно тобі? — отнекивается ветеран.

- Надо, и не только мне, а людям надо,— убеждаю я ветерана, и он соглашается.

— В 1942 году призвали в Армию, — рассказывает он. — Хотя мне тогда шел тридцать первый год. Нас, резервистов, повезли сразу на Восток, но там долго не задержали и вскорости отправили на Западный фронт. Попал я в 459-й Краснознаменный, потом еще присвоили Ярцевский, гвардейский стрелковый полк. Поезд следовал на Смоленское направление, и на небольшой станций нас выгрузили. Скорым маршем по заболоченной местности вышли мы на передовые рубежи. Здесь накапливались резервы для наступления, мы расположились в небольшом лесочке на отдых.

Приводили себя в порядок: мылись, брились, проверяли оружие. Тут к нам приехали знаменитые артисты: Лидия Андреевна Русланова и Тимошевская. Они порадовали нас русскими народными песнями, в том числе и знаменитыми «Валенками». Мы от души благодарили их.

В то же время в штабах армий разрабатывались планы наступательных операций Западного и левого крыла Калининского фронтов. Была поставлена цель, разгромить немецко-фашистские группы армий - «Центр» и освободить Смоленск. На этом направлении противник сосредоточил крупные силы.

Наш полк в составе 31-й армии вел наступление на Ярцево. Перед нами была поставлена задача - разведать оборону противника и нанести решающий удар. Командир взвода подобрал крепких ребят и сказал: «Сделайте полную экипировку, будем проводить разведку боем».

Подготовились, как положено: автоматы, диски, гранаты, ножи, у саперов ножницы, а мне еще навесили санитарную сумку. Целый день скрытно просматривали мы позиции немцев, а рано утром друг за другом двинулись в сторону неприятеля. Пересекли нейтральную полосу, стали приближаться к траншеям, но тут оказалось заграждение из колючей проволоки. Саперы стали проделывать проходы. Хитрые немцы навесили на колья пустые консервные банки, и они забрякали. Фрицы всполошились, взлетели вверх ракеты, затрещали автоматы, даже миномет заработал.— Осколки и пули засвистели над нашими головами, а мы ждем, когда утихнет этот утренний концерт. Только стихло, мы опять ползем, траншеи фашистов уже недалеко, и мы подтягиваемся, приготавливаемся к броску. Раздается тихая команда: «Вперед!»

Вскакиваем и бросаемся на траншеи, забрасываем их гранатами. Немцы всполошились, на нас обрушивается беспорядочный неприятельский огонь из всех видов оружия. Застрелотали из дзотов пулеметы. Перепуганные фашисты решили, - что началась атака, в предрассветных сумерках стали бить по нейтральной полосе из минометов и орудий. Рядом с нами рвутся - мины, осколки с землей обрушиваются на наши головы, а мы вжимаемся плотнее в матушку землю, - ждем. Горячий осколок впивается мне в челюсть, кровь заливает лицо, и я тороплюсь вытащить пакет и заткнуть дыру. Наматываю бинт на голову, стягиваю. Вижу, ребята поворачивают назад, свое задание они выполнили и забирают меня с собой. Пробираемся в свое расположение по-пластунски, между травой и бочками. Нас встречает комбат и обеспокоенно спрашивает: «Ну, как? Потери есть?»

Нет потерь, отделались только ранеными, и нас благодарят. Огневые точки противника засечены.

В санчасти меня перебинтовали и отправили в госпиталь в Наро-Фоминск. Операцию хирурги сделали быстро, и через три месяца меня выписали. Прибыл снова в часть. Пока я находился в госпитале, Ярцево 16 сентября 1943 года штурмом было взято. Теперь готовилась другая наступательная операция по разгрому немецко-фашистских войск на Витебском и Оршанском направлениях. Неприятель, используя условия лесисто-болотной местности и многочисленные реки с широкими заболоченными поймами, создал на этих направлениях оборонительные рубежи глубиной в 20-45 километров. Витебск и Орша были превращены в сильные узлы обороны. Третий Белорусский фронт генерала армии И. Д. Черняховского наносил удары на Богушевск и на Оршу. Наша 31-я гвардейская армия охватывала Оршу с Юго-Запада, а другая, одиннадцатая, с Северо-Запада.

Перед наступлением сосредоточились в траншеях и целые сутки ждали. Вода хлюпает под ногами, но выходить из траншеи не велено. Рано утром, слышим, загудели самолеты, подумали, что немецкие, летят нас бомбить, но оказалось, что это наши бомбардировщики наносят бомбовые удары на неприятельские позиции. После этого началась артподготовка,

заговорил «бог войны». «Значит, через час - другой пойдем в наступление», — переговариваются между собой солдаты. Командиры подготавливают нас к атаке на вражеские траншеи. Артобстрел переносится вглубь обороны противника, и тут раздается команда: «Вперед, в атаку!»

Выскакиваем из траншей и бегом проскакиваем лощину, фрицы всполошились и ударили по нам из минометов. У командира роты убило связного, и он, увидев меня, крикнул: «Усенко, будешь у меня связным!»

Связным так связным, на ногу я легкий и бегаю здорово, держусь поближе к командиру. А бой идет, наши наступают, падают раненые и убитые, но мы бежим и бьем из автоматов. Падаем, поднимаемся, но вот и последний бросок, мы врываемся к фрицам в траншеи. Кто еще живой, убегает, не хотят с нами встречаться врукопашную, боятся. А наши ребята, разгоряченные боем, ругаются, на чем свет стоит на фашистов. Они засели во второй линии траншей и оттуда опять ведут огонь. Выбиваем их гранатами, они удирают дальше. Наконец стрельба затихает, замолкли минометы, взорваны вражеские доты с пулеметами, фашистская солдатня где-то там, дальше, запряталась. Кончается день, к вечеру бой утих, и командиры подают команду закрепиться на занятых позициях. Мы приводили в порядок окопы, траншеи, даже блиндаж для командира подправили. Подсчитали свои потери убитыми и ранеными. Солдаты из хозвзвода доставили нам термоса с горячей пищей.

«Усенко, — вызывает командир. — Вот тебе пакет с донесением, отнесешь в штаб». Беру пакет, бегу по траншеям искать штаб. Одну проскочил, другую, третью. Сразу солдаты попадались, а тут тихо стало, никого нет. Ну, думаю, проскочу еще одну, а там, наверное, и штаб будет. Спрыгнул на дно траншеи, шлепаю и тут слышу голоса невдалеке. На всякий случай прощупал пакет под гимнастеркой и зашагал в левый отворот. Вижу, в сумерках траншеи люди толкуются и разговаривают: «Я, я. Гут, гут».

Как услышал я эту речь, так и обомлел, аж в холодный пот бросило. Чуть было язык от страха не проглотил. Не помню, как ноги сами по себе потащили меня обратно, да так швидко, не успеваю оглядываться назад — не гонятся ли фрицы за мной! За пять минут все траншеи проскочил и напоролся на пулеметный расчет. Те всполошились и запустили ракету.

— Стой, гад! Куда прешь! Хенде хох! Руки вверх! А я отчаянно обрадовался и кричу им:

— Не стреляйте, свой я! Усенко Мефодий из первого взвода!

И чтобы достоверно было, даже командира своего взвода назвал. Ребята поверили и, разобравшись с делом, засмеялись:

— Ну, Мефодий, моли Бога, что пулемет заело, а то бы отправили тебя как святого на тот свет к всевышнему.

Рассказали мне, как найти штаб, и я, быстрехонько добравшись до него, передал пакет начальнику, а сам побежал свой взвод искать. Темно стало, но блиндаж своего командира я нашел и доложил о выполнении задания, потом

приткнулся в угол траншеи и заснул. Слышу, кто-то тормозит меня за плечо: «Усенко, да проснись же ты! Поднимай ребят, через час в атаку пойдем».

Пробежал по траншеям, поднял ребят, зашевелилась пехота. Только рассветало, когда началась стрельба. Фрицы почуяли, что мы в атаку пойдем, и давай нас минами закидывать. Поступила команда идти в атаку, мы выскакивали из траншей. Пошла «царица полей» в наступление. С фланга ударил немецкий пулемет по тому месту, где мы с командиром находимся, стараюсь прикрыть лейтенанта, и разрывная пуля опять угодила мне в левую щеку. Второй раз в то же место попадают. Гады! Челюсть разворотило, кровь заливает рот. Командир забирает у меня автомат, диски, гранаты и указывает на санчасть.

Добрался до санчасти, там меня перебинтовали, а бой, слышу, идет, и солдатское «ура!» доносится через свист и разрывы. Наши войска прорвали вражескую оборону под Оршей, замкнули в кольцо город. 27 июня 1944 года овладели городом.

А нас, раненых, оправили на машинах в Калугу, потом в Свердловск. Целый год пробыл я в госпитале, до сих пор помню улицу Нагорную, 12, где этот госпиталь расположен. После выздоровления думал домой отпустить, ан нет, отправили в строительный батальон, и стал я там кузнецом работать. Как-то из Моршанска приехал к нам лейтенант, встретились мы, разговорились, и оказался он моим дальним родственником. Забрал он меня к себе в город на завод авиационные двигатели ремонтировать. До конца войны я там находился.

В декабре 1945-го домой приехал на перекладных. Сыновья уже выросли, трое ребят хорошими помощниками стали. А я начал ремонтировать молотилку, а потом на ней обмолачивать рожь и пшеницу. Долго таскали колесные трактора эту «сложку» по колхозным полям «Красного украинца». А когда появились комбайны, то надобность в ней отпала. Работал на мельнице, потом на складе зерно дробил для скота. Вот так в работе да в заботе и годы прошли. Теперь мне уже 85. А все еще хочется пожить и узнать: будет ли хорошая жизнь или нет? Если будет, то ладно, а если не будете, тогда как? За что тогда мы воевали, Родину защищали, надеялись на лучшую жизнь?

Мефодий Александрович посмотрел на меня удивленными глазами и заключил:

— Так-то, браток: Давай закурим.

М. Гуров

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Владимир Алексеевич Кожевяткин родился в 1922 году, а в 41-ом вместе со сверстниками из Новотроицка - Николаем Сергеевым, Александром Филофеевым, призвали на службу и отправили на фронт.

Поезд с сибирскими дивизиями направлялся на Москву. Под городом Вязьма завязались жестокие бои, и земляк Сергеев погиб, а Владимира ранило. После госпиталя снова на фронт, теперь уже воевал в Белоруссии. Под Могилевом получил ранение в бедро, и хирурги хотели отрезать ногу, но он не дал. В госпитале вылечили и снова на фронт.

Советские войска продвигались дальше на запад, освобождая столицу Белоруссии - Минск, затем польские города Алива, Гданьск и Варшаву. Под Кенигсбергом Владимира ранило в голову. Пришлось два месяца лежать в госпитале. И вот он снова среди ребят в дивизионной разведке. На территории Германии произошла встреча с американскими солдатами на Эльбе. Далее ветеран рассказывает о своей солдатской судьбе.

- Почти всю войну я участвовал в дивизионной разведке, а попал я в разведку случайно, до этого воевал в пехоте. В одном из боев мы наседали на немцев и уже готовы были захватить их траншеи, но им на помощь пришли танки и начали обстреливать нас. Бой был жарким. Я заскочил в один из окопов, и тут раздался взрыв снаряда, меня засыпало землей, а когда сгреб с себя землю, то рядом оказался немецкий солдат. Завязалась борьба, но я его одолел, скрутил ему руки и выволок из окопа. Бой уже закончился. Я привел немца к командиру. Он оказался офицером связи и дал ценные сведения. За этого языка меня наградили Орденом Красной звезды, а командир направил к разведчикам.

За языками нам приходилось уходить в глубокий тыл немецкой обороны. Днем мы наблюдали за немцами, а ночью уходили за языком. Обычно ходили впятером: двое - группа захвата, а трое - группа прикрытия. С собой берем необходимое: гранаты - лимонки, они легкие и не мешают при движении, пистолет, нож и бечевку. Документы свои сдаем командиру, табачок не берем. С наступлением вечера мы уже готовы к броску. Первые траншеи минуем, там мадьяры, пробираемся к дальним, где фрицы. Вдвоем подползаем к траншее и ищем часового; осторожно снимаем его и к блиндажу; кидаем гранату, и в тот момент, когда люди в блиндаже оглушены, мы врываемся туда и захватываем языка.

Но не всегда бывает удача. Однажды мы чуть не поплатились жизнью. Все шло, как запланировали, и языка взяли, и назад стали возвращаться, но этот наш язык выбросил кляп изо рта и заорал. Что тут началось! Моментажно немцы стали стрелять из всех видов оружия, даже пушки в ход пустили, ракеты засветили, видно стало, как днем. Со злостью стукнули фрица рукояткой пистолета по голове, сразу замолчал, и потащили его в свои траншеи. Но наша артиллерия молчала. После нам дали три дня отдыха, и я пошел к артиллеристам, к своему земляку Николаю Семеновичу Пучкову и упрекнул его.

- Немцы по нам бьют из пушек, а вы молчите!

- Потому и молчим, чтобы нас не засекали преждевременно.

К нам, разведчикам, однажды заявился командующий фронтом К.К. Рокоссовский. Расспрашивал и советовался с нами о расположении немецких траншей и огневых точек. В солдатской пилотке и плащ-палатке он внешне не отличался от рядового и разговаривал запросто, с веселыми фронтовыми шутками. Уважал разведчиков.

За три года службы в разведке мы десятка три немецких языков доставили в наши штабы. Всякие попадались. Иные беспрекословно подчинялись и вместе с нами шли, а иные сопротивлялись. Порой и нам доставалось от фрицев, не все ребята возвращались с задания. К концу войны я имел, кроме медалей, два ордена Отечественной войны, орден Красной звезды, орден Славы I степени. Воевал на 1-ых Украинском и Белорусском фронтах, а закончил войну на 2-ом Белорусском.

После войны все еще находился на службе в войсках НКВД по борьбе с бандитизмом, и только в 1946 году отпустили домой по ранению, а их было всего пять. Поезд с демобилизованными продвигался на Варшаву, и тут случилось непредвиденное обстоятельство. При подходе к мосту через реку, бандиты разобрали путь, и поезд сошел с рельсов. Ночь, темень, и бандиты ведут огонь из пулеметов. Фронтвики выскакивают из вагонов и падают сраженные пулями. Меня ранило в плечо и бедро, но ранение легкое, и я падаю под обрыв насыпи, скатываюсь в реку и цепляюсь за прибрежные кусты. Слышу рокот наших танков. Они фарами и прожекторами освещают вагоны и местность. Бандиты скрываются, и стрельба стихает. Командиры собирают фронтвиков и на машинах отвозят в лазареты, а я не признался, что ранен и попал в группу для отправки домой.

Дома мать и три сестры, отец в труд армии. В Новотроицке бригадир бурмистров дал мне трактор, и я двадцать лет проработал трактористом. Затем десять лет киномехаником, обслуживал четыре деревни. В 1947 году женился, и вот уже 55 лет живем мы вместе с Татьяной Степановной. Воспитали четверых детей.

Фронтвому разведчику 80 лет, дают знать о себе фронтовые раны, до сих пор еще сидят осколки в теле, перебитые ноги отяжелели, но Владимир Алексеевич по-фронтвому бодр и настроен оптимистически.

М. Гуров

НА ХИНГАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Павла Павловича Петухова призвали в армию зимой 1943 года. Вместе со сверстниками из села Никольска Н. Бабушкиным, Н. Белоноговым, Н. Тяжелковым отправили их на сборный пункт в г. Абакан. Оттуда новобранцев увезли на восток в г. Биробиджан.

После прохождения карантина и принятия воинской присяги Павла зачислили в 5-й запасной стрелковый полк и направили в полковую школу младших командиров. По окончании курсов сержанта Петухова направляют в приграничный район на реке Амур. Здесь его полк занимался возведением противотанковых препятствий по берегу реки.

Служба на границе была тревожной. На западе гремела война с фашистами. А здесь, за рекой, находилась японская армия, готовая в любой момент перейти границу. В конце июля 1945 года полк получил приказ совершить марш-бросок. И пройдя 140 километров, прибыли они в заданное расположение на реке Аргунь.

И здесь их застала война с Японией. «Мое отделение было интернациональным, - вспоминает Павел Павлович, - со мной вместе таскали противотанковое ружье русский Перт Чудаев и киргизы Шемелдир Шаршибаев и Кочубей Космолиев. Форсировав реку, мы сразу же в предгорьях Малого Хингана попали под жестокий обстрел японцев.

Вот она смерть перед глазами, сечет свинцовым дождем, рядом упали трое ребят. Мы, отстреливаясь, залегли, тогда два взвода, обойдя врага с флангов, взяли его в кольцо. Перекрестным огнем автоматчиков японцы были уничтожены. Похоронив погибших ребят, мы двинулись дальше вглубь Маньчжурии. Перед нами находился сильный японский укрепленный район. На 15 квадратных километрах вкопанные в землю колпаки дотов, к ним проделаны широкие траншеи, по которым подвозились боеприпасы. Дороги заминированы, и вся местность простреливалась артиллерией.

В горах, в пробитых тоннелях у японцев были расположены склады, штабы и госпиталь. Перед нами стояла задача: скрытым маневром, с трех сторон одновременно ударить по укреплениям противника. В начале наступления наш взвод автоматчиков на самоходке провел разведку боем, для выявления огневых точек и дотов неприятеля.

После бомбежки с самолетов и артиллерийского обстрела, наша пехота цепочкой пошла в наступление. Рвавшиеся кругом снаряды противника вырывали из строя бойцов, но мы перебежками продвигались вперед. Неожиданно у меня над правым ухом раздался треск, и кусок от моей каски отлетел в сторону. Упал раненый старший лейтенант, а мы бросок за броском продвигаемся все ближе к линии траншей самураев. И вот один за другим

умолкают вражеские пулеметы, подавленные нашей артиллерией. Окруженный укрепрайон сдался.

Наш Второй Дальневосточный фронт, под командованием генерала армии М.А. Пуркаева, продолжал наступление на город Харбин. По раскисшим от дождей дорогам с трудом поднимались в гору танки и ползла пехота. Еще хуже было спускаться с перевала. Танки скользили по склонам, становясь неуправляемыми, солдатские сапоги месили грязь и ребята цеплялись за каждый выступ скалы. Нередко наши подразделения попадали в засаду, завязывалась перестрелка.

Для быстрого и успешного взятия Харбина, на город был сброшен воздушный десант. Город был взят в короткий срок. Японские войки целыми подразделениями сдавались в плен. В Харбине мы встретили победу над Японией. Это было 3 сентября 1945 года. Нашей дивизии было присвоено высокое воинское звание - Хангинская гвардейская, а командиров и солдат наградили орденами и медалями. Нашему полку было приказано сопровождать 266 тысяч пленных японцев до города Благовещенска. Но на этом моя служба не закончилась, нас перебросили на остров Сахалин в город Оха, затем служба в Южно-Сахалинске и Сов. Гавани. И, только в 1957 году я демобилизовался. Вернулся домой вместе с женой Марией Андреевной, с которой поженились еще в 1952 году. Вместе со мной она прошла пять лет армейской службы, испытала переезды и хлопоты. У нас взрослые дети: сын, полковник в отставке, дочь, воспитатель детсада, есть и внуки».

М. Гуров.

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

Иван Федосеевич Котов, парень из большой и трудолюбивой крестьянской семьи, был призван на службу в Красную Армию из села Белоярск Краснотуранского района в 1936 году. Положенные три года службы пролетели быстро, и можно было рассчитывать на скорую демобилизацию. Но в 1939 году началась война с Финляндией, а так как Иван служил под Ленинградом, то быстро оказался в окопах на Карельском перешейке.

Глубокие снега, топкие болота, злые северные морозы — все это закаляло волю бойцов, а тяжелые фронтальные бои по преодолению линии Маннергейма вырабатывали боевой опыт и умение

владеть оружием, так что начало Великой Отечественной Иван Федосеевич встретил «обкатанным» и умелым солдатом.

Бои с немецкими частями на границе с Финляндией начались 29 июня 1941 года. Под ударами гитлеровцев, имевших на некоторых направлениях 4-х кратное превосходство в живой силе и технике, фронт, избегая прорыва, откатывался на юго-восток. На реке Свирь положение стабилизировалось — начались изматывающие позиционные бои, сковавшие значительные силы вермахта.

Волею командования саперный батальон, в котором воевал Иван Котов, оказался на Орловском направлении, где выполнял нелегкую задачу по обеспечению боевой работы войск. Разгром фашистов на Курской дуге позволил командованию провести ряд успешных наступательных операций и провести форсирование Днепра, вошедшее в историю как образец военного искусства. Судя по рассказу ветерана, переправа была тяжелой и сопровождалась большими потерями. Немецкое командование понимало стратегическое значение приднепровского плацдарма и прилагало все усилия, чтобы не пустить Советскую армию за Днепр. Несмотря на противодействие нашей авиации, пикирующие бомбардировщики прорывались к переправе и нещадно бомбили понтонные мосты. Старшина Иван Котов вместе с товарищами под непрерывными ударами с воздуха и огнем немецкой артиллерии пытались поставить понтоны днем, но не получилось. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, работу пришлось отложить на ночь. К утру понтонный мост был собран, но вновь заработали бомбардировщики противника. И все-таки, благодаря героизму саперов, войска переправились на правый берег. Началось освобождение правобережной Украины. Проследившая боевой путь Ивана Федосеевича, диву даешься! — похоже, что браваый старшина участвовал в большинстве самых громких операций. Орловско-Курская дуга и освобождение городов Орел, Белгород, бои за Харьков, взятие Черкаска, Корсунь-Шевченковская операция, участие в овладении Будапештом. Ветеран с гордостью пронес славу русского оружия по землям Австрии, Чехословакии, Румынии, Венгрии и Германии, география Европы знакома ему не понаслышке.

День Победы Иван Федосеевич встретил в столице Венгрии — Будапеште. Ветеран рассказывает:

— В этот день нас отвели в лес, где находились замаскированные понтоны, там на опушке нас построили и политрук сообщил о безоговорочной капитуляции Германии, война закончилась полной победой. Был дан роскошный, по фронтовым меркам, обед, поднимались тосты за Сталина, славили полководцев и вспоминали павших друзей.

Дальнейший путь фронтовика-победителя пролегал через Чехословакию в подмосковный город Серпухов. После демобилизации Иван Федосеевич по приглашению брата приехал в Идру. 9 лет службы, военных лишений и невзгод остались позади. В разное время Иван Федосеевич Котов занимал должности председателя колхоза, председателя сельсовета, работал

директором лесхоза. И любое порученное дело выполнял с полной отдачей сил, а в 1994 году ушел на отдых.

Канули в Лету события уже далекой теперь войны, но живут в душе фронтовика воспоминания о павших друзьях и битвах Великой Отечественной.

М. Гуров.

ПАМЯТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Далекий суровый 1942 год, блокада Ленинграда, только что отбросили фашистов от Москвы, фронту срочно нужны резервы, и вот в ноябре-декабре в армию призвали ребят 1925 года рождения.

— Помнится, призвали нас пятьдесят человек через Идринский РВК и никто еще не знал, вернемся мы домой или нет, — рассказывает ветеран войны Алексей Леонтьевич Соболев. — Привезли в Новосибирск и, долго не разговаривая, тут же обучили нас военному делу, затем в товарных теплушках повезли на фронт. Прибыли под город Великие Луки, который фашисты разрушили основательно, и маршем через речку Ловать шли до передовой. Бросок был быстрый и стремительный по лесисто-болотистой местности. Уставшие, мы сбрасывали с себя лишнее снаряжение, в назначенный срок прибыли на передовую, подкрепили и пополнили поредевшие солдатские роты. Меня определили в 203 гвардейский отдельный прорывной полк в артдивизион. Командир тут же заставил в землянке растопить железную печку из мин. Я отказался, испугавшись взрыва, артиллеристы смеялись, но мину подожгли и она горела всю ночь.

Утром нас выстроили, старший лейтенант приказал сибирякам выйти из строя на три шага вперед. Подойдя ко мне, он сказал, что я буду у него связным. После недолгого знакомства с местностью командир вручил мне пакет и приказал отнести его в штаб полка. Я отправился в ночь, днем противник простреливал все дороги. Только вышел на дорогу, как тут же начался обстрел, трассирующие пули оставляли след над моей головой и я решил свернуть в лес. Мне казалось, что сориентируюсь и найду и штаб. Но ночью в тайге заплутал, и только к утру набрел на какую-то воинскую часть. От меня потребовали документы, показал свою солдатскую книжку, но о пакете умолчал. Когда же привели в штаб, то там и отдал пакет. За долгое отсутствие наш командир основательно отругал меня: «Мы думали тебя фрицы как языка сцапали, они тут разведку боем проводили».

Определили в роту связи и я таскал на спине катушку с проводом, телефонную трубку и автомат. Готовилось большое наступление, командующий фронтом А. Е. Еременко приказал всех бойцов подготовить. Если память мне не изменяет, бои шли за Новоскольниковки, мы прорывали оборону противника три раза. Первый раз пошли в атаку под

убийственным огнем пушек, минометов и автоматов. От роты, пожалуй, одна треть осталась, мы отступили. Под обстрелом молодые ребята паниковали и кричали «Мама!», старые солдаты успокаивали: «Чего орешь! Далеко твоя мама и тебе она сейчас не поможет, прячь свою башку в окоп!» Тяжелораненные просили: «Братцы, добейте! Ну, что тебе, тяжело нажать на крючок!» Но мы их уговаривали: «Потерпите, подберут вас санитары!»

Добираясь по-пластунски до своих траншей, я завалился случайно на пулемет, а наш солдат-пулеметчик давай меня расспрашивать:

— Слышь, друг, ты откуда будешь?

— Дурак, видишь, атака захлебнулась, — огрызнулся я.

— Да я не о том, откуда ты родом?

— Ну что ты пристал ко мне, стреляй по фашистам!

— Слушай, ты сибиряк? — донимает пулеметчик.

— Сибиряк, из Красноярского края, — поясняю ему.

— А район?

— Идринский, ну что ты примотался, стреляй!

— Чего зря стрелять, фрицев-то нет пока. А я из Большого Хабыка, — обрадовался тот, — слушай, если меня убьют, то передай...

Тут слышу передают приказ командира всем отойти на исходные позиции. Через несколько минут мы успокоились и ротный поднял нас в атаку. На этот раз ворвались в траншеи противника и закидали их гранатами, а мой земляк расстреливает фашистов в упор из пулемета, те уж и руки подняли и я кричу ему:

— Не стреляй, в плен возьмем!

Да куда там, всех перебил, такая ярость у него на фашистов была.

В немецких траншеях мы хотели передохнуть, некоторые бойцы даже поменяли свои ботинки на немецкие сапоги, но тут ротный снова приказывает преследовать убегающих немцев.

И вот в этой третьей атаке у командира порвалась связь, то осколком, то пулей пересекает провод и я ищу концы провода по кустам. Нашел, счистил зубами и связал, но не надолго. Опять порыв, а командиру связь позарез нужна, рота атакует, солдаты вперед бегут, я тоже бегу по проводу. Осколки и пули щелкают по деревьям, падаю, поднимаюсь и лихорадочно схватываю найденный конец провода. Зачистил и начал скручивать концы, но тут шлепнулся около меня снаряд, грохнуло и засыпало землей. Долго ли лежал, или нет, не помню, а когда очухался, то в голове шум, звон, свист и не слышу даже своего голоса. Отгреб землю и ощупываю себя: руки целы, ноги тоже, а в груди почему-то холодно, как будто там ветер гуляет. Сунул руку под гимнастерку, а там полно крови и в правом боку дыра, из нее кровь идет. Попробовал пакетом заткнуть, не помогло, задыхаться уже начал, вдруг связист на меня натывается.

— Ты что, ранен?

— Угу, — промычал я, — в грудь.

Разорвал он на мне рубашку и заткнув дыру, туго перевязал рану.

— Теперь жди санитаров, мне некогда, побегу связь чинить, — и он, скатив меня в воронку, убежал. Вскоре подошли ко мне санитары и потащили в санчасть. Там разрезали одежду, санинструктор перебинтовал меня, попросил возчика отвезти в медсанбат. Тот уложил меня в ящик из-под снарядов и погнал лошадь по разбитой дороге. Трясло ужасно, думал душу богу отдам, а тут еще немецкая артиллерия обстреливать стала. Ездовой, бросив повозку, убежал в кусты, а мы с лошадкой стоим на дороге, только осколки по ящику барабанят. Как-то еще не убило.

Привез он меня в медсанбат. Тут же положили на операционный стол, наложили маску и считать заставляют. Насчитал я по порядку до девяти и забубнив девять, да девять, до десяти не дошел, уснул. Очнулся после операции, а надо мной седой хирург склонился:

— Ну, сынок, жить будешь, но воевать не придется. Вся твоя грудь заштопана.

Пока лежал в медсанбате, наши войска столицу Белорусии город Минск взяли, об этом сообщил раненым политрук. Потом нас переправили в небольшой городишко Осташков, затем на небольшую железнодорожную станцию и до прибытия санитарного поезда разместили в палатках. Но тут я перенес еще одно испытание, как говорят, на прочность. Фашистские самолеты сделали налет. Немецкое командование как все равно знало, что через эту станцию пройдет эшелон с людьми и боеприпасами. Началась бомбежка, ужасно, все горело, все в дыму, рвались патроны, мины, кричали люди, а раненые расползались из палаток кто куда. Я не мог вылезти из палатки, да и куда, если смерть, то она хоть где найдет.

На следующий день расчистили железнодорожный путь от разбитых вагонов, собрали людей, подошел санитарный поезд, нас затащили в вагоны. Ехали на Ярославль, затем на Молотов. Там, в госпитале, полгода врачи восстанавливали меня, ставили на ноги. Зимой 1945 года выписали подчистую, воевать я не был способен.

Жестоко обошлась с нами война. Из пятидесяти молодых, крепких ребят из нашего села, моих сверстников, домой вернулось всего трое: Михаил Проскуряков, Прокопий Ворошилов и я. Немного отдохнув, вышел на работу. Председатель колхоза определил меня пожарником, а когда окреп, то снова сел на трактор и выполнял разные работы: пахал, сеял, молотил на МК-1100. Затем на комбайне Сталинец убирал зерновые. Нелегкая работа механизатора расшатала здоровье, мне стало совсем худо. Определили заведывать складом, но болезнь прогрессировала. Председатель колхоза А. Д. Мушаков удивлялся:

— Ну, чего тебе Соболев не хватает? На складе у тебя все есть: хлеб, мясо, сало, яйцо, питайся и поправляйся.

Я же ничего не мог есть, пришлось поехать в госпиталь в Красноярск. Там подлечили, дали путевку в санаторий в Прибалтику. Но там я схватил воспаление легких и попал в больницу. А помог мне окрепнуть наш

сибирский курорт «Учум». Здесь восстановил свое здоровье и снова начал работать.

Пока мы разговаривали, пришла из магазина с булками хлеба жена Алексея.

— С сегодняшнего дня хлеб уже по 145 рублей за булку, — сказала Мария Григорьевна.

— Чего удивляться, — говорит Алексей Леонтьевич, — дойдет и до 260 рублей. Все дорожает, надо свой хлеб стряпать. Нынче нам, ветеранам, колхоз продал по четыре центнера пшеницы. Вот мы и смелем их на муку, будем стряпать.

— Добрый у нас председатель колхоза Николай Федорович Казорин, помогает нам, — добавляет Мария Григорьевна. — Попросили у него квартиру, своя-то халупа старая стала, холодная, так он дал нам особняк. Поэтому мы очень благодарны. Дай ему бог здоровья.

Вы знаете, нам женщинам, в войну, да и после, тоже доставалось. Никто не жалел, да и некому, мужья и отцы на фронте, а мы тут в тылу всякую мужскую работу выполняли: и сено метали, и снопы вязали, и молотили, и мешки таскали, по 1200 снопов вывязывали, а на жнейках тогда ребятишки работали.

Помнится на молотье тогда бригадирил Демьян Конник, так до полуночи молотили на «сложке», устанешь донельзя, уткнешься в солому и незаметно так заснешь. Припоминается, как одна из баб подавала снопы на столик молотилки. Барабанщик кричит: «Давай, давай»! Она заторопилась и не заметила как рубашку с себя утеряла. Мы потом долго смеялись по этому случаю. А какие тогда девочки были хорошие, дружные. Это они сейчас постарели, а тогда, как бы плохо не было, песни пели, шутили, смеялись. Вспоминаю своих подруг: Евдокию Белоусову, Тамару Мартыновну Шадрину, Дусю Пригарину, Анну Кирилловну Кутакову-Шадрину, Валентину Шадрину.

А когда я работала на свинарнике, то наш коллектив был передовым в колхозе, и мы соревновались за коммунистический труд. Заведовал свинофермой В. Ф. Конник, строгий и справедливый был человек. У меня даже фотокарточки сохранились.

Мария Григорьевна нашла и показала фотографии:

— Вот здесь я запрягаю лошадь и собираюсь ехать за кормом, а вот эта с доски Почета. Интересно было жить и работать.

— Вы, наверное, детям своим рассказываете об этом?

Мария Григорьевна улыбнулась и проговорила:

— Как же, слушаются они нас! Сейчас все грамотнее, чем мы, живут по-другому, красиво одеваются, танцуют другие танцы, поют другие песни и не хотят знать как мы им Родину отстаивали и сохраняли. Они хотят жить по-своему, в рыночной экономике, нам этого не понять.

Детей у нас двое, дочь Вета в Лесосибирске продавцом работает, а сын Николай в колхозе остался, семью свою устраивает. Есть уже внуки, смотрим на них и думаем: какими они вырастут, как устроят свою жизнь?

Мария Григорьевна заторопилась и, надев на коромысло ведра, направилась к колонке набрать свежей воды на варево, а Алексей вышел во двор за дровами. Все идет как и раньше. Живут супруги по пословице «Как потопаешь, так и полопаешь»! Что поделаешь, жизнь есть жизнь, только под старость она тяжелее становится.

М. Гуров

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

С Леонидом Дмитриевичем Дубовиком мы знакомы давно. Это очень энергичный, работоспособный человек, но удивительно скромный, никогда он не выпячивал свое “я”, умалчивал о своих добрых делах, не красовался на трибунах, а работал, как говорят в народе, “пахал” на совесть. Он даже о фронтовых победах и армейских буднях не желал распространяться и только по настоятельной просьбе согласился побеседовать с нами.

Оказывается, Леонид ушел на фронт добровольцем в марте 1942 года, а до этого, окончив школу ФЗО, работал в тайге с группой изыскателей по обнаружению очень необходимого для народного хозяйства ценного металла — олова. Он участвовал в сдаче рудных залежей промышленникам для производства.

Но была война, и она требовала свое — не только вооружения, но и людские резервы. Молодые парни понимали это, ими овладели патриотические чувства защиты своего Отечества, и вот группа изыскателей в 22 человека добровольно изъявила свое твердое желание идти на фронт. Они обратились в РВК и просили снять с них брони на работу в тылу. Просьбу их удовлетворили, и ребят увезли во Владивосток. Комиссия признала их годными к строевой службе в армии, а на “Второй речке” они прошли положенный карантин, и после этого отправили в город Свободный. Здесь Леонида зачислили в снайперскую школу.

В городе Улан-Удэ он попал в сборную команду, и эшелон солдат повезли на Москву. Здесь пробыли недолго, и через сутки увезли в Горький.

И вот для Леонида наступила последняя инстанция — его определили в 10-й учебный танковый полк. Так он стал водителем “тридцать четверки”. Получив на 92-м танковом заводе более трех десятков новейших машин и погрузив их на железнодорожные платформы, увезли под Тулу, где

находилась 5-я гвардейская танковая армия командующего П.А. Ротмистрова.

Леонид Дмитриевич рассказывает:

— Наш корпус специального назначения при ставке Верховного Главнокомандующего был предназначен для прорыва обороны врага, а когда возникала серьезная необходимость, то “затыкали” образовавшиеся “двери” в линии фронта. Белорусский фронт под командованием генерала К.К. Рокоссовского готовил наступление, и нас отправили в направлении города Невель. Здесь соединили боевые части, образовав 41-ю танковую бригаду. Подготавливая нанесение ударов по обороне немцев, мы проводили разведку боем на одном из участков фронта, перед нами оказались немецкие танки “тигры” и самоходки “фердинанды”. Завязался бой; взрывы, грохот, огонь, дым от горящих машин — все слилось в единый гул. Горели “фердинанды”, да и “тигров” подбивали, но и нашим доставалось. Впереди меня загорелись сразу три танка, но мы продолжали идти вперед, расстреливая на ходу фашистские машины. Меня ранило в ногу. Но вскоре я снова был в строю, получив другой танк.

Помнится, под Витебском, недалеко от станции Бычиха, мы провели разведку боем — несколько танков развернулись в наступление, вызвали огонь на себя, а в это время наблюдатели засекали огневые точки фашистов. Выполнив задание, мы вернулись в свое расположение, а после этого наши основные силы пошли в наступление.

Я шел десятым в группе танков, пробиваясь через лес, а когда выкатились на открытое место, то навстречу нам вынырнул на полном ходу “тигр”, и только мы взяли его на прицел, как вдруг наш танк вздрогнул от удара. Немец первым успел врезать по нашей машине болванкой. Она угодила в маску пушки, выдрала из пушки замок и распоролла командиру живот. Другого лейтенанта ранило в голову и грудь, а у меня кровь заливает лицо и правая рука повисла, как плеть. Соображаю, как выбраться из танка. Мельком увидел: по борту сочится “горючка”, и понял, что машина “заплакала”, а по броне ползет огонь - будет взрыв. Лейтенант кричит мне:

- Уходи быстрее от машины!

А как тут быстрее, отползти бы подальше успеть. И только мы метров на тридцать удалились от машины, как танк вспыхнул факелом. Добрались до леска и уставшие, израненные остановились передохнуть, а мимо нас бегут ребята — туда, на Запад, отстреливая убегающих из горящих танков фашистов.

Под вечер в крайней избушке маленькой деревушки собралось нас человек восемь израненных, обгоревших танкистов, перевязали раны, а утром в освобожденную от немцев деревню стали собираться оставшиеся в живых жители. Нас переправили в медсанбат, там у меня вытащили, какие смогли, осколки. Ранение в голову было опасным, и хирурги отправили нас таких в город Калинин, а через месяц — в Горький, где находился 2817-й эвакогоспиталь. Выздоровливал я долго, на руке раны заживали, а с головы

все еще вытаскивали мелкие осколки. Восемь месяцев лечили меня в госпитале и только 22 октября 1944 года выписали домой, как непригодного к строевой службе в армии. Я стал инвалидом 1-й группы, и меня отправили домой.

— Эти осколки и сейчас еще выходят из меня, по-видимому надоело им находиться в моем теле полсотни лет,— с горечью подшучивает ветеран.

За участие в боях на фронте Великой Отечественной войны Леонид Дмитриевич награжден двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны и медалями.

Отец Леонида тоже фронтовик, артиллерист. Воевал в тяжелом артдивизионе на Белорусском фронте. Приходил на побывку домой по ранению, потом снова воевал с фашистами.

Старший брат с 1939 по 1942 годы воевал и погиб смертью храбрых в бою.

Леонид Дмитриевич родом из Курагино, а к нам в Идринский район он приехал после войны, в сорок седьмом году. Его жена, наша землячка, переманила его в красивое село Отрок, где щедрая сибирская природа окружает его двумя родными речками и одаривает таежными запасами кедрового ореха и пушного зверья.

— Приехал к теще на блины, да так и остался здесь,— улыбается ветеран. — Поправилось село. Здесь и детвора народилась, аж пятеро их у нас.

Удивительно благоприятная природа села живительно воздействовала на здоровье ветерана, он окреп, сил прибавилось, стал работать. Его пригласили руководить сельским Домом культуры. Освоившись, он энергично стал организовывать в сельском клубе художественную самодеятельность, украсил здание красивой наглядной агитацией, лозунгами, транспарантами. В клуб потянулись и молодежь, и люди постарше, проводились сельские вечера, собрания, концерты.

Появилась наглядная агитация и по селу, и на животноводческих базах. Доярки и скотники знали свои обязанности, результаты своей работы.

Ежемесячно подводились итоги соревнования. В коровниках и телятниках — чистота, над стойлами каждой коровы имелась табличка, где были проставлены: кличка, удой, растел. Все это способствовало активности животноводов, стремлению работать лучше, дружнее.

Проводились взаимопроверки между фермами, между хозяйствами района, а когда гости приезжали в Отрок, то поражались умелой организацией агитмассовой работы на селе и у животноводов. Однажды на такой взаимопроверке присутствовал представитель от краевого управления сельского хозяйства с фотокорреспондентом. После в краевой газете появился снимок и описание деятельности руководителей хозяйства, а на краевом радио и телевидении показывали самих “героев”.

Слава о работе Л.Д. Дубовика пошла "гулять" не только по району, но и по нашему краю. А когда проходили выборы в сельскую власть, то народ избрал Леонида Дмитриевича председателем Отрокского сельского Совета.

Довольно насыщенными были годы председательства у ветерана-фронтовика, забот хоть отбавляй, но зато он чувствовал моральное удовлетворение, когда строились дома, животноводческие помещения, украшались улицы и жители улучшали свое благосостояние. Глава сельсовета заботился даже о строительстве мостов через реки Отрок и Сыду.

— Лет двенадцать назад, — говорит Леонид Дмитриевич, — мы с краевой комиссией составляли проект строительства мостов. Предлагалось построить четырехметровый мост через Отрок и шестиметровый — через Сыду. Но с переворотом в нашей стране строительство этих мостов заглохло, и вот глава краевого Законодательного Собрания А.Г. Терещенко пообещал перед выборами способствовать строительству моста через реку Сыду. Что ж, поживем — увидим.

Время неумолимо плывет и мелькает перед памятью нашей. Ветераны стареют и уходят от нас, унося с собой годы своей молодости и войны. Хочется пожелать им долголетия и здоровья.

М. Гуров

ПАМЯТЬ О МУЖЕ

Сентябрь 1951 года. Я помню сельскую школу в селе Новоберезовка и учительскую, где собирались после очередного звонка все учителя. Помню одного молодого учителя, симпатичного парня фронтовика, преподавателя истории. Я вошла, положила классный журнал и тетради учеников на стол и почувствовала на себе пристальный взгляд. «И чего он уставился? — подумала я. — Может, что случилось?». А случилось самое удивительное и важное в моей жизни.

«Вот это та самая девушка, которая будет моей женой», — произнес парень и, как в воду глядел, я действительно стала его женой. Мы сыграли свадьбу, скромную по тем временам, у

моей матери Матрены Михайловны Халевиной в селе Идринском, и я стала Гагаркиной Полиной Федоровной, — рассказывает вдова ветерана Отечественной войны Александра Николаевича Гагаркина.

Признаться, я тоже помню ветерана, не один раз мы встречались с ним и толковали о нашей немудреной житухе. А вот написать о нем в газету не

додумался, и теперь не дает мне покоя чувство какой-то вины перед ним, особенно сейчас, когда подходит 55-я годовщина нашей Победы над фашистской Германией, а Александра Николаевича, такого старожилы, исследователя истории нашего района не будет на этом празднике. Обидно.

А директор Идринского музея им. Н.Ф. Летягина Г.А. Пичугина просит написать о нем, потому что это наш ветеран и забывать о нем нельзя.

И вот мы беседуем с Полиной Федоровной со всей доверительностью.

— Александр Николаевич был призван в ряды Вооруженных Сил в октябре 1942 года в самый разгар ожесточенных боев под Сталинградом. Вместе с другими ребятами он уехал на Дальний Восток. В декабре 42-го принял присягу и был направлен служить в 69-й отдельный пулеметный батальон. Затем переведен в 626 отдельную роту сапером. Служба у Александра была не из легких на Русском острове, непосредственно на мысе Экипажный. Жили в землянках. Этот остров защищал вход во Владивосток с моря.

В августе 1945 года часть, где служил Александр Гагаркин, была задействована в военных операциях по разгрому Квантунской японской армии. Передовые части углубились на маньчжурскую территорию и громили самураев, не давая им передышки. Рядовому солдату Гагаркину было поручено обеспечивать подвоз боеприпасов к линии фронта, потому что после контузии он стал плохо слышать и его направили в обоз.

Вместе с другими бойцами Александр на лошадях, по бездорожью, в дождь и слякоть, пробирались на повозках к своим частям, там разгружали ящики с боеприпасами и снова в ночь уезжали в тыл за новой партией груза. Однажды недалеко от передовой их обоз обнаружил японский летчик и, развернув самолет, на бреющем полете начал бомбить и обстреливать из пулемета. Положение было критическим, боеприпасы могли тоже взорваться, Александр обманными действиями сумел перехитрить летчика. Отдал команду всем разъехаться в разные стороны. Сам же на лошади заскочил под куст. Сколько не крутился японский самолет над разъехавшимся обозом, а уничтожить его не удалось. Боеприпасы были доставлены в часть вовремя. Батальоны с боями занимали города и селения, брали в плен японских вояк, а 3 сентября Японская армия капитулировала.

После войны с Японией Александра и его товарищей оставили еще служить на Востоке, и только в феврале 1947 года он был уволен в запас. Когда прибыл в родительский дом, то мать его не узнала: «Батюшки, Сашка, да ты ли это! На войну уходил парнишкой, а сейчас вон каким героем стал, и грудь в орденах».

Окунувшись в мирную жизнь. Александр решил стать учителем и поступил в Абаканский государственный педагогический институт. Окончил его и стал работать в школе учителем истории. По распределению районо уехал в Новоберезовку. Вот здесь-то он и встретил молодую учительницу и предложил ей стать его женой.

Прошли годы работы в школах района, такие напряженные, насыщенные повседневной суетой школьных забот и общественной деятельностью. С учителей немало требовалось в улучшении учебного процесса, в идейном воспитании подрастающего поколения. Но Жизнь есть жизнь, она хороша со всеми ее прелестями и невзгодами. Полина Федоровна вспоминает счастливые дни их супружеской жизни.

— Красивое сибирское село Отрок, особенно летом. Две речки, лес, сочные луговые травы — все прелести Саянских предгорий и гор. И школа с ее хорошим, дружным учительским коллективом. Директором в то время был М.И. Соболевский, а кумиром и заводилой была Маргарита Михайловна Киреева. А какая художественная самодеятельность была, вечера, концерты и мы не унывали. Но Александра постоянно тянуло на природу. За летние отпуска он облазил с учениками все ближние горы, речки, долины. В 1960 году вместе с детьми мы часто отдыхали на знаменитом Красном камне. Незабываемые дни.

Помнится, выехали с Александром на рыбалку, он в лодке, а я берегом, невод тащим. Поймали мы в тот раз много всякой рыбы. Я испекла большой рыбный пирог, и добрый гость из райцентра чуть весь пирог не съел, такой аппетит разыгрался. На «Москвиче» в бор по бруснику ездили, грибы собирали. Александр Николаевич был настоящим сибирским следопытом, у него была незаурядная память — он знал все знаменитые места, где какая гора, ее название, где течет целебный ключик из-под земли, где какая ягода растет и где кедррачи хороший урожай кедровых шишек дают. В селе Идринском он знал толковых, крепких мужиков и кто из них строил добротные двухэтажные дома, и кто имел мельницы, выращивал орловских рысаков. В общем краеведческие страсти увлекали его основательно. Обо всем этом он даже в районной газете писал. Под статью мужу Полина Федоровна с большим увлечением преподавала в школах.

— Много лет была учительницей начальных классов в школах села Идринского, — вспоминает она. — За успешную работу по обучению и воспитанию учащихся была награждена Почетной грамотой Министра просвещения РСФСР в августе 1965 года. А как приятно встретить своих учеников через годы. Не забывают они свою учительницу. Зашла я в автобус, а мест свободных нет, и вот Ваня Унтерберг уступает мне место с большим удовольствием. А вот другой случай: подходит ко мне высокий, стройный парень в милицейской форме с погонями офицера, вежливо здоровается: «Вы меня не узнаете? Да, я Суворов Сергей». Узнаю с большим трудом своего ученика. Сколько их разъехалось по белу свету. Наташа Мирошкина — в Красноярске, Валя Потылицина — в Загорье, Галя Петрова — в Норильске, Саша Малкерова — в Богучанах. Более сорока лет отдала я учительству и мой Александр тоже. Историк он был отличный, для него история была сказкой, любил он свой предмет. Одной дорогой шли мы с мужем по стезе просвещения.

Теперь остались в нашем доме его записные книжки и адреса друзей, ветеранов, с которыми воевал. А цепкая память держит в сердце самого близкого, самого дорогого человека мужа и отца детей наших, Александра Николаевича Гагаркина. Властная память не хочет отпускать от себя годы радости и печали — вот они все передо мной.

М. Гуров.

ПОДВИГ НАРОДА БЕССМЕРТЕН

Германский фашизм преследовал грабительские цели - уничтожение первого в мире социалистического государства. Гитлеровцы планировали поработить и физически истребить миллионы людей. Предполагалось ликвидировать русских как единый народ, уничтожить русскую интеллигенцию, искусственно сократить рождаемость. Но этого не получилось. Несокрушимая мощь советских Вооруженных Сил обеспечила победу в Великой Отечественной войне. Созданные и воспитанные коммунистической партией, крепко связанные с народом, они превзошли армии фашистского блока в морально-боевых качествах, в организационном строительстве и в военном искусстве.

На протяжении всей войны фронт и тыл представляли собой боевой единый лагерь. Если на фронте солдаты и командиры дрались за каждую высоту, освобождали города и села, погибали, но не сдавались, то в тылу, не считаясь со временем, женщины, старики и дети работали: выпускали боевую технику, растили хлеб, отдавали фронту свои сбережения, добровольно уходили в партизаны. Ветераны фронта и тыла в войну прокладывали путь к Победе. Полученные раны от пуль и осколков, тяжелые условия безжалостно укорачивали годы жизни. Об этом люди старшего поколения особо не любят много рассуждать. В то время их девизом было: «Прежде думай о Родине, а потом о себе!». Величайший патриотизм воодушевлял их на подвиги во имя Родины и своего Отечества.

По статистике из Идринского района уходило на фронт 5300 человек, возвратилось 2919 человек. В селах нашего района осталось 150 ветеранов. Самому молодому фронтовику сейчас уже 75 лет, и все они инвалиды. Фронтовики - идринцы воевали на всех фронтах Запада и Дальнего Востока.

Александр Иванович Соколов встретил начало войны в городе Брест.

Кузьма Степанович Сафонов получил боевое крещение в 1941 году под городом Белая Церковь.

Василий Степанович Емашов с боями прошел по дорогам Венгрии, Австрии, в австрийских Альпах застал его День Победы.

Семен Иванович Грязнов в морском десанте освобождал Феодосию, Керчь, был участником Парада Победы в Москве.

Николай Федорович Летягин участвовал в войсковой контрразведке на Западе и Дальнем Востоке.

Екатерина Никитична Рысева на Белорусском фронте была зенитчицей, дошла до Прибалтики.

Сергей Максимович Андин и Анатолий Давыдович Гагаркин служили в авиации механиками самолетов.

Иван Федорович Старков - на курской Дуге. Николай Данилович Денисенко - Второй Украинский фронт.

Степан Федорович Калинин встретился на реке Эльбе с американскими солдатами.

Федор Акимович Репиленко, Евгений Григорьевич Дедаш воевали на Дальнем Востоке с Японией.

Старшина Леонид Георгиевич Храпов в 1945 году стал Героем Советского Союза, посмертно.

О фронтовиках можно писать книги - это наша история. Не все солдаты войны возвратились домой, где-то 2381 - остались на поле брани, возможно, погибли в концлагерях или крематориях, а, может быть, остались в зарубежных странах. Как знать? Война еще хранит неразгаданные тайны.

Но оставшиеся в деревнях и селах жены фронтовиков цепко держат в памяти годы разлуки с любимыми, уходившими на фронт и не вернувшимися с поля брани. Они хранят в ящиках солдатские треугольники фронтовых писем и горькие похоронки на своих мужей, на своих отцов. А в те суровые годы войны они не сидели сложа руки, вымаливая у судьбы возвращение фронтовиков, а трудились не покладая рук, день и ночь, с детьми и стариками. Они ковали победу в тылу и, как могли, приближали этот день. Таких вдов у нас в районе 272.

Мария Ивановна Крашеникова возила на лошадях горючее к тракторам.

Евдокия Ивановна Богданова - землеустроитель района.

Мария Ефимовна Меньшикова - учительница тех военных лет.

Ольга Ивановна Клеванец - работала в совхозе, затем учителем.

Анна Дмитриевна Степанова - колхозница.

Сколько их, этих неутомимых тружениц по нашим селам и деревням трудились для фронта, спасая детей и себя от голода, холода, отдавая последнее для нашей победы. Подрастающая молодежь заменяла отцов, ушедших на фронт, на их неокрепшие плечи ложилась вся тяжесть сельского работника. После краткого обучения они садились на тракторы и, не зная устали, трудились на полях, выращивая хлеба, готовя корма для животных, работали и на лошадях.

Замечательный труженик Николай Николаевич Журавлев всю свою сознательную жизнь на тракторе сутками пахал, сеял, возил лес из тайги. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.

Петр Федорович Коржов, Александр Трофимович Лещенок свое военное детство и юность провели на полях совхоза.

Много их, ребят военного времени, подростками заменяли мужчин, ушедших воевать. Теперь все они ветераны, но в душе у них все та же неуспокоенность за свое Отечество, за свою Родину. Они не безразличны к происходящему в стране. Нельзя жить одним днем, потому что исторический процесс не останавливается, и за ночью настает день. И этот светлый день надо настойчиво приближать каждому, кто верит в свое Отечество, кто хочет по-деловому, а не только на словах, с честью продолжать дело старшего поколения советских людей. Их героизм и мужество, проявленные в годы Отечественной войны, напряженный труд в послевоенные годы - верный курс сегодняшней молодежи.

М. Гуров.

ПОТИ – ВОЕННЫЙ ПОРТ

Где только не воевали наши сибиряки. В каких странах не побывал наш русский Иван? Сколько безымянных могил остались на чужой земле? Все же долго длилась Отечественная война с фашистской Германией— 1418 дней. А как мы ждали ее окончания?

Мы сидим вдвоем с ветераном второй мировой и вспоминаем минувшие дни и битвы, где вместе сражались герои войны. Всю войну и даже после войны прослужил, провоевал в авиационном полку наш земляк Анатолий Давыдович Гагаркин. А служил он на берегу Черного моря в военном порту.

Авиапункт, где Анатолий служил авиамехаником, на вооружении имел самолеты «Миг-3», «Як-1» и «Лаг-3». Еще были самолеты американского и английского производства, но летчики их не хвалили. Они не обладали той маневренностью, как наши истребители, и их часто сбивали немецкие «юнкерсы». Как рассказывает Анатолий Давыдович, попал он в авиапункт после окончания училища.

— В декабре 1941 года меня призвали на службу в Советскую Армию, отправили в Красноярск в училище связи, а через месяц направили в школу младших авиаспециалистов. В мае 1942 года командировали в город Абдулино Самарской области. Полгода учебы в авиашколе, и как молодых авиамехаников зачислили в 35-й истребительный авиапункт, который базировался в городах: Мары, Кабулетти в Грузии. Затем километрах в 30-40 от портового города Поти разместили наш авиапункт для охраны города-порта. На наш пункт возлагалась задача сбивать фашистские самолеты, почти ежедневно прилетавшие бомбить порт и корабли.

В этом порту находились боевые корабли, которые уходили на задания и возвращались израненными, потом их капиталили, восстанавливали. Работа кипела сутками, и в это время фашисты стали прилетать и бомбить ночью. Чтобы встретить фашистов, выкатывали из капониров истребители, и

летчики улетали встречать незваных гостей, не допуская их до стоявших на рейде кораблей. Немецкие самолеты были рассеяны в разные стороны и, сбросив в море бомбовый груз, улетали обратно несолоно хлебавши.

В одном из боев навстречу вражеским самолетам вылетела пара истребителей. Капитан Концедаров напал на них и одного сбил, но по его кабине ударил крупнокалиберный пулемет, стекло разлетелось вдребезги, а у пилота пробило на голове шлем, но он все же дотянул до аэродрома и посадил самолет.

Иногда при массированном налете немцам удавалось сбросить бомбы на порт и корабли. Сирена, не переставая гудела меж разрывами бомб, и не все успевали прятаться в бомбоубежище. От разорвавшейся бомбы меня сильно контузило, отлежал полмесяца в госпитале.

Но с каждым днем силы фашистов истощались и они все реже появлялись на нашем горизонте. Советские войска сумели обескровить противника и выиграть время для подготовки наступления. При поддержке авиации и содействии Черноморской группы войск Закавказского фронта, противник, боясь окружения, в январе 1943 года стал поспешно отводить войска. Наши же занимали города Моздок, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир. А в ночь на 4 февраля и чуть позднее Черноморский флот высадил десант южнее Новороссийска, в районе Мысхако на «Малой земле», в 15 тысяч человек с артиллерией и танками.

В 1943 году в небе Кубани произошло воздушное сражение. Участвовало свыше 900 наших самолетов. Противник потерял свыше 1100 самолетов. Мы завоевали стратегическое превосходство в воздухе. Черноморский флот более оперативно усилил свои действия, прикрывая черноморское побережье на участке Лазаревское, Батуми и государственную границу с Турцией и Ираном. В городе Батуми находился нефтеперегонный завод, и наш полк тоже охранял город от немецких бомбардировщиков. После того как выгнали немцев с Кубани, мы все еще охраняли город Поти, но налетов фашистских самолетов не было, установилось затишье и к нам стали приезжать артисты с концертами из Грузии. У нас выступал на эстраде знаменитый Аркадий Райкин.

За годы напряженных сражений в нашем полку находились летчики и обслуживающий состав разных национальностей: русские, грузины, украинцы, узбеки, армяне, казахи — все мы жили и работали дружно, уважали друг друга и помогали. Печалились вместе, когда погибали наши товарищи. Никогда не проявлялось национализма.

В этом авиационном полку я находился с января 1943 до февраля 1948 года, Здесь мы встретили день Победы — 9 мая 1945 года, и наша радость была неопишима, мы обнимались с летчиками, вспоминали погибших товарищей, верили в нашу могучую Советскую армию.

Домой я вернулся в марте 1948 года и сразу за работу, к мирному труду на родной сибирской земле. Был механиком-электриком на межколхозной небольшой ГЭС, затем учеба в Абаканском учительском

институте. Потом работа в школах района, а с 1955 по 1979 годы был директором Идринской средней школы. Работать становилось сложнее и сложнее, сказывалась контузия от бомбежек, пришлось оставить школу и пойти на пенсию. Фронтовые раны не дают покоя.

Анатолий Давыдович имеет награды не только фронтовые, но и трудовые. Он награжден медалью «За трудовую доблесть» и от Министра просвещения почетными грамотами. Он добрый семьянин. В 1998 году вместе с женой, Лидией Афанасьевной, тоже учительницей, отпраздновали золотую свадьбу. Их дочери пошли по стопам родителей: Елена — учитель в средней школе нашего села, Галина — воспитатель детского садика. Есть и внуки: один служит в армии, а внучка учится во втором классе.

Убеленные сединой ветераны хорошо помнят войну и погибших боевых товарищей. Они отстаивали от фашистских захватчиков свою Родину, свой народ. И хотелось, чтобы о них помнили и никогда не забывали. Память о войне — вечна!

М. Гуров.

ПУТИ – ДОРОГИ

Более полувека прошло после Отечественной, а воспоминания о ней все еще живут в сердцах людей. Уже и на майские встречи приходят единицы ветеранов войны, а память все еще напоминает о суровых годах лихолетья, о тяготах того времени.

Мне довелось встретить одного из ветеранов Великой Отечественной и душевно и ним побеседовать. Это Иван Архипович Мирошкин: солдат, воин и земледелец, умелец на все руки, к тому же хороший собеседник. Иван Архипович рассказывает:

- Двадцать третий год забирали на фронт осенью 1941. Война уже набрала обороты и народ в тревоге ждал чего-то. Помню, к ноябрьскому празднику, мы отпахались и поставили тракторы на ремонт в МТС. Вечером парни не сидели дома, шли в клуб, в кино. Перед началом сеанса подходит ко мне девушка и, заглядывая в глаза, подает мне повестку из райвоенкомата.

- Вы должны явиться в РВК к десяти часам такого-то числа: иметь при себе чашку, ложку...

И вот одиннадцатого ноября нас повезли на подводах через Тубу в Абакан. Сорокоградусный мороз донимал ребят и чтобы согреться, они бежали за санями. В городе нас определили в химзавод, но потом перевели в стрелковую часть, затем направили в полковую школу младших командиров. Начались учения.

Вспоминаю один случай,- рассказывает Иван Архипович. – Привезли нас на стрельбище, дали винтовки, установили мишени, и мы залегли. Я был от края шестым и моя мишень тоже шестая, и мы старались попадать в цель

из пяти патронов. Вечером вернулись. После ужина улеглись в казармах на отдых, и только я заснул, как дежурный тормошит: «Быстро к лейтенанту!». Вытягиваюсь перед командиром и стойке смиренно и жду.

- Ты зачем убил красноармейца? – резко бросает он.

Я ошарашен и оправдываюсь.

- Товарищ командир, я никого не убивал.

- Молчать! – взревел лейтенант и стукнул кулаком об стол. Через пять минут тот же вопрос и я так же отвечаю.

- Прекратить разговоры! – шумел на меня командир.

До часу ночи изматывал он меня, а потом наряд вне очереди, и я драю полы, чищу на кухне картошку. На второй день повторилось тоже самое, и на третий, и на четвертый. Измотал он меня, и вот на пятый день вызывает и показывает две мишени: одну целую, другую изрешеченную пулями.

- Это твоя шестая, почему ты в нее не стрелял?

Я ничего не понимаю.

- А это седьмая, куда посылали пулю за пулей вдвоем. Вижу, тут много отверстий и начинаю соображать, что стрелял в чужую мишень.

- Понял?

- Так точно, товарищ лейтенант, уже без всякого зла на него бойко ответил я.

- Марш в казарму!

За полгода обучения мы приобрели навыки младших командиров, умели владеть всеми видами стрелкового оружия. Сформированная в Абакане 307 стрелковая дивизия была направлена на Дон, под город Воронеж. Мы выгрузились в местечке Икорцы, недалеко от узловой железнодорожной станции Лиски. В нашем батальоне в основном были ребята из южных деревень края, даже мои земляки-идринцы Рудник и Степанов.

Был июль 1942 года и мы на берегу Дона засели в блиндажах и траншеях, в бой нас почему то не бросали, держали в резерве. Но даже здесь, в более тихом месте не обошлось без инцидента.

В нашей роте служил чудаковатый солдат, западник и он постоянно балагурил. Выйдет из траншеи и, прохаживаясь, напевает ерундовую песенку, а в ней такие слова: «Ванька дома, Гришки нет...» Потом спрячется в блиндаж, а через полчаса вдруг появятся самолет и на нас сыпятся бомбы. Приведем в порядок развороченные блиндажи и траншеи, а через два-три дня снова этот солдатик появится перед траншеями со своей дурацкой песенкой и снова бомбят.

Сообщили командованию и его забрали.

Пятого июля нас построили и комбат сказал, что, мол, батальон уходит на тот берег Дона и будет выполнять особое задание, а на нас ложится особая ответственность: не подпустить фашистов к мосту, через который отступала наша Армия. Мы хорошо понимали, что это значит – заградотряд смертников.

Ночью перешли на ту сторону Дона и, отойдя от берега стали окапываться. Долбили саперными лопатками белый, как мел, твердый грунт, делали окопы, устраивали брустверы, а сзади находилась глубокая балка. Наше отделение оказалось на правом фланге с пулеметом и гранатами. У ребят винтовки и по паре гранат, но мы их отдали помощнику командира, он хорошо их метал. Боеприпасы берегли, их было мало, на мой пулемет семь дисков.

За ночь каждый из нас все передумал, мысленно попрощался с домом, с женой, с детьми, с отцом, с матерью, с любимой девушкой, а некоторые даже обменивались адресами. Кто бы видел и знал, как это все было: перед боем каждый проверял себя, свои нервы, и душу, преданность Родине, Отечеству, наверное, никто не думал показать спину врагу. Прощались ребята с июльской ночью сорок второго, да будет им слава во веки веков!

Батальон молчал, растянувшись окопами на несколько километров. Телефонной связи с подразделениями не было, каждое подразделение действовало самостоятельно, как договорились перед боем. Командир нашего отделения приказал без его команды не стрелять, и мы, затаившись, ждали.

И вот за нашими спинами стало входить дневное светило, и в небе ни облачка, и вдруг, словно из-под земли, впереди нас появились столбы в темных касках и серых мундирах.

- Немцы!

Какой-то озноб прошелся по спине, когда мы увидели идущую на нас цепь фашистских солдат. Они шли открытым фронтом во весь рост, с автоматами на животе и не стреляли.

Все ближе подходят, а мы ждем, не стреляем, вот 50 метров — молчим, 30 метров — тишина, 20 метров, фрицы готовы были завалиться к нам в окопы, и тут мой второй номер Гриша Яковенко выстрелил, немец рухнул и тут началось. Винтовочные выстрелы слились в один общий гул и, перебивая все это, застучал пулемет. Гранаты рвались в цепи фашистов, серые мундиры валялись наземь, бойцы вцепились в оружие, били и били, позабыв о приказе сержанта. Назад фрицы не бежали, по-видимому, оставшиеся в живых, залегли. Шквал огня прекратился на нашем направлении. Но там, левее нас, бой гремел, так же рвались гранаты, там еще дрались наши ребята. Может поэтому уцелевшие фрицы оставили нас в покое?

Боеприпасов нет, связной не вернулся, мост за нами взорван, мы предоставлены сами себе. Сержант приказал закопать оружие и пробираться к реке. Перевязав раненых и подождав вечера, мы поползли к реке. Но чудес не бывает, есть реальность и есть фашисты. Не успели мы и половину пути проползти, как перед нами появились конные гитлеровцы.

- Хенде хох! – заорали они и мы подняли руки.

Офицер – чех по-русски спрашивает.

- Оружие есть?

- Нет, - отвечаем.

- Следуйте за нами. И повели нас вдоль окопов бывшего нашего батальона.

Тащимся, а к нам еще подталкивают ребят, восемнадцать человек набралось. А мы шаркаем отяжелевшими ногами по твердой земле мимо окопов, а в них наши бойцы лежат, уткнувшись в землю, кто головой упал на прицел винтовки, кто на спине, раскинув руки, чуть подальше от пустого окопа лежал солдат головой к реке, по-видимому, убитый в спину. Мрачная картина, никто и слова не произносил, на душе кошки скребут. Теперь мы уже не вояки, не бойцы Красной Армии, а пленные, что ожидает нас впереди? Те, кто там в окопах голову сложил, они чисты перед всеми, за них никому не стыдно, их имена золотом высекут на гранитном обелиске, дети и внуки будут помнить о них. А кто мы? Вояки – нет, предатели – нет, одно слово военнопленные, до горечи обидно. Все передумали, совесть мучила, даже голову поднять стыдились, проклянет нас небо.

Слышу, кто-то в бок меня толкает, вижу Гриша, мой помощник.

- Иван, смотри, одни наши убитые валяются, а ни одного фашиста не видеть.

Верно, только наши, а немцев нет. Топаем дальше и видим на ровненьком возвышенном месте ровными рядами стоят кресты над каждой могилкой.

- Своих похоронили, сволочи, а наших нет! – ругается Гриша.

Наступила ночь, нас уложили посреди степи на отдых. Короткая летняя ночь долго не задержалась и нас на аре подняли на ноги. Дошли до небольшой станции и погрузились в вагоны.

Увезли в Россосшь, где находился лагерь по сбору военнопленных. Выгрузились, выстроились рядами и стоим. Заставили раздеться, искали евреев и коммунистов, невдалеке от нас глубокая яма, в нее падают расстрелянные.

В этом лагере, пожалуй, тысяч пятнадцать накопилось военнопленных. Их сортируют, перегоняют из барака в барак, ежедневно на машинах увозят куда-то, назад не возвращают.

Здесь я побыл около двух месяцев, без работы не оставляли. Построят утром на плацу за колючей проволокой и немецкий обер проходит вдоль нашей шеренги, тыкая пальцем в грудь: - Ты, ты, ты.

Набрав нужное количество людей, уводит их, затем угоняют на полевые работы.

Однажды, там в поле, мы встретили такую же группу военнопленных и вместе долбили землю под какое-то оборонительное укрепление. Конвоиры курят, разговаривают между собой, ну и мы не молчим. Из той группы спрашивают.

- У вас сибиряки есть?

- Есть, - отвечаем.

А откуда?

- Да вот из Красноярского края есть.

- А район?
- Идринский
- Слушай, земляк,- обрадовался бывший вояка, - я тоже оттуда.

Васильев я, может знаешь?

- Нет , не знаю.
- Да я налоговым агентом работал в Идре... и он рассказал о себе.
- А ты как в плен попал? – интересуюсь я у Васильева.

Торопливо, с перебоями рассказал он нам свою беду. В лагере он недавно, а служил в той же дивизии, что и мы.

- Дали задание на том берегу Дона немцев пощупать, десять отважных ребят во главе с сержантом Костей Назаровым ночью переправились через реку, ворвались в траншеи и забросали фрицев гранатами. Операция прошла удачно, даже языка притащили. На другой раз не повезло, напоролись на засаду. Пытались прорваться назад, не удалось. Назаров с тремя бойцами укрылся в сарае и больше я его не видел. Нас схватили и на допрос, били, думали мы партизаны. Потом отправили в лагерь.

Иван Архипович не помнит все подробности своего мытарства по лагерям, но отдельные эпизоды хорошо врезались в память.

- Попал я к одному солидному бауэру, возил его на тарантасе, запряженном здоровенным, как печь, битюгом. Немец сидит в мягком, удобном сиденье, а я бегу рядом и управляю конем. Битюг идет крупным шагом и я едва успеваю за ним.

Хозяину не нравится, и он кричит на меня.

— Шнель, шнель! — и подстегивает мою спину кнутом. Смеется, за тем ему это развлечение надоедает и он кричит мне: — Останови коня!

Вырывает из моих рук вожжи и показывает в сторону Я отхожу и стою молча, а он достает из- под сиденья автомат в целится в мою голову. Пять минут пытки и немец опускает автомат, приказывая ехать дальше.

Однажды, отобрав из строя пленных десять человек. Нас заставили пешком отвести на станцию два десятка лошадей. Впереди конвой, за ним мы топаем и мой товарищ по несчастью говорит.

- Скоро стемнеет, давай драпанем.
- Не пройти, — говорю, — поймают, до своих далеко.
- Пройдем, — уверенно заявляет он.

Я согласился и мы начинаем приотставать. Сзади нас конвоя нет и мы присели, ожидая, когда заглохнет стук спереди. Только приготовились бросить наших битюгов и рвануть в темноту, а тут, как из-под земли двое конных немцев.

Увидели нас, отходивших от лошадей и...

- Цурук! – рывкнули они на нас.
- Сердчишко екнуло. Вляпались мы.
- Как они нас побили нагайками, до сих пор помню.
- Руссишь, швайн! – орали они.

Кормежка в лагерях была никудышная, хорошо, попадетя убитая лошадь, то какой-то навар был, а если нет, то в наши котелки и консервные банки выливался черпак пустой баланды, а если и ее не доставалось, то горсть семечек.

Помотала судьба пленного солдата по лагерям Германии, Польши. Даже в Варшаву привозили разбирать уличные завалы, затем под Кенигсберг. А когда советские войска проводили наступательную операцию в Померании, то немцы погрузили нас на пароходы и потащили в Данию. Это было своеобразное прикрытие отступающих фашистов.

Самолеты обстреливали и бомбили суда, топили их и мы чудом не пошли на дно. Около датского острова Тенимарк немцы нас бросили и удрали в Германию. Нас освободили моряки и вывезли в польский город Кельберг, а оттуда в Беслау. Там находился фильтрационный пункт и мы проходили долгую проверку на преданность своему народу, государству. Но домой меня не отпустили и я еще два года тянул лямку солдата в зарубежном городе.

— В апреле 1947 года меня встречали дома со слезами радости, - рассказывает Иван Архипович. — Родина, родина - какая она бедная, при таком-то природном богатстве! Осиротела без мужиков, невмоготу было женщинам и детям поднять ее на недостижимую высоту. Каждому мужику были рады, даже искалеченному на фронте. Мужик есть мужик, на его плечах хозяйство держится. Иван, так и не отдохнув от войны, с ходу впрягся в работу. Шла посевная и бригадир К. И. Потылицын направил Ивана на посевную.

— Посеете за ночь вот эту полосу, премию дам! Всю ночь не смыкали глаз, на зубах пыль хрустела, глаза резало, но задание выполнили и премию у бригадира выжали.

Потом дали мне старенький колесник с забитым радиатором. Послали культивиовать поле под посев. Выехал на полосу, через, час запарил двигатель.

— Чай готов! — смеется водовоз.

Оставлять работу нельзя, ругать будут, а то и накажут, дисциплина в МТС была строгая. Прошу водовоза расставить по полю бочки с водой. И бегаю по полю с ведерком от трактора к бочке и обратно.

На второй год отремонтировал трактор и на молотьбу. Техника мне нравилась, своими руками, каждую деталь своими руками прощупывал, изучал для чего она предназначалась, подгонял к месту с точностью до микрона, и после этого машина «ходила» безотказно долгое время.

Мы считались колхозниками, а как механизаторы, были приписаны к МТС. Летом мы работали на МТС, сеем, убираем, а зимой мы колхозники и работаем непосредственно на колхозной работе. И вот председатель колхоза посылает ребят на лесозаготовки и меня с ними. А тут как на грех разболелись ноги, ходить не могу. За отказ от тайги меня увольняют из колхоза.

Ушел в МТС слесарем по ремонту, токаря подменял, а ноги едва двигаю. Помог А. Т. Пильников, он через профсоюз организовал путевку на курорт Шира. Директор МТС В. Бондарев отправил меня на учебу в Ачинск. Через три месяца я снова работаю на технике, а в пятьдесят первом в Куреже убираю урожай на комбайне «коммунар». Опыту мало, но я не ныл не хныкал. Выезжали рано утром, и отсыревшие стебли пшеницы накручивались на транспортеры, забивало приемный битек и барабан. Часами стояли и выдирали разопревшую накрученную массу из барабана.

Тогда решил выезжать на полосу позднее, и дело пошло, убирали допоздна, пока хлебная масса не отволгнет, зерно сыпалось хорошо, до тридцати центнеров с гектара пшеница давала, отвозить не успевали, сыпали на точки. После уборки бригадир тракторного отряда Я.Я.Корчма похвалил.

- На «коммунаре» двести гектаров обмолотил. Молодец, Иван! На мощном «сталинце» такого не всегда сделают.

Работа на технике требует осторожности. Глубокой осенью держи ухо востро и следи, а мы, увлекшись молотью, прошляпили. В этот день убирали допоздна, комбайн шел как часы, только перед утром заглушили и уснули. А утром заморозок, проснулись, забегали, засуетились, осмотрели двигатель и ахнули. Дюралевая стенка двигателя подковой выперла наружу. Начальство меня под суд собралось отдать. Что делать? И я решил по-своему: отвез двигатель в мастерскую и стал колдовать, применил все на что способен, и к вечеру привез готовый двигатель и поставил на комбайн, запустил в работу. Приезжает председатель и удивляется.

— Неужели это Иван молотит? Когда успел?

Шли годы, жизнь не стояла на месте, а беспокойная душа Ивана металась в поисках удовлетворения. На пенькозаводе локомотив барахлил и плохо работал, то с закачкой, воды плохо, то топка развалилась. Пригляделся Иван и сообразил: провел шланги, поставил насос, включай мотор и закачивай. А топку он выложил по-своему, без глины, кирпичик к кирпичику подгонял, и долго та печь служила в работе. Он и людям клал печи в домах. Хорошо грели, не дымили.

В МСО мотористом работал, и видит Иван, что в штабелях лес толстомер остается, не лезет он в пилораму. Начальство голову ломает — лес в основном кедровый на поделки годится, а как его распилить, не додумаются. Иван сам предложил свои услуги. Согласились. Сперва начертил он чертеж, показал, одобрили, и взялся за работу. Сваркой изготовили раму, на нее две циркулярные пилы поставил, одну вертикальную, другую горизонтальную, опробовал, и пошло дело. Премию выписали Ивану, да он с друзьями эту премию на обмывку пустил.

В заготзерно мотористом устроился, двигатели настроил, как часики работали, а вот с отсосом пыли в складах плохо, рабочие задыхаются. Сказал об этом механику, атому некогда, в отпуск ушел. А осенью, когда хлеб пошел из хозяйств, хватились. Вызывает директор Ивана и говорит:

— Срочно воздухопроводы надо поделывать!

Рассердился Иван и сказал, что думал.

— По теплу я предлагал, вы не захотели, а теперь холодно на сквозняке долбиться. Все же уговорили, да и рабочих жалко, задыхаются в пыли. Дали помощника и через неделю воздуховоды были установлены, а Ивана увезли в больницу с воспалением легких. Природная смекалка постоянно будоражила воображение Ивана, не мог он сидеть без дела, а если уж делал, то капитально, не любил как попало. Когда строили хлебозавод, то все было готово к сдаче, да вот беда, пол неровный, дежи и квашни при перевозке сотрясаются, тесто опадает, хлеб плохой получается. Думает начальство, как пол выстрогать, и предлагают Ивану электрорубанком срезать выступы.

— Не получится, — отвечает Иван, — без глаз, без рук, а то и без головы можно остаться.

— Как быть?

— Фрезой, — утверждает Иван, — а как это сделать, я подумаю.

Опять чертит на бумаге чертежи будущей фрезы. Одобрили. Неделя ушла на изготовление корпуса, на крепление в ней ножей, на прочную защиту. Опробовали, режет дюралевые плиты, и стружка остается тут же, на полу. Обработали весь пол, и комиссия приняла объект.

Последние десяток лет Иван Архипович работал в ДРСу у А. И. Тетюхина. Добрый, душевный человек деловой начальник. Места моториста в дорстрое не было, и его приняли сторожем, и не пожалели. Беспокойная душа не давала Ивану сидеть без дела. Видит, пилорама стоит, а она так необходима в хозяйстве. Предложил услуги — доверили восстановить ее. И он сделал, стала работать, лес пилить. Уволился электрик. Иван заменил, а главное, электрооборудование на машинах и тракторах восстанавливал.

У В.Яковлева на асфальтовом вышла из строя печь, только выкладут кирпич внутри обшивки, через неделю все завалится. Нервотрепка, простой, асфальт не идет. Пригласили Ивана, осмотрел он кирпичную кладку и понял, отчего заваливается. Стал он из огнеупорного кирпича без глины (а она главный виновник была) точно, без единой щелки подгонять кирпичи и выкладывать внутреннюю стенку камеры сгорания. Асфальт пошел, а печь еще долго служила в работе.

Смекалки и фантазии хватает, если что надумает, ночами не спит, ищет оптимальный вариант. Даже у себя дома станки установил: и по железу, и по дереву. За час оконную раму или табурет изготавливал, сенокосилку смастерил, инвентарь разный.

Природная смекалка была развита у Ивана. Еще в детстве от сестренки грамоте научился. Придет она из школы, уроки учит, а Ванюша рядом заглядывает в «букварь» и повторяет буквы, слоги, слова, по слогам читать начал. Все цифры выучил, до ста считал и в уме складывал. Что знала сестренка, то и Ваня, то и Ваня знал, а когда пошел в школу, то учительница, прослушав его, приняла во второй класс. Может и стал бы Иван хорошим инженером-конструктором где-нибудь в КБ, да жизнь сложилась не по учебникам. Года четыре проходил он в школу, отец сказал – хватит. Работать

надо, жили единолично: пахали, сеяли, убирали. А тут коллективизация и отца семейства подвели под твердое задание и хозяйство описали: лошадь, амбары, баню, навес, даже постель и ту записали. Все это продали с торга: кобылу колхоз купил, амбары увезли, баню разобрали, спилили листовенные столбы. Дом оставили, семья большая, спали на половиках. Осталась печка, да немного картошки. Совсем бы труба нам, да отец схитрил, припрятал немного пшеницы, этим и выжили зимой.

Потом отец вступил в колхоз, семья работала добросовестно. Хотя и упрекали отца за то, что поздно в колхоз вступил, но за хорошую работу дали теленка. Вырастили корову.

В четырнадцать лет Иван где только не работал. Молотил рожь и «Чинзиле» на МК-1100, допоздна молотили, домой не отпускали. Иван на лошади солому отвозил от машины до клады на бастрике. Закончили еще одну кладь и заглушили трактор. Улеглись в шалашах спать на соломе. Ивану досталось место у входа, было не холодно, и все сунули крепко. А в эту ночь на «покров» выпал обильный снег, Ивана присыпало, холщевые штаны да рубашка не согревали, босые ноги замерзли и его заколотила холодная дрожь. С тех пор стали болеть ноги.

Вздохнет Иван Архипович о своем нерадостном детстве и никому не пожелает такого.

А женился он после войны в 1948, семья появилась, двоих сыновей воспитали, да беда случилась, младший сын в аварии погиб, машина его, когда с «Байтака» спускалась, опрокинулась.

Теперь у старшего живут старики, внучата тормошат деда, веселят его своими забавами. А невестка у него добрая, уважает стариков, особенно деда. А годы давят на ветерана, серебрят ему виски, из рук сила убывает, а глаза смотрят пытливо, так и хочется что-то поделывать, доставить людям радость.

Иногда задумается ветеран, долго смотрит в даль, где он прошел пути-дороги, вспомнит своих товарищей и затуманится взгляд голубых глаз. О чем думает он, попробуй угадай?

М.Гуров

СОЛДАТ ВОЙНЫ

Начали мы разговор с того, что Анатолий Михайлович Глухов есть коренной сибиряк, хотя дед его, Владимир Петрович, приехал в Сибирь из «Расеи» в прошлом столетии и здесь, на благодатных сибирских землях, обосновался.

В селе Идринском поставил дом, обзавелся личным хозяйством, пахал, сеял, содержал скот, лошадей. Дети подрастали; парни женились, девки замуж выходили, но все они жили в одном большом доме, единой семьей, аж в сорок человек, почитая деда Владимира, как главу рода Глуховых. Порядок в доме был идеально строгим, каждый знал свое место и выполнял работу

исправно. Мужики в поле то пахали, то сеяли, то сено убирали, да снопы «цепами» обмолачивали, а бабы успевали хлеба выпекать, по дому управляться, да еще и в поле помогать вместе с детворой. Не всегда удавалось с поля домой приезжать, ночевали на заимках под «Шушевой» или в «Челзике», что под «Красным камнем». Только по субботам приезжали в баньке попариться.

Отец Анатолия взял в жены добрую девку из Адрихи, из семьи Алыповых. Отделились, поставили дом и обзавелись семьей — народились три дочери и сын Анатолий.

Деревенские парни, выросшие на просторах полей и рек, быстро взрослеют и привыкают к крестьянскому труду. Анатолий, познав все прелести и тяготы деревенской жизни, стал крепким парнем, не суетливым, обстоятельным, мог и пахать, и сено косить, и лошадьми управлять.

А тут война началась, и со временем не считались, работали день и ночь. В 1943 году семнадцатилетнего Анатолия призвали в Армию. В том году по призыву из района уходило 360 мужиков и парней. Обоз на лошадях следовал до Абакана и растянулся длиной от Идры до Большого Телека. Ночевали в Куреже. Вместе с Анатолием ехали: Тимофей Ирекаев, Михаил Федоров, Михаил Сайкин, Иван Багаев.

В Абакане призывников распределили по вагонам-теплушкам и отправили до Ачинска. Здесь, на узловой станции, половину ребят отправили на запад, а другую половину — на восток. Анатолий оказался на Дальнем Востоке в Биробиджане. Здесь находился II-й Дальневосточный фронт под командованием генерала армии М.А. Пуркаева. На сборном пункте в городе Биробиджане ребят постригли, помыли в банях, одели в солдатское обмундирование и они с трудом узнавали друг друга. Смеялись.

— В Амурской области, на станции Унгун, нас встретили военные командиры, построили в колонны и маршем в село Биджан. Ночевали в палатках, — рассказывает Анатолий Михайлович.

— Затем мы подошли ближе к Амуру и в поселке Сталинск разместились в землянках. Здесь прошли двухмесячный карантин и приняли военную присягу — с этого времени началась для нас воинская служба.

Было тревожно, постоянно нарушалась наша граница со стороны японских самураев. Ночью, через Амур, на вывороченных половодьем корягах, переплывали лазутчики на наш берег и разведывали оборону, их вылавливали пограничники и доставляли в штаб.

Днем и ночью у нас объявлялись боевые тревоги, и мы постоянно находились в боевой готовности. Делили пайку хлеба в 600 граммов на три раза, хлебали жиденький суп, да ели «шрапнельную» кашу.

В один из майских дней в наше расположение прибыл из штаба командир. Мы построились на плацу и он нам объявил: «Война с фашистской Германией закончилась нашей Победой! Подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии».

Мы радовались, но нам напомнили, что здесь, на востоке, беспокойно и нам надо порох держать сухим. Поэтому начались дополнительные боевые учения, ближе к границе подвели траншеи, усилили охрану.

Однажды сержант собрал наше отделение и дает срочное задание: на японской погранзаставе добыть «языка». Готовились тщательно, продумывали самые удачные варианты, даже тренировались по захвату японца. Советовались со своими пограничниками.

В августовскую темную ночь тихо подошли к реке, спустили рыбачью лодку на воду и поплыли на тот берег. Гребли осторожно, уключины на веслах смачивали водой, чтобы не пищали, но сильное течение отнесло нас на остров. Сержант, подсвечивая фонариком, сверил по карте координаты, и мы спустились чуть ниже по течению. Вышли на берег и тихо, без шума, стали пробираться к заставе. Прислушались — тишина, только мелкий дождик моросил по кустам и траве. Подползли ближе к заставе, в темноте заметили передвижение японского пограничника. По-видимому, он обходил свой участок и приближался в нашу сторону. Мы замерли, припав к земле. Самурай шел, наверное, по одному ему известной тропе мимо нас и только он стал проходить мимо сержанта, как тут же на него навалились двое. Хватило несколько секунд, чтобы скрутить руки и засунуть кляп в рот. Так же тихо отошли, волоча за собой японца.

Наша группа прикрытия из шести человек ждала на берегу группу захвата. И как только ребята появились, мы тут же вскочили в лодку и сильными гребками весел быстро отошли от берега. «Языка» сдали в штаб — это было наше первое боевое крещение, которое мы выполнили успешно.

А на другой день, 9-го августа, мы вновь на трех лодках переправились через Амур. В дождливую погоду река сильно разлилась, крутые волны перехлестывали через борта, и мы едва успевали вычерпывать воду.

На этот раз перед нами стояла задача взять с ходу японскую погранзаставу и выйти, как говорят, на оперативный простор.

Перебравшись на вражеский берег, мы залегли перед боем и ждали, когда наша артиллерия обработает заставу. Чуть забрезжил рассвет, как заработал «бог войны». Над нами с шипением и скрипом проносились снаряды в сторону неприятеля. Через полчаса все стихло и раздалась команда: «Вперед!». Наш взвод первым пошел в бой на чужой земле, преследуя, уходящих от нас, японских вояк.

Анатолий Михайлович прервал разговор, задумался, затем тихо произнес:

— Война, она и есть война, большая или маленькая. На ней убивают, калечат людей, оставляют женщин вдовами, детей сиротами, а у живых горькую память.

Пятнадцатая армия II-го Дальневосточного фронта под командованием М.А. Пуркаева наносила удар на Харбин. Перед ней стояла задача расчленив Квантунскую армию и уничтожить ее по частям.

За прошедшие три дня было очищено все побережье Амура, прорвана оборона противника, и наши части развернули наступление в глубь Маньчжурии.

Ветеран рассказывает об одном случае.

— Вошли мы в один поселок и видим среди китайских фанз возвышается двухэтажное здание. Спрашиваем жителей:

— Чей это дом? Кто тут живет?

Китайцы отвечают:

— Русски барин.

Оказывается, еще в гражданскую с атаманом Семеновым сбежал сюда из России вояка-эмигрант. Обустроился, и на него весь поселок работает. Наши командиры попросили хозяина дома покормить солдат. Белогвардеец услужливо согласился и приказал слугам приготовить шашлык с рисом. Едим, а голодные китайцы в рот заглядывают. Наш лейтенант просит накормить китайских крестьян шашлыком. Обескураженный хозяин дома побоялся перечить нам и выставил еду крестьянам.

В августе, 15 числа, и передовые части Армии подошли к сильно укрепленному Синшаньчжэнскому укрепрайону противника. Наступали по заболоченным местам и разбитым дорогам, по обеим берегам речки Сунгари. Перед городом оборона японцев сильно укреплена, много траншей, блиндажей, дотов и с ходу мы не могли их преодолеть. Вражеский огонь из пулеметов настолько был силен, что заставил передовые части залечь. Наш взвод укрылся за насыпью дороги у моста все ждали подхода артиллерии, но она безнадежно застряла где-то в пути по непролазной грязи, а приказ надо было выполнять. И вот поднимается с автоматом в руках командир отделения и кричит:

— Вперед! У-р-а!

Но не сделал и трех шагов, как упал сраженный пулеметной очередью. Другой командир поднялся, думая увлечь своих солдат в атаку, но и он упал от японских пуль. Не выдержав, поднялся наш командир отделения и тоже упал. К нему подполз мой земляк Михаил Федоров, разорвал свою рубашку и перевязал раненого в грудь командира. Наступление, как говорят, захлебнулось. Наш комбат связывается с командиром полка и просит помочь. Через некоторое время в небе появились наши самолеты, и вражеская оборонительная линия покрылась взрывами и тучами огня и дыма. А когда мы пошли в наступление, то отпора не встретили, много японских вояк погибло. Жутко было смотреть на развороченные доты, блиндажи и разодранные тела японских солдат.

Мы вошли в город Синшаньчжэн и два дня приводили себя в надлежащий вид. Насколько мы были измотаны, грязные, с засохшими от крови бинтами, почерневшие от ветра и пота. Хотя и говорят, что пехота «царица полей», но я бы никому не пожелал испытать это «царство».

Смекалистые ребята наткнулись в банковском гараже на поблескивающий никелированный автобус. Обрадовались было, да зря —

разорили его японцы, драпая от нас. Поснимали с него важные части, а у нас таких не было в запасе. Пришлось опять топтать уставшими ногами по маньчжурской мокрой хляби.

Но в одном наступлении мы все же отбили три грузовика у японцев. Машины оказались исправными, но, баки под горячее были пустыми. Тут нас выручили китайские крестьяне. Они принесли нам вместо бензина «ханьжу» — это вроде самогона из риса. Заправили машины и вперед! Добрые китайцы даже про запас налили нам в канистры эту горючку.

Чужие дороги порою заводили нас в тупик, и тут нашелся доброволец проводник. Он уверял нас, что хорошо знает дороги, местность и повел нас. А к вечеру заехали мы в болото и увязли в нем. Похоже, этот «Иван Сусанин» завел нас в болото специально, и нам ничего не оставалось, как только пробить колеса у машин и оставить, а с проводником поступить по законам военного времени. Потом мы узнали, что там за болотом ждала нас засада самураев.

На реке Сунгари мост был взорван, пришлось наводить переправу и китайцы нам помогали. Наступали мы на городишко Улань, комбат Слабутин и политрук Петров поставили перед нами задачу: прорвать оборону японцев и выйти к подступам Харбина. В этом нам должна помочь Сунгарская флотилия. Напористые бои шли повсеместно и самураи не выдерживали — отступали, а порой и сдавались в плен. Наш взвод автоматчиков с ходу врывался в траншеи, и японцы, не успев крикнуть «банзай!», поднимали руки, бросали оружие. А когда город был взят, то японские вояки говорили, что император приказал прекратить войну. Здесь у нас была передышка, а на другой день нам объявили, что Япония капитулировала. Это было 3 сентября 1945 года. Война длилась всего 24 дня.

После этого наши воинские части направили в город Цзямусы и дальше, на свою территорию в Ленинское, где речка Сунгари впадает в Амур. Здесь нам вручали ордена и медали.

Затем маршем потопали до села Бобетово и расположились в казармах. Пришел приказ о демобилизации солдат старших возрастов, а нас, молодых ребят, направили в автошколу. Со мной учился мой земляк Александр Кириллов.

После окончания нам вручили «студобеккеры» и мы возили трофейные грузы на станциях Песчанка и Отпор.

В Даурии я еще прослужил военным водителем до марта 1950 года, затем отпустили домой. Из Абакана в родное Идринское меня довез мой однофамилец Виктор Глухов.

И вот началась для меня уже не военная, а гражданская служба. Работал на разных машинах вместе с механиком Г.М. Журавлевым. Затем шоферил у И.М. Пустовойченко, и закончилась моя шоферская деятельность в исполкоме райсовета. А на отдых я ушел в 1988 году. Говорят: жизнь прожить — не поле перейти, всякое бывает. Вот и у меня в 1962 году умерла жена. И я остался с дочерью на руках. Но мир не без добрых людей, нашлась

и мне добрая жена и хозяйка Ольга Ивановна, тоже с дочерью и мы поженились. Воспитали этих вот двоих дочерей, а теперь у них свои семьи, дети.

А Ольга Ивановна 27 лет учила в школе детвору и за самоотверженный труд она получила звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». Анатолий Михайлович закончил свое повествование о годах военного времени, а я подумал: «Не только ему довелось отстаивать свою Родину от врагов на поле брани, но и здесь, в тылу, Ольга Ивановна тоже хлебнула горького до слез, как и многие из нас, жившие в ту пору военного лихолетья. Теперь они оба ветераны: один — войны, другой — труда, и оба получили награды Родины: один — за бой, другой — за труд!».

А я, слушая их неторопливые рассказы, перебирал на столе орденские книжки, свидетельства, Почетные грамоты, наши районные и московские, подписанные Председателем Президиума и министром просвещения РСФСР.

Какой прекрасной души эти люди! Все, что имели у себя они отдавали Родине. Вместе с народом делили тяготы и невзгоды, радости, воевали, строили, воспитывали, радуясь великим победам великого Советского народа.

Дай Бог им здоровья и долгих лет жизни!

М. Гуров

СОЛДАТСКИЕ КИЛОМЕТРЫ

Кто подсчитает километры, которые прошел солдат за войну? Они были нелегкие, но солдат никогда их не считал. У него была одна мера длины: идти вперед и приближать конец войны.

Рядовой Родион Иванович Глухов осенью 41 года прибыл в Красноярск и был зачислен в стрелковый полк пулеметчиком. В январе 42 года часть увезли к Москве, на станцию Козлово. Здесь переформировали и сибиряков направили на Карельский фронт. Эшелон с солдатами прибыл на небольшую станцию недалеко от Белого моря, затем на лыжах по лесам и низинам прошли

поближе к финской границе.

Здесь, недалеко от Мурманска и Кандалакши, 14-я армия заняла оборону. Гитлеровцы рвались к железной дороге, чтобы перерезать ее, не допустить подвоз грузов и захватить Заполярье. — Они постоянно атаковали нас, — рассказывает Родион Иванович. — Помнится, находились мы в траншее, и я на левом фланге с пулеметом отбивал атаки фашистской пехоты. После неудачного наступления они открыли по нам бешеный огонь из минометов. Нашего ротного командира Налимова миной накрыло, а

командир отделения Зверев подполз к нему и забрал у него документы. Затем собрались наши командиры в шалаше, а мина как раз туда угодила. После обстрела гитлеровцы опять в атаку пошли. Пулеметным огнем обрушился я на автоматчиков, а тут наши сорокапятки заработали. Поднялись и наши солдаты в контратаку на ихнюю высоту, а там пулемет из дота ударил. Залегли, порядком выбило ребят, от нашего взвода девять человек осталось. Отошли, нас перегруппировали, и снова вперед.

Командир взвода повел нас левее высоты, а другие справа стороны зашли. Одновременно пошли па штурм. Я залег и поддерживаю огнем своих ребят из станкового. Вот уже гремит «Ур-ра-а!» со всех сторон, а по пулемету миномет начал бить, мину за миной выпускает и одна все же накрыла нас. Мой помощник отделался контузией, а меня осколками в плечо, в ногу и лицо залепило. Очистил себя от земли, передал пулемет пареньку и кое-как пополз в санчасть.

— Полежите, пока машина подойдет.

— Какое тут лежанье, холодно от потери крови, нос и губы посинели, тело дрожь берет. Дали немного спирту согреться.

Подошли машины, и нас повезли в медсанбат в городишко Казбек. Дорога плохая, машины по еланиям громыхают. Дали нам по куску хлеба с маслом, а через трое суток отправили в Архангельск.

В мае 43 года Родиона Ивановича выписали из госпиталя. После трехмесячного лечения раны зарубцевались, и солдат снова встал в строй. А на фронте было беспокойно. Немецкое командование стремилось захватить Кольский полуостров и на нашем направлении сосредоточило войска 20-й Горной армии.

С апреля 42 года оборона Кандалакшского направления была возложена на вновь сформированные 19-ю и 26-ю армии.

Родион Иванович попал в девятнадцатую снова пулеметчиком.

- Хотя наши войска находились в обороне, но бои не прекращались, и мы, и противник хотели иметь выгодные позиции. Небольшое село Первомайское находилось на возвышенности, и эго создавало удобное обозрение и обстрел наших войск со стороны фашистов. Командиры три раза поднимали нас в атаку на это село и только под вечер мы ворвались в него. Дрались за каждый дом, за каждый сарай

Я подтащил свой пулемет до крайней усадьбы и расстреливал выбегавших из домов немцев. Ракеты одна за другой взмывали в темноту, освещая исход боя. Фашисты ожесточились и сосредоточили огонь на пулемете. Уцепившись за рукоятки и непрерывно стреляя, я как-то утерю чувство самосохранения и тут же получил тупой удар в правую руку от взрыва гранаты. Рука онемела, стала чужой и пулемет замолк. К нам подскочил старшина.

- Глухов, ты живой?

- Живой, в руку ранило.

Левой рукой вытащил пакет из кармана гимнастерки и подал старшине. Он перебинтовал и помог мне отойти в санчасть. Ужасно хотелось пить, казалось, что я сгораю без воды. Сестра дала глоток, а я ругаюсь и еще прошу. Утром на одноколке нас повезли от села к селу, затем погрузили на «полупорку» и привезли на станцию.

И пошел колесить наш санитарный поезд по дорогам России, где под бомбежку попадет, где с ходу станции проскакиваем. Почему-то мы приехали на станцию Лиски, затем в город Калач. На горе школа, занятая под госпиталь, восемьдесят человек разместили в нем. Я очень ослаб, и сосед по койке на обходе врачей сказал:

- Вот этот раненый помрет, он ничего не ест. Мне стали давать перед обедом стопку водки. Немного поправился, но рука сильно болела, по-видимому, в кости осколок засел. Увезли в Камышин, затем в Казань. Четыре месяца в госпитале, и опытный хирург Маргарита Федоровна стала готовить к операции.

- Ну, сибирячок, извлеку я из твоей руки осколок, только потерпи, пожалуйста. Осколок извлекли, а рука и пальцы не работают, не держат, выпадает все, что беру.

И вот весной 44 года отпустили меня домой, с расчетом, что шесть месяцев пройдет и на перекомиссию, а если рука наладится, то снова на фронт. Но рука моя не наладилась, так и остался калекой на всю жизнь.

Вот так и остался Родион Иванович в селе Идринском, в своем родном колхозе «Знамя труда» бригадиром. Две полеводческие бригады было, в одной бригадиром Мария Ивановна Сайкина, а в другой — Родион Иванович. Глубокий тыл, а как тут приходилось тяжело людям. Культстан, ночная молотба, голод, рванье и штопанье, работа день и ночь.

Ветеран вспоминает:

— А как работали женщины, Пелагея Рудскова, Александра Мирошкина, ее сестра Ульяна, жена моя, Елизавета Григорьевна - по пятнадцать гектаров вывязывали снопов за сутки. Бабы накатывают розвязь, а она вяжет в снопы. А как ребятня работала, так никто никогда не работал. Ваня Михайлов, Костя Тремясов, Миша Абузов, Ваня Мирошкин, Валя Горбунов, всех не перечтешь. На таких вот ребяташках и держался колхоз.

Сейчас Родион Иванович порядком остарел, и он доволен тем, что его не забывают дети и внуки.

- Когда уходил на фронт, у нас уже дети были, четверо ребят и дочь. Сейчас живу у сына Николая, моя невестка, Лариса Ивановна, добрая и уважительная. Они заботятся обо мне. Уже девятый десяток годков разменял, а все еще хочется по хозяйству пройтись, что-то сделать, а сил уже нет. Жена умерла. Вот отдыхаю на койке, радио слушаю, где про новую жизнь толкуют, а какая она будет неизвестно. Опять богатые и бедные, хозяева и батраки, так это было у нас уже. Неужели к этому придем?

М. Гуров

СУДЬБА ГЕРОЯ

Перебирая запись о Федоре Григорьевиче Максимове, я убеждался еще раз в том, что таких людей на земле мало, но память о них остается навсегда в летописи Российской. Ему уже под 80, а он смотрит на жизнь оптимистично, не жалуется, не сетует, не клянет ее, а наоборот, благодарит судьбу и отца с матерью за то, что подарили ему жизнь на этой прекрасной земле. А скромности этого человека можно только позавидовать.

Родился он в большом сибирском селе Большой Телек Идринского района в крестьянской семье, познав все тяготы деревенской жизни. В семье было пятеро детей и старшему Федору доставалось больше всех.

Братьев отца, Ефрема и Никандра, перед коллективизацией раскулачили, а в 37 году Никандра забрали и, по постановлению тройки, сослали в Магадан. Ему приписали связь с Ежовым, которую никто до сих пор не может понять, в чем была она, ведь нарком внутренних дел сам руководил репрессиями. Отбыв в лагерях десять лет, Никандр собрался выехать на родину, но высокое начальство оставляет его в Магадане еще на десять лет. Пришлось обзавестись семьей, век бобылем не проживешь и только в 1957 году семья выехала на юг, в город Туапсе. А когда Никандр Ефремович приезжал в гости, то Федор с глубоким уважением слушал нелегкое повествование реабилитированного ссыльного.

Не лучше обстояло дело и с дедом Федора. Довольно крепкий старик, Николай Миронович имел свой надел земли, обрабатывал его, собирал урожай зерна, этим и кормились. Держали лошадей, коров, овец. Однажды дед взял с собой внука и поехали на овечью кошару в урочище «Теплый Ключ». Переезжая небольшую речушку, лошадь понесла под гору и опрокинула телегу под крутой обрыв. Из последних мальчишеских сил Федя все же вытащил деда из-под телеги и, успокоив лошадь, привез его домой. Эта поездка оказалась последней для Николая Мироновича, дед заболел и через неделю скончался.

Отец Федора женился поздно, в тридцать пять лет он обвенчался на проворной деревенской девке из семьи Гагаркиных, проживающих в селе Идринском. Так же, как и его отец, он обзавелся хозяйством: имел три коня, коров, овец, куриц. В период коллективизации Григорий Николаевич в числе первых вошел в колхоз и сдал в коллективное хозяйство всех своих лошадей, коров, овец и куриц. Но после статьи Сталина «Головокружение от успехов» мелкий скот, коров и куриц возвращали обратно. Колхозники смеялись:

- Куда, куда! — кри-чали куры.
- Из колхоза-а-а! — орал петух.

Отец Федор невольно оказался свидетелем тех бурных событий 1918 года. Советская власть укреплялась в городах и селах, а противники ее не хотели этого и по селам создавали свои группы и отряды из крепких зажиточных мужиков для борьбы с большевистски настроенными людьми.

Так, в Большом Телеке среди большевиков и организаторов Советской власти были крестьяне: Григорий Шадрин, Мишин, Пшик, Насонов.

Их в деревне знали, а богатые опасались и ненавидели. Улучшив момент, когда скрывавшиеся в горах «Байтака» большевики тайно решили прийти в село и помыться в бане, сельские палачи подкараулили их и поймали Насонова. Его притащили в дом, именуемый «сборней» и там на допросе жестоко избили.

А в ночь заставили Григория Николаевича караулить, чтобы тот не сбежал.

Утром тяжело избитого Насонова выкинули из окна «сборни» и с криками: «Сбежал, сбежал!» стали добивать палками и стягами.

Григорий Николаевич, видя, такую расправу, возмущенно закричал зарвавшимся палачам:

— Что вы делаете! Одумайтесь!

За это ему пригрозили и, чувствуя недоброе, он решил уйти от греха подальше и некоторое время не появлялся. Его искали, а верховые на лошадях кричали в окно его дома:

— Где Мироновский солдат! Выходи!

— В 1930 году наша семья была в колхозе, а меня отправили в ШКМ - это школа крестьянской молодежи в селе Идринском. И вот директор этой школы исключает меня за то, что я оказался сыном кулака, — вспоминает Федор Григорьевич. — Пришел я в село, а всю нашу семью выселили из собственного дома. Затем подогнали две подводы, погрузили скарб, что могли, и повезли через Курагино в Артемовск.

В семи километрах от города нас поселили на таежном лесоучастке в общем бараке. Жутко было видеть, какой там был народ: голодный, оборванный, иные сходили с ума и полная антисанитария. И тут вспыхнул тиф. Отец и мать работали в тайге, а мы, четверо ребят, ютились в бараке. Отец заболел тифом и умер, а мать увезли в больницу в Артемовск. Пять недель выкарабкивалась она из смертного ложа и выжила. Эта был тяжелый 31-й год.

Нас выручил брат отца Никандр Ефремович. Он написал в Москву и доказал, что семья наша никакие не кулаки и сослал нас по наговору недоброжелателей. В последствие нас реабилитировали и вернули нам доброе имя отца.

А житье было трудное, дом и скот конфисковали, а когда мы вернулись в родное село, то мне приходилось ходить по дворам и просить подаяние у добрых людей.

На плечи четырнадцатилетнего Федора навалилась вся семейная и хозяйственная забота. Он делал все, что мог: пахал, сеял, убирал. Колхозная

жизнь для него стала привычной. С утра до вечера вырабатывал он трудодни, чтобы потом в конце года получить на них зерно, деньги и другие продукты. Работа хлебороба сезонная, надо все сделать вовремя, успел — выиграл, не успел — проиграл.

А когда были созданы МТС и появились на полях тракторы и комбайны, то у Федора загорелась душа — захотелось работать трактористом. Вместе с таким же парнем, как и он, Петром Кулишкиным, поехали да курсы трактористов в с. Малый Хабук. Через три месяца они стали механизаторами при Идринской МТС, где директором был Ткаченко. Сколько радости в душах ребят, когда они самостоятельно управляли колесными тракторами марки «ХТЗ» на полях родного колхоза «Большевик». Теперь Федор поднимал зябь не на лошадях, топая по борозде за конным плугом, и не на жнейке, убирая пшеничные полосы, а на стальном коне, перекрывая все нормы выработки. Он возмужал и стал крепким парнем и на вечерних сходках не одна девушка заглядывалась на него.

Пришло время призыва на службу в армию. Ребят его года забрали, а его оставили работать в колхозе, пока. Но когда началась война с Финляндией, то Федора сразу вызвали в РВК. Вместе с Иваном Ионовичем Садовским, Яковом Яковлевичем Корчмой и Иваном Степановичем Петриком увезли в город Уфу. Там обучили ратному делу, вселили в душу патриотические чувства к Родине, а через год Федора отпустили домой.

Опять работа на тракторах, но теперь уже бригадиром тракторного отряда. Время шло, и Федор решил обзавестись семьей, выбрав из деревенских девчат самую красивую и добрую, сыграли свадьбу.

Но судьба непредсказуема и не все планы и задумки сбываются. Нежданно, негаданно обрушилась на головы советских людей война, и жизнь повернулась и пошла по законам военного времени. Федора придерживали в хозяйстве, как опытного механизатора, но война требовала людских ресурсов и 28 июня 1942 года его вновь забрали, теперь уже на фронт. В Новосибирске ребят обучили шоферскому делу, научили управлять американскими «студебеккерами» и отправили в Рязань. Здесь эти мощные машины оборудовали под новое грозное оружие, именуемое «Катюшей», а молодым водителям дали отечественные «полуторки». С военным грузом колонна этих машин двинулась в город Ногинск. Здесь формировался отдельный 35-й танковый полк, готовившийся для наступления на сталинградском направлении.

— К 7 ноября 1942 года мы были под Сталинградом, — рассказывает военный шофер Федор Максимов. — Бои были жаркие, и мы день и ночь на машинах. На фронт боеприпасы, обратно увозили раненых. Под Красноармейском немецкие самолеты здорово бомбили, и наши машины порядком потрепали. Мою «полуторку» развалили окончательно, «рожки, да ножки» от нее остались. Меня же миной шарахнуло, подобрали и отвезли в Камышин в госпиталь. Первое время там лежал, а потом отправили в городишко Пугачев Саратовской области. Было это в начале 1943 года, а

после выздоровления снова на фронт в маршевую роту. И вот я в строю автоматчиков в матушке-пехоте пулеметчиком «Максима». Топаю в составе армии 3-го Украинского фронта.

Прошли порядочно по Днепропетровской земле, гнали фашистов обратно в Германию. С боями, с продыхом и без продыха, не давали им времени на передышку. Но и нам от фрицев тоже доставалось.

— Хорошо помню, как выбивали немцев из Бекетовки, затем из Капустина Яра, продвигались вперед, увлекаясь погоней за отступающим врагом. И вот в одном поселке нарвались мы на крупные силы противника, по-видимому, там стоял полк. Наш поредевший батальон, напорвшись на засаду немцев, не смог взять с ходу этот поселок, и атака захлебнулась. А тут ударили с флангов орудия и под кинжальным огнем противника гибли наши ребята. Командиры, оценив обстановку, собрали бойцов в единый кулак и бросили их на прорыв. С большим трудом выходили назад к основным силам фронта. В этом бою мы, израсходовав все боеприпасы, прорывались нахрапом, без выстрелов, сражаясь в рукопашную, где ножами, где последней гранатой, автоматами били фрицев по башке. При выходе из этой ужасной горловины много наших ребят полегло. От батальона нас девять человек осталось, едва державшихся на ногах, израненных, искалеченных, а тем, кто остался на поле брани — вечная слава героям-храбрецам! Меня в том бою ранило в плечо осколками мины, ключья полушубка затащило под кость

Рассказывая об этом бое, Федор Григорьевич как бы для убедительности, показывает раненую руку.

— Раненых направили сразу в санчасть на перевязку, затем в медсанбат. Все было переполнено ранеными до отказа и ходячих отправили пешком до села Апостолово. Но и там все забито, и мы поплелись дальше. Пришли в Воронцовку — там мест нет, добрались до Лошкаревки — тут нас приняли и положили в госпиталь. Хорошенько подлечили и снова на передовую.

Судьба оказалась благосклонной к солдату. Опаленные боями войска 3-го Украинского освобождали Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию. Приближался конец войне, солдаты чувствовали себя ободряюще. Многие с орденами на груди, герои, а медали были у каждого. Восьмая гвардейская дивизия оказалась в столице Венгрии.

— После взятия Вены, наш полк отвели на отдых, — вспоминает Федор Григорьевич. — Мы спали в машинах вповалку и, пожалуй, без сновидений, и вдруг рано утром старший сержант нашего подразделения орет во весь голос: «Вставайте, братва! Война закончилась!» Подбегает к нам и меня первого обнимает, целует, а у самого радость со слезами на глазах. Тут мы все поднялись и пошло-поехало: произносили здравицы, били из автоматов салютом в небо. Наша радость была безгранична. После этого полк перебазировался в город Баден. Здесь нам вручили ордена, и медали, а мне присвоили еще звание ефрейтора и ребята смеялись:

— Теперь и до генерала недалеко, только вот беда — война закончилась!

Побывали мы и в Берлине по командировке, посмотрели на Рейхстаг, на улицы города и подумали: «Русский солдат загнал в гроб фашизм! Теперь народы Европы вздохнут свободно».

В городе Селитра, что на границе Болгарии и Румынии, мы пробыли до 20 февраля 1946 года, затем приказом командования нас демобилизовали и отправили по домам.

Коренной сибиряк Федор Максимов в апреле 1946 года прибыл в свое родное село. Вернулся с фронта и брат Иван Григорьевич. Встреча была радостной, что ни говори, а живые остались, хотя и раненые. Повезло.

Вскоре директор МТС С.П. Сайганов пригласил Федора на работу.

— На трактор не посажу, а вот бригадиром отряда назначаю.

Ветеран вспоминает:

— При Идринской МТС были тракторные отряды: первый возглавлял И.Г. Глухов, второй — Антипов, третий — Краснов, четвертый — Потылицин и т.д. А мне определили фронт работ в Малом Хабыке, потому что в Большом Телеке работали бригадирами фронтовики В. В. Ворошилов, С. М. Панюшин.

В моем отряде механизаторы работали на совесть, выкладывались, как говорится, до последнего, на что были способны. День и ночь не смолкали двигатели тракторов на полях, а такие ребята как Антонов, Ябров, Комин, Алексеев, комбайнер Гринев круглосуточно на машинах. Отдыхать было некогда, то посевная, то сенокос, то уборка урожая.

Глушили тракторы тогда, когда делали перетяжку, притирали клапаны, но все это делалось в поле. Быстро и умело. А какие ребята — настоящие патриоты! Спайка характеров, поддержка, взаимовыручка, уважение, делились последним, у кого что было. У всех одно стремление — посеять вовремя, убрать вовремя!

На другой год попросился ближе к дому. Малотелекские поля упечные, солнечные и если хорошо обработать и вовремя посеять и убрать, то урожай можно получить хороший. Вот и старались ребята из этого колхоза работать прилежно и добросовестно. Такие трактористы, как братья Старцевы, Ковригин, Трухин, Азанов, Егор Покштаев работали день и ночь. На наших колесниках не было света, потому что нет динамо, что вырабатывает электричество, а пахать и сеять приходилось и ночью. Так мы шли впереди трактора с «летучей мышью» и освещали борозду маркера. Боялись, чтобы огрехов не наделали, за это строго наказывали. Помнится, как однажды майор КГБ Чупрасов приезжал на поля и проверял качество сева. А когда в одном отряде была плохо подработана земля и по ней произведен посев зерновых, то бригадира строго наказали. Мы же этого не допускали и следили за качеством полевых работ. А когда подводили итоги, то наш отряд занял восьмое место из двадцати по району.

М.Гуров

СУДЬБА СОЛДАТА

Познакомились мы случайно на поле, где садили пенсионеры картошку. К нам подошел пожилой, но довольно энергичный человек и заговорил о земле, о качестве вспашки и отведенных людям делянках. Мы подумали, что он, по видимому, из комиссии по распределению и отводу земли под посадку картофеля и не ошиблись. Анатолий Александрович Гольцев — один из самых активных членов совета ветеранов войны и труда, незаменимый помощник в деятельности районного отдела социального обеспечения.

Через некоторое время судьба свела нас в другом месте, где мы решали свои чисто житейские вопросы. Как знакомые, разговорились, оказалось, что Анатолий Александрович прошел большую жизненную школу, побывал в довольно трудных переплетках довоенного, военного и послевоенного времени и вот, набравшись житейской мудрости, всего себя, не жалея, отдает служению людям, делает им пусть даже самую малую толику добра, внимания, участия.

Судьба не баловала этого человека. Семья Гольцевых проживала в нашем районе в селе Большой Хабык. В семье двое детей. Анатолий и его сестра, родители же вели свое натуральное хозяйство и не вступали в колхоз. В этот сложный период коллективизации инакомыслящих не праздновали и семью Гольцевых выслали в Тюменскую область в таежные места. Привезли их на реку Юл и разместили, как и других, в бараках лесозаготовителей. Тайга есть тайга, валили лес, возили на плотбище к реке, а по весне сплавливали по большой воде мулом до устья реки, где находилась сплавная контора.

Не голодовали, в тайге приволье, ягоды и ореха много. Зверье водилось, а в реках и озерах достаточно рыбы. Здесь, в таежных поселках, из бересты делали заготовки для линейных прикладов к автоматам и винтовкам.

Началась война, и осенью сорок первого Анатолии призвали в армию. Как и положено, обучили нелегкому военному делу и отправили на фронт. Не зря он окончил полковую школу связистов, там, на передовой без связи не обойтись, и солдат Гольцев исполнял свои обязанности добросовестно. Но было горько, обидно, когда отступали в первые месяцы войны и оставляли врагу свои города и села. Но страна накапливала силы, все больше и больше на фронт поступало оружия и солдатского пополнения, и настали дни серьезного отпора фашистам и изгнания их с нашей территории.

Анатолий Александрович с горечью вспоминает те солдатские километры, что прошел он по белорусским болотам, своих боевых товарищей, на глазах у него убитых, и печально вздыхает.

— Война есть война, не мать родная. Не знаешь, останешься ли ты живой или тебя захоронят на чужой земле.

Особенно запомнился ему последний бой, в котором ему не повезло. Было это зимой сорок третьего под Витебском. Воевал в составе Белорусского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского. Велось наступление на город, который гитлеровцы сильно укрепили и сосредоточили крупные войсковые силы. В наступательной операции нашим частям с ходу не удалось прорвать оборону и войска понесли большие потери. В этих боях Анатолий держал связь штаба с войсковыми подразделениями. Вместе с такими же ребятами связистами он искал порывы, соединял, пробирался по окопам, по кустам, по болотам и держал связь непрерывно. Учитывая обстановку, командование изменило тактику наступления и временно отводило части на выгодные позиции. Фашисты не давали передышки и обстреливали наши позиции днем и ночью. Освещая ракетами местность они били из орудий и минометов. Отделению связистов было приказано свернуть связь и отойти в расположение штаба. Ребята заканчивали опасную работу, лазая среди дымящихся от разрывов снарядов воронок, и собрав телефонные провода на катушки, отходили. Анатолий замешкался, он никак не мог найти оборванный конец провода, жалко было оставлять метры необходимого средства связи.

Части выходили из под обстрела и закреплялись на новых позициях. Командир отделения, собрав ребят в землянке, дал задание оборудовать связью командные пункты, а когда узнал, что до сих пор нет связиста Гольцева, забеспокоился и попросил санитаров поискать пропавшего.

Анатолий лежал присыпанный мерзлой землей от взрыва снаряда. Много ли, мало ли времени прошло, а когда очнулся, то понял, что еще живой и силился сообразить — где он, и что с ним? А в голове невыносимо гудело, звенело и в левом боку сильно жгло. Нащупав пакет, он стал затыкать, кровоточащие раны от осколков. Руки и ноги были целы, но катушки с проводами не было и винтовки тоже. В темноте он не стал их искать, да и не было в том надобности, все равно не унес бы их с собой. Преодолевая боль, пополз к своим. Сколько времени полз, трудно определить, но надеялся, что доберется.

— Гольцев, где ты? — слышались в ночи голоса санитаров, но Анатолий не слышал, все еще полз, пока не свалился, в какой-то окоп. А когда они наткнулись на связиста, то обрадовано заговорили:

— Чего не откликаешься, мы тебя ищем, ищем!

Анатолий улыбался, он даже голоса то своего не слышал, не то чтобы санитаров.

На ручных санках с лямками дотащили раненого в санчасть, там оказали первую помощь, а днем повезли в санях розвальнях на коне в медсанбат.

Этот день, 21 декабря, 1943 года Анатолий запомнил. Здесь, в полевых условиях, хирурги вытаскивали из него немецкие осколки, но не успели все вытащить. Вражеская артиллерия нащупала палаточный городок с ранеными

и начала обстрел. Первый снаряд сделал перелет и разорвался вдалеке. Старый хирург быстро сориентировался.

— Взяли в вилку, сволочи! Надо быстро что-то предпринимать!

И он приказал срочно вытаскивать из палаток раненых подальше от обстрела. Работал весь персонал, а кто из раненых мог передвигаться, уходил сами. Делалось все это быстро и своевременно, а когда разорвался второй снаряд — недолет, то последняя подвода с ранеными отъезжала от палаток. Третий снаряд угодил в самую середину, и палаточного городка под красным крестом не стало.

Раненых погрузили на «полуторку» и повезли в Смоленск. Бортовую машину сильно трясло по мерзлой земле, и больные просили водителя ехать потише.

— Да вы что, ребята!— сокрушался шофер, — пока довезу вас до города, вы дорогой околеете.

Из Смоленска увезли в Москву, немного подлечили и отправили в армянский город Ереван на горный свежий воздух долечиваться. Как показал рентген, в животе у Анатолия остался еще один осколок, но молодой организм солдата брал свое и здоровье шло на улучшение. Выздоровливающие ребята готовились снова к отправке на фронт.

Но вот из Тбилиси пришло медицинское заключение, и Анатолию врачи сказали, чтобы он ехал домой.

Поезд шел через Баку, в набитом до отказа пассажирском поезде ехали сибиряки домой. Классные вагоны переполнены суворовцами и нахимовцами, в душном купе нет спасения, и солдаты залезли на крыши вагонов, а чтобы не свалиться на ходу поезда, привязали себя солдатскими ремнями за вытяжные трубы.

21 июня сорок четвертого солдат Гольцев вернулся домой, в Большой Хабык. Но родители не дождались сына, умерли, сестренка вышла замуж, и Анатолий остался жить у деда. Заботливый дед научил внука нехитрому житейскому ремеслу — застилать и катать валенки. Этим и жили.

Вскорости военком вызвал в райвоенкомат Гольцева и поручил ему готовить ребят допризывников к службе в армии. После окончания войны Анатолий работал учетчиком тракторного отряда Идринской МТС. Жизнь вошла в мирное русло и пора было заводить семью, не век же ходить бобылем. Подсмотрев для себя добрую, работающую женщину, Анатолий сыграл свадьбу и сменил работу. Теперь он трудился в райсоюзе, когда председателем был Солодов.

Работа товароведа канительная, надо уметь достать и доставить товары и продукты для населения. За ними ездили на машинах через Тубу и Енисей. В распутицу часто оставались машины с товарами за рекой, и люди по несколько дней коротали ночи в машинах.

А раны с годами давали о себе знать, иногда так прижимало, хоть волком вой, и никакие лекарства уже не помогали. Один исход — надо делать сложные операции, дальше работать он уже не мог.

В разговоре с ветераном чувствовалась горечь военных лет и вечное стремление к хорошей жизни, которая вот-вот должна наступить, а ее все нет нет.

— Вот так-то, — вздыхает Анатолий Александрович. — Дети выросли, работают, а мы со старушкой только гусей и пасем, на большее у нас сил не хватает.

С супругой Анатолия Александровича я познакомился на острове, где пасли табунки гусей. Мне почему-то показалось, что женщина она неординарная и по-своему объективно решает житейские вопросы. Баба Аня произвела на меня неизгладимое впечатление, как и все женщины военных лет, так же подвергалась ударам судьбы. Ее первый муж погиб на фронте под Ленинградом, и на ее плечах остались двое детей. Сильная, статная сибирячка подстать мужику справлялась с любой работой в колхозе. Где потруднее, да посложнее, туда ее и посылали. Но она не жаловалась, куда пойдешь, кому скажешь о вдовьей доле. Жила у свекрови, а когда получила похоронку ушла на другую квартиру.

Через год встретила молодого, делового фронтовика Анатолия, поженились. Жили хорошо, дружно, радость укрепилась в семье — дети родились. Анна всю свою женскую прелесть отдавала Анатолию. Уедет он с машинами в город, сутками нет. Анна же по дому все управит, коровку утром раненько подоит, до пастуха выгонит, ребятню завтраком накормит, в школу отправит, в доме порядок наведет и еще на работу успеет. Все делала весело и успевала вовремя, да еще и с бабами посудачит. О прожитой жизни можно целый роман написать, да вот разве обо всем напишешь.

Баба Аня рассказывает про жизнь так, какова она в действительности. Вот и сейчас она говорит, что дед ее от ран, полученных на фронте, сильно страдает. Но он не из таких, что хныкают, не хочет поддаваться болезням, активничает, все в свой «собес» бегают, деловые вопросы решает. А здоровье у него слабое стало. Однажды погнала баба Аня гусей на остров, а дед дома остался. Через два часа вернулась домой, а он около крыльца лежит, приступ случился. Затащили с соседкой деда в дом и три недели она не отходила от постели больного.

— Я крепкая баба, — утверждает баба Аня. — А вот дед три операции перенес. Если бы знали, как мне тошно. Отпаиваю его травами, не даю хворобе верх взять, вот он и поправляется, ходить начнет, шутит. Гляжу на него и мне становится радостно на душе.

В жаркие летние дни баба Аня на острове пасет гусей. Усевшись на раскладной стульчик поудобнее, она заговорила.

— Работать нельзя, сегодня праздник.

Я знаю, что старые люди соблюдают старинные праздники и спрашиваю:

— Как себя чувствуете Анатолий Александрович?

— Пошел на поправку, животик отращивает, — смеется она. — Годы старят мужика, теперь уж на молодых не заглядывает. А я вот живу с ним много лет и он мне самый дорогой человек.

По небу прошел небольшой раскатистый гром, чуть-чуть забрызгал дождик, и перестал.

— Ну, что это за дождь - возмущается баба Аня, — дал бы чих-пых, а потом опять тепло.

Гуси ушли от нас далековато и намеряются удрать на Сыду с гусятами. Баба Аня беспокоится. — Надо вставать да идти, старые кости растрясти.

В сентябре зачастили дожди, но баба Аня, как всегда, выгоняет табунок гусей на остров. Вот и сейчас плывет по переулку над головой разноцветный зонтик. Пригнала их на полянку и рассыпала по траве зерна. Баба Аня знает, что от этого места гуси долго не отойдут, а к вечеру она погонит их домой.

— Укатали Сивку крутые горки, — вздыхает тяжело. — Уже теперь не только коровку, а и гусей держать не сможешь.

На перекрестке мы расстаемся. Баба Аня тяжеловатой поступью гонит табунок гусей домой. Наверное, последнее лето пасет она пернатых, не будет больше разводить гусей. Восемь десятков прожить — не поле перейти.

А с Анатолием Александровичем Гольцевым мы встречаемся. Он все такой же беспокойный и заботливый, и все бегаёт, как говорит баба Аня, в свой родной собес решать важные вопросы.

Дай Бог им здоровья и долгой жизни на этой прекрасной земле.

М.Гуров.

СЧАСТЛИВАЯ ВИНТОВКА НИКОЛАЯ ИЛЬИНА

Живет в селе Б. Кныши ветеран Великой Отечественной Николай Ефимович Ильин. Он родился в 1924 году и до войны жил в деревне Тыгда нашего района. Теперь этой деревни, впрочем, как и многих других, нет на районной карте, но жива память о ней, как о родном уголке, откуда Николай Ефимович начал свой жизненный путь. Его детство, как и у всех сверстников, было нелегким, а тяжелый крестьянский труд стал привычным смолоду, да и отец Ефим Степанович - колхозный кузнец - считал труд основой воспитания. Смекалистого паренька направили в ФЗО в город Артемовск, где он получил отцовскую специальность - стал кузнецом.

1924 год рождения фронтовики считают одним из самых «боевых», поскольку призывались эти парни в 1942, когда армия вела изматывающие, кровопролитные оборонительные бои. В августе 1942-го стал солдатом и восемнадцатилетний Николай. Армейская дорога началась для него со станции Кривошеково Новосибирской области, здесь формировался 191-й стрелковый полк. В ходе боевой подготовки у Николая выявились способности к меткой стрельбе, и он был зачислен в снайперское отделение.

В учебном подразделении молодой боец успешно овладел снайперской винтовкой и вместе с тремя товарищами был откомандирован на Брянский фронт. Времени на передышку не было, и, как говорится, «с ходу» Николай с друзьями попал на передовую в действующий батальон, который вел непрерывные бои.

В июле 1943 года готовилось наступление на город Белев. Ранним утром после мощной артиллерийской подготовки пехота пошла на сильно укрепленную оборонительную полосу противника. Несмотря на ожесточенное сопротивление гитлеровцев и значительные потери, город был взят. Полк нуждался в пополнении техникой, личным составом и был отведен в резерв. Рядовой Ильин в числе других отличившихся был направлен на курсы младших командиров. Военная судьба зачастую непредсказуема, и уже в звании сержанта Николай попал на Карельский фронт. Места, конечно, редкой красоты: тайга, озера и «зори здесь тихие». Однако было не до экзотики. Немецкие заставы вперемешку с финскими, постоянные стычки, засады, преследования, завалы и полный разгар диверсионной и снайперской войны. По приказу полкового начальства сержант Ильин с группой снайперов был направлен в район Печенеги. Ветеран вспоминает: «Наша маневренная группа постоянно находилась в действии и однажды получила приказ взять «языка». Несмотря на то, что ближайший вражеский кордон находился за 20 километров, противник, хорошо зная местность, постоянно держал наши части в напряжении - взрывались мосты и склады, гибли солдаты. Командованию нужна стала информация о планах неприятеля. И вот летней короткой, светлой ночью мы стали пробираться к кордону и, немного не доходя до него, услышали чужой говор. Доносилась приглушенная музыка, работал радиоприемник. Нам стало ясно, что нас не ждут. Командир группы, старший сержант, вызвался убрать часового сам, что и сделал. Несколько минут ожидания и часовой, захрипев, упал в траву. Ближе к дому был выставлен еще один, но и здесь заминки не было. Когда мы ввалились в казарму, то при неярком свете увидели более 2-х десятков коек с похрапывающими фрицами. С одного спешно сдернули одеяло, и он без звука оторопело уставился на нож перед глазами. Только один попытался оказать сопротивление, однако тут же был сбит ударом разведчика. «Языка» повязали, а диверсионная группа пограничного кордона была уничтожена. Обратный путь прошел без осложнений. За эту вылазку мы получили благодарность и короткий отдых».

Бывалому солдату приходилось вступать в поединок и с фашистскими снайперами. Как-то на Брянщине часть Николая Ефимовича практически ежедневно теряла бойцов от огня немецкого снайпера, который занял выгодную позицию на возвышенности. Было решено подобраться поближе и выманить немца из укрытия. Николай поднял каску из окопчика на палке, и тут же пуля прошила ее насквозь, а каска скатилась на землю. Через некоторое время фашист осторожно высунулся из укрытия, чтобы убедиться в попадании, и был убит выстрелом сибиряка. Но война дело обоюдное,

случалось, что гибли и наши снайперы. Однажды на чердаке большого дома засел опытный стрелок и держал под прицелом наши траншеи. Группа снайперов получила приказ уничтожить гитлеровца и стала продвигаться ближе к его позиции. Передвигались ползком, но один неопытный снайпер-узбек приподнялся на колени и подставил себя под выстрел, тотчас же вражеская пуля прошла его насквозь. Немец все-таки был уничтожен, но погиб и наш товарищ. Ошибки на войне стоят очень дорого, и часто - жизни. Нельзя ни в коем случае недооценивать противника, против нас воевали опытные солдаты, и свидетельством тому служит тот факт, что трое из группы снайперов не вернулись с заданий. Навсегда в памяти Николая Ефимовича осталась удачная снайперская засада, когда он поджег немецкий грузовик и уничтожил трех вражеских солдат.

Всего на счету бравого сержанта Ильина 16 уничтоженных гитлеровских вояк. На первый взгляд немного, однако, если бы каждый боец имел пусть вчетверо меньший счет, то война закончилась бы, не успев начаться. После войны Николай, как опытный фронтовой снайпер с большим боевым стажем, обучал своему искусству молодых солдат и демобилизовался только в 1950 году.

Сейчас ветеран на заслуженном отдыхе. «Разъехались, разошлись дети, - сетует Николай Ефимович, - одни с бабулей живем».

Пусть тяжелыми были прежние времена, однако воспоминания о них дороги для стариков, а вспомнить есть о чем. Внимательно смотрю на худощавого, крепкого еще сибиряка, и чувствую, что есть в нем какая-то внутренняя, не растроченная еще сила, внушающая спокойствие и уверенность. С таким человеком не страшно встретить любые испытания.

М. Гуров.

ТАНКИСТ ИВАН МОРОЗОВ

Незаметно и неожиданно началась Финская война. А Иван Морозов после шоферских курсов только что начал водить «полторку». И вот в сентябре 1939 года, в Абакане на железнодорожных платформах отправляли 120 автомашин на Ладогу перевозить продукты и боеприпасы для фронта.

По ледяной дороге через озеро авторота, где находился Иван, до конца этой короткой войны переправляла не только солдат, но и стратегически важные грузы. Потом, в марте 1940-го, направили автороту под Москву, старых водителей отпустили по домам, а молодежь оставили на службе. Сформированную моточасть переправили во Львов. Проворного и смекалистого шофера Ивана Морозова забрал к себе на «эмку» начальник штаба полка.

— 19 июня 1941 поехали в Перемышль на проверку застав на границе, — посмотрели пять погранзастав и начальник штаба сказал: «Подготовь машину, завтра едем домой».

Душной ночью плохо спалось, беспокоило тревожное чувство неопределенности от разговоров на заставах о скоплении немецких войск на той стороне.

Под утро сморил сон и тут неожиданно загрохотало. Начался артобстрел, на нашей стороне рвутся снаряды, а в небе гул самолетов. Начальник штаба сказал нам:

- Война началась, надо скорее добраться в штаб. В бешеной езде по дорогам Львовщины мы добрались за сутки до штаба, а там уже началась эвакуация. Немецкие самолеты беспрерывно бомбили город, одна бомба упала на здание штаба, сразу же убило начальника штаба, писаря и начальника снабжения. Меня ранило в ногу, управлять машиной я еще мог и повез оставшихся в живых штабников в тыл. «Юнкерсы» бешено шныряли над нами, поливали отступающих из пулеметов и бомбили. В семи местах осколками продырявило машину, затыкаю палочками дыры в радиаторе, едем дальше. Километров 10-15 проедем и опять заход самолетов на бомбежку. Выскакиваем, прячемся по кустам и кюветам. Последний раз вылазим из укрытия на дорогу, глядим, а «эмки» нет: разнесло взрывом, одна воронка осталась.

Голосуем, санитарная машина подбирает нас. Привезли в какой-то госпиталь, а потом отправили меня в Сухуми поездом. Ногу подлечили и через три месяца отправили домой. Но ненадолго. В Красноярске формировалась 301 стрелковая дивизия, и Иван угодил в артиллерийскую часть ездовым на лошадях. Командир батареи Михаил Храмков и политрук В. Ф. Баранников готовили ребят к предстоящим сражениям. В полковой батарее в основном 76- миллиметровые пушки и минометы. Четверка добрых коней таскала пушку на лафете.

— После обкатки на полигонах погрузили в вагоны лошадей и поехали на Воронежский фронт. Через станции Лиски и Шебекино подошли к Белгороду. В пятнадцати километрах от города три деревушки заняты фашистами, нам отдали приказ выбить немцев и занять деревни.

Мы отвели лошадей в балку, установили пушки на огневые позиции. Артподготовка, и пехота пошла в атаку. Неприятель стал бить из орудий и минометов по пехоте и по батареям. Снаряды и мины густо рвались в нашем расположении, разбрасывая солдат и орудия в разные стороны. Связь между частями оборвалась, связистов повыбило. А самолеты усиленно бомбили наши позиции. Две деревни мы заняли ненадолго. Нас окружили, мы отступили в село Короча, затем укрылись в лесу. Командование решало, как выбраться из окружения, а тут на нас вышли четверо разведчиков с той стороны. Они повели нас через болота и лес. 163 человека ночью пошли на прорыв. Оставшиеся пушки взорвали. В 18 километрах от Корчи под утро мы

вышли к своим. Утром сделали переключку поредевших взводов. Командир подал команду:

— Кто шофер и тракторист, три шага вперед!

Вышли семь человек, нас увезли в город Балашов, затем в Саратов. Набрал 35 человек водителей, повезли под Сталинград. Остановились в лесу, а там на разгрузочной площадке стоят новенькие Т-34. Нам выдали форму, танкистов и для смелости еще по 100 грамм солдатских. На танке я никогда не ездил и забоялся, но танкист инструктор успокоил:

— Видишь рычаги, они как у трактора фрикционы, а это стартер и дроссель. Смелее садись и управляй.

Я завел танк и согнал его на землю. Вот так я стал танкистом. Двести машин угнали мы на передовую. На переправе через Волгу два понтонных моста, по одному пехота идет, а по другому танки. Держим дистанцию 40 метров, чтобы не затопить понтоны и не сорваться в реку.

В декабре 1942 армия Паулюса была заблокирована в Сталинграде, в кольце оказались 22 дивизии противника. На помощь осажденным спешили танковые и пехотные соединения генерала-фельдмаршала Манштейна, и надо было их остановить.

Зимним утром северо-западнее Сталинграда советские войска перешли в наступление. Из-за густого тумана авиация не действовала, эффективность артиллерийского огня была невысокой. Противник оказывал упорное сопротивление, но наши войска прорвали оборону противника и расчленили вражеский фронт на четыре изолированных участка. За восемь дней наступления продвинулись на 100-200 километров, а танковый корпус генерала М. Е. Катюкова, где находился Иван Морозов, на 240 километров, овладев станцией Тацинская.

Ветеран-танкист рассказывает:

— На наших танках были десантники, когда отдали приказ о наступлении, мы пошли в сражение под девизом: «За нашу советскую Родину!» Сразу же нам навстречу прут тринадцать фашистских танков и бьют по нашим машинам. Но в лоб снаряды нас не брали и мы шли на таран. Мой сосед справа Гриша Золотухин кричит в телефон: «Иван, фашистский танк заходит сбоку!» Разворачиваю машину и наваливаюсь на фашиста, сталкиваю его в промоину и давлу его сверху. Немецкий танк заглох и мой тоже, сидим в промоине и ни с места. Выручил Гриша, стащил с меня фашиста, а автоматчики выкурили танкистов из машины, и те подняли кверху руки.

Вырвавшись на оперативный простор, мы давили немецкие орудия и минометы вместе с прислужкой. Фашистские самолеты донимали нас бомбежками и командование поставило перед нами задачу добраться до аэродрома и уничтожить. Наш танковый корпус пошел на станицу Тацинская, а другой на Морозовск, где расположены аэродромы. 24 декабря 1942 подошли к станице, и командир, в бинокль разглядывал укрепления врага, сказал: «Крепкий орешек, с ходу не возьмешь. Надо атаковать ночью».

И вот, как по заказу, на местность опустился сплошной туман. Мы обошли аэродром с двух сторон и при свете танковых фар бросились на стоявшие самолеты и давили их, отсекая хвосты. Перепугавшаяся внезапным ударом, охрана разбежалась, летчики кто как, кто в чем убегали в станицу Краснодонская. Танкисты их догоняли и забирали в плен. Фашистское командование бросило на Тацинскую подкрепление, чтобы не быть отрезанными от основных сил, мы ушли из станицы. Командующий М. Е. Катуков поздравил нас с выполнением задания и крепко пожал лично мне руку: «Молодец сержант, хорошо воюешь!»

К концу декабря войска Юго-Западного фронта вышли на рубеж Новая Калитва — Волошино — Чернышковский, где прочно закрепились. Было много взято в плен вражеских солдат и офицеров, много техники. Противник был вынужден отказаться от дальнейших попыток деблокировать окруженную под Сталинградом группировку. Наиболее отличившимся соединениям присвоили звания «Донские», «Кантемировские», «Тацинские».

— Не давая передышки, мы гнали фашистов и вышли на реку Северский Донец, — вспоминает Иван Трофимович. — Форсировали его и с ходу пошли на Ворошиловград. Для быстрого продвижения выскочили на полотно железной дороги и я первым двинулся вперед. Только поравнялся с будкой стрелочника, как из нее ударил фауст-патрон и угодил прямо в бок. Внутри танка прогрехотал взрыв, трое ребят погибли. Меня оглушило и из ушей потекла кровь, преодолевая удушье и боль, я выбрался из танка через нижний люк. Шедший сзади танк Гриши Золотухина врубил снарядом по будке и ее разнесло в щепки вместе с фаустником. Меня подобрали и отправили в медсанбат. Там я пробыл два с половиной месяца — и снова в часть.

Потерпев поражение под Сталинградом, немецкое командование решило взять реванш под Курском. Для осуществления операции были привлечены опытные генералы и отборные войска. Советское командование, узнав о намерении врага, приняло решение о преднамеренном оборонительном сражении, поставило задачу обескровить ударные группировки противника и перейти в решительное наступление. И это нашему командованию удалось осуществить. Измотав в боях основные силы врага, наши войска перешли в наступление.

— Перед нами были танки генерала-фельдмаршала Манштейна, бои были упорные и жестокие, особенно под Прохоровкой. Самолеты противника непрерывно бомбили наши позиции и от разрывов бомб и снарядов, от горящих танков стоял рев, свист, скрежет, все перемешалось. Дым и пыль заслонили солнце. Двенадцать суток давил противник на нас, а мы отбивались, не вводя в сражение главные резервы. Потом, после оборонительных боев, мы перешли в контрнаступление.

К танкистам приехал командующий армией П. С. Рыбалко:

— Ну что, хлопцы, завтра с утра пойдем в наступление. Немец выдохся.

В оборонительных боях наша часть потеряла шесть танков, и пополнив строй подошедшими новыми машинами, мы потянулись в направлении Прохоровки. В пяти километрах левее села остановились. Нам было приказано в населенные пункты не заходить. Заправили танки горючим и в лотки уложили по 60 снарядов. Когда немецкие «тигры» и «пантеры», сметая на своем пути наши батареи, прорвались под Прохоровной, мы вступили в сражение. Слышу в шлемофоне команду: «Вперед!»

Врубив скорость, я бросил машину навстречу фашистским танкам. Зашли с фланга и ударили. Два танка подожгли, автоматчики добивали убегающих танкистов. По нашим машинам тоже бьют, вижу как загорелся танк моего земляка Ивана Мартыновича Михайлова, из Идринского он, спешу к нему на помощь. Сбиваем с одежды огонь и забираем с собой. Бьем танки и пехоту, а они лезут и лезут. В пылу сражения мы не смотрели на время: день или ночь, солнца не видать. Танковая атака пошла на убыль, все больше и больше вражеских машин остается догорать на бранном поле. Наконец, последние «тигры» не выдерживают нашего огня и поворачивают обратно. Все, атака отбита, мой танк на пределе, вот-вот заглохнет, докладываю командиру танка об этом.

С боями подошли вплотную к Харьковскому оборонительному обводу и 13 августа прорвали внешнюю оборону, а утром 23 августа ворвались в город Харьков. После этого наш танковый корпус отвели в Шебекино. Помнится, вылезли мы из танков пообедать, а «юнкеры» тут как тут, начали нас бомбить. Я спрятался за большой пень, а с другой стороны Миша Головань. И, надо же такому случиться, взрывом авиабомбы моему земляку оторвало голову, а меня засыпало землей. Жалко парня, хороший наводчик был. Прислали другого, тоже земляка, из Черногорска, учителя Михаила Карбаня. Вместе мы дошли до Чехословакии, брали немецкий город Бреслау. Это было в мае 1945-го. В наступлении на город мой танк подорвался на mine и левая гусеница была разорвана, машина закрутилась на месте. Попросив ребят десантников помочь мне соединить трак, я ловкими ударами кувалды забил последний палец в гусеницу, как совсем неожиданно в правый бок танка угодил снаряд. В это время из верхнего люка стал вылезать командир танка и взрывной волной его выбросило из башни. Экипаж и трое автоматчиков погибли.

Тяжело ветерану вспоминать погибших, как будто он виноват, что остался живой.

— По проселочным дорогам мы обходили столицу Чехословакии Прагу. Шли на ликвидацию фашистской группировки армий «Центр». Одиннадцатого мая покончили с ней, а на другой день нас погрузили на платформы и увезли в Житомир. Там нас высадили и отвезли в город Ровны. Близ станции Сарны стоял 36 артиллерийско-гаубичный полк, куда нас и определили. Командир полка майор Казачко посмотрел на меня и спросил:

— Дед, за войну ты, наверное, шибко устал?

— Устал, — говорю.

— У меня на хозяйстве 360 лошадей. Я назначаю тебя старшим над ними.

Целых два месяца возили на лошадях продукты, разные грузы, а потом забрали лошадей и часть расформировали. И попал я в город Любомиль в 336-й отдельный противотанковый дивизион 100-мм пушек, заместителем командира по технической части. Один год и два месяца прослужил я здесь. Всякое приходилось, гоняли бандеровцев, помогали жителям укреплять советскую власть. В селе Коростень бандеровцы убили лейтенанта и учительницу из засады в сарае.

Наш дивизион проводил корпусные учения, я на «студебеккере» перевозил людей и неожиданно напоролся в поле на мину. Их тут много было наткано, саперы не всегда успевали обезвреживать. Прогремел взрыв и из шестнадцати солдат в живых остались только лейтенант, повар и я. В госпитале после лечения главврач спросил меня:

— Ну что, солдат, домой поедешь или служить останешься?

— Хватит, — говорю — Досыта навоевался, пора бы и домой.

И вот 5 января 1947 года я приехал домой. Вся моя родня едва дождалась меня, а братья смеялись:

— Мы тебя генералом ждали, а ты вернулся сержантом!

Первое время на комбайне работал в совхозе, потом шофером на Кызыльском тракте. Шесть лет возил на автобусе пассажиров, затем на «ЗИЛах» грузы. Изучил трассу досконально, зажмурившись, нарисую все подъемы и спуски. Отсюда ушел я на пенсию. Тяжело стало, голова, грудь болят, да и позвоночник не дюжит.

— Вот вернулся из госпиталя, — поясняет ветеран, — а здоровья не прибавилось, годы свое берут и награды не помогают. Много их у меня, одиннадцать штук, да что толку, кому они теперь нужны, внукам отдал играть.

Я смотрю на ветерана, на его седины, на его тяжелую походку, на широкие, опаленные огнем руки, некогда сжимавшие фрикционы могучего танка, и вспоминаю слова из песни, посвященной ветеранам Отечественной ко Дню Победы:

А годы, а годы летят,
сутуля солдатские плечи,
все меньше и меньше ребят,
приходит на Майские встречи.

М. Гуров

УТРАЧЕННЫЕ ГОДЫ

С Василием Филимоновичем Конником я встретился в августе 1993 года. Сразу он не узнал меня, наверное потому, что оба постарели и давно не виделись, а может еще и потому, что зрение его ослабло и единственный глаз плохо видел. Разговорились, как старые друзья по работе, за шесть лет много пришлось повидать, пережить, и прошедшие тревоги тех лет еще свежи в памяти.

В 1954 году два сельских Совета — Курежский и Большетелецкий — объединили в один укрупненный, и Василий Филимонович, оставив пост председателя Совета, перешел на заведование свинофермой в колхозе. На свиноферме у него был полный порядок: чистота, работники в халатах, животные накормлены и обихожены, красный уголок оборудован наглядной агитацией, а дисциплина на ферме среди работников была идеальной. Опорос, откорм и сдачу свиней на мясокомбинат он проводил регулярно и от этого колхоз имел доход. В те времена было широко развито соревнование за коммунистический труд и за образцовую постановку работы и воспитание работников ферм. На общем колхозном собрании свиноферме присвоили высокое звание «Коллектив коммунистического труда».

В теплый летний день мы сидели; во дворе и Василий Филимонович делился своими богатыми воспоминаниями о жизни. Жена его, Акулина Ивановна, иногда исправляла мужа, если что не так говорил и постоянно беспокоилась, оберегая его:

— Ну, что вы сидите в холодке, идите на солнышко. Василий, ты же остынешь и хворать, будешь!

У человека, прошедшего горнило войны, годы великого перелома — коллективизацию и восстановление разрушенного войной народного хозяйства есть что вспомнить, есть о чем рассказать.

Как говорят в народе: Жизнь прожить — не поле перейти. Вот и крутила и вертела нас жизнь в те тревожные годы.

Сначала у нас была коммуна, больше смахивающая на промышленную основу, чем на сельскохозяйственную и называлась она Индустрия. В нее вошли коммунары из Большого Телека и Идры, возглавлял эту коммуны председатель Тимошкин. Но она и года не просуществовала, разделилась. В Большом Телеке организовался колхоз «Большевик» и первым его председателем был избран Василий Алексеевич Моховой. Помнится, при другом председателе колхоза Леониде Спиридоновиче Соболеве, мы посадили фруктовый сад и постоянным садоводом стал любитель-мичуринец, приехавший из России Алексей Егоров.

Жизнь шла своим чередом и Василия Филимоновича избрали председателем сельского Совета. Много забот, много тревог у молодого председателя. А тут еще началась непрощенная, навязанная Гитлером война. Много добрых мужчин-колхозников ушло на фронт и Василию

Филимоновичу стало невозможно отправлять своих сверстников под пули и снаряды, а самому дома отсиживаться.

- Пятого октября сорок первого по моему упорному настоянию призвали в армию, стыдно было мне здесь в тылу работать, когда мои товарищи воевали.

В Новосибирске учился на курсах младших командиров, затем в Барабинске на сапера. Зимой сорок второго нас перебросили под Москву и сразу наш батальон лыжников вступил в сражение с фашистами. От столицы немецкая армия была отброшена на сотни километров. Отступая, они жгли села и деревни, забирали буквально все у населения. В марте сорок третьего вышли на Чернигов Сумской области. Но фашисты подготовили свой плацдарм и сильно укрепились, и нас тогда сильно потрепали. Мы отступили почти на сотню километров, таким образом образовалась Курская дуга. Помнится, мы выполняли приказ командира взять одну деревушку, а это было в апреле, и мы выкуривали немцев из нее всю ночь, только к утру взяли. Фашисты удерживали каждый дом и нам приходилось расходовать много боеприпасов. Получалось так, что мы в одной деревне, а фашисты в другой рядом, у нас нет патронов идти в наступление и у фашистов тоже. Наше командование сбросило на парашюте с самолета ящики с боеприпасами и наш ездовой, погрузив их на повозку, помчался на лошади к нам. Но не тут-то было, немцы засекли ездowego и из пулемета ранили лошадь и ездowego. Тот свалился с повозки, а обезумевшая коняга помчалась мимо нас в сторону фрицев с нашим грузом. Ничего не оставалось, как только пристрелить лошадь, спасти боеприпасы. Получив патроны, гранаты мы вышибли врага из деревни.

В боях наши роты и взводы сильно поредели и нас соединили с 424-м стрелковым полком, вышедшим ранее из-под Сталинграда. Я уже командовал взводом саперов и работали мы по ночам, ставили минные поля, а днем отдыхали. Помнится, к нам прислали командиром роты старшего лейтенанта Гордиенко. Новичок, только из школы командиров вышел, опыта и навыка нет никакого. Мы с боями шли на Запад и передавали минные поля для разминирования другой части. Я пошел по полю показать колышки минного поля, а наш лейтенант решил по карте сличить местность и неосторожно забрел на заминированный участок. Один миг и взрыв противотанковой мины разбросал, находившихся с лейтенантом людей.

Дошли мы до Днепра, комбат назначил меня начальником переправы через реку, и наша рота саперов наводила скрытый, под водой мост. Днем немцы нас бомбили, а ночью осыпали градом пуль, но переправа была подготовлена, и мы переправились на другой берег Днепра. Тут нас фашисты поджидали и встретили убийственным огнем из орудий и минометов, не умолкали автоматы и пулеметы. Вода и земля кипели, но командир повел нас на врага. Захватили первый ряд траншей, фашисты перебежали во второй и стали забрасывать нас гранатами. Потери наших солдат большие, но мы все же выбили фрицев из траншей и заняли огневую позицию.

А когда изгнали фашистов дальше, наш взвод опять направили на разминирование прохода для наших танков. Командиры нас торопили и мы с ходу очищали дороги, поля от фашистских мин. Опасная работа подходила к концу, минеры утомились и, пренебрегая опасностью, убрали взрыватели у мин. И вот тут-то я проявил оплошность. Говорят, что минер один раз в жизни ошибается, так это верно сказано. Два взрывателя удалил из мины и потянул еще какую-то проволочку, а когда сообразил, что это третий взрыватель, то было уже поздно. Он сработал и от взрыва я потерял сознание. Долго ли я валялся, засыпанный землей, или нет, но только очнулся я через сутки в медсанбате.

— Смотрите-ка, да он глаза открыл! — радостно вскрикнула медсестра. — Жить будет.

Понял, где я нахожусь и пошевелил ногами. Одна нога не шевелится, значит, она ранена; подумал я. Решил поднять руки и увидел одни культи, кистей рук не было. Тут я порядком приуныл. Значит, я настоящий калека, кому я нужен без рук. А тут еще повязка на глазу. Вот тебе и мина, крепко сработала. Меня стала колотить дрожь и мне дали выпить спиртного, чтобы согреться.

Октябрьские ночи длинные, холодные, а тут еще и канонаду с передовой, слышно, всего двадцать километров наша палатка. Утром на полуторке увезли подальше от фронта, земля украинская, деревни сожженные. От тряски по фронтовой дороге мои культи воспалились и нет никакого терпения. Слезно прошу перебинтовать. Привезли в небольшой городишко в госпиталь, а на железнодорожной станции остановился санитарный поезд. Но меня на поезд не отправляют, хирург говорит, что не выдержу дорогой. Лежу я и слышу как раненых носят на носилках. В нашей палатке никого из медперсонала нет и я тихонько подался к выходу, забрался в машину и улегся у борта. А когда меня обнаружили и хотели вернуть в палату, то я наотрез отказался. Довезли до поезда и погрузили в вагон, тут я впал в забытие. Очнулся, когда поезд стучал колесами на стыках рельсов, надо мной склонился человек в погонах офицера. И руками показывал мне — не хочу ли я пить. Этот раненый и контуженный офицер всю дорогу ухаживал за мной. Через медсестру вел переписку со мной, оказалось, что он мой земляк из Таштыпского района Хакасии.

Санитарный поезд привез нас в Рязань. Меня несколько раз оперировали, но держать что-либо в руках я не мог, сложные операции здесь не делали, надо было ехать в Свердловск к профессору. На мой запрос ответили, что нет мест в этом госпитале. Однажды обход по госпиталю проводил политрук и я слезно попросил его помочь мне. Через некоторое время меня отправили в этот госпиталь и там сделали еще одну операцию. Теперь я мог уже в правой руке держать ложку, вилку, карандаш.

Двадцатого мая сорок четвертого я поехал домой. Какая радость! Хоть и калека, но все же живой явился к семье. Только пять дней я пробыл дома и меня вызвали в райком партии. Секретарь Савушкин и председатель

райисполкома Качин предложили мне вновь возглавить сельский Совет в Большом Телеке. Вот и работал я до укрупнения Советов.

В партии я давно, более 50 лет находился. Медаль дали за это. Но вдруг все переменялось. Союз республик свободных распался, партию распустили и мы, рядовые коммунисты, оказались никому не нужными. На нас даже поклеп пошел, что мы завели страну в тупик. И был ужасный застой. Но это не так, для нас застоя не было, наоборот, мы работали и день, и ночь не зная покоя. Создавали блага для народа и ни в чем не требуя для себя каких-то благ. Было только одно преимущество — быть всегда на переднем рубеже строительства, там, где на тебя обрушивался поток созидательных работ, всяких невзгод и бед. Никто из нас не хныкал, а каждый делал свое дело. Укрепляли колхозы, строили дома, электростанции, школы, дома культуры, детские сады и магазины. Работали на полях, выращивали хлеб, производили мясо, Молоко. Какие же мы красно-коричневые? Это просто разнузданная пропаганда против коммунистов. Может там наверху у власти партocrats делали не то, что надо, не умели руководить страной и народом, но Союз-то был крепкой державой и с ним считались господа капиталисты. По-моему, наша партия превратилась из партии рабочего класса, которую создал Ленин, в партию чиновников и партocrats. Поэтому ее не стали поддерживать, появилось неверие в мудрые дела партии, в ее монолитность и правое дело.

Я решил выйти из такой партии и отдал свой партбилет в райком. Удостоверение о пребывании 50 лет в КПСС и значок КПСС оставил и тоже отдал внукам. Конечно, что ни говорите, а жалко и обидно, что так вот получилось. Хочется верить, что возродится настоящая партия рабочего класса и трудового крестьянства.

Василий Филимонович замолчал и видно было, как боролись в нем чувство справедливости, веры и разума над злом, насилием и бюрократизмом, чванством и карьеризмом. Трудно честному и здравому смыслу ужиться с теневой стороной жизни всемогущих руководителей мира сего.

— Я ежедневно слушаю радио, оно у меня в комнате над головой висит и не понимаю к чему мы идем, снова к капитализму? Так от него мы уходили в семнадцатом, неужели опять придем? Опять будут богатые и бедные, хозяева и батраки, которых будут жестоко эксплуатировать. Зачем тогда делали революцию? Зачем надо было сейчас разваливать страну? Трудно понимать простому мужику как надо жить при нынешнем времени.

Ты думаешь, что я в другую веру перешел? — обратился ко мне Василий Филимонович. — Как я был коммунистом, так и остаюсь им, но только не таким, как эти перевертыши. Не хочу я с ними вместе. Ты не смотри, что постарел и занемог, думаю я еще крепок и если понадобится, то я скажу свое доброе слово. Спасибо, что не забыл, старого вояку.

М. Гуров

ФРОНТОВАЯ ТЕЛЕФОНИСТКА

Клавдию Панфиловну Лапкаеву призвали в армию в мае 1942 года. Это был суровый год войны, и на фронт уходили не только ребята, но и девчата. Родилась Клавдия в 1923 году в Идринском, в семье колхозника из «трудовой артели». Отец в сорок первом ушел на фронт и пропал без вести. В семье остались мать с тремя дочерьми. Клавдия, окончив восемь классов, пошла работать счетоводом в колхозную контору. Идринский РВК, набрав десяток девчат на службу в армию, направил их в Красноярск. Клавдия Панфиловна рассказывает: «Я хорошо помню, как Анна Мягих, Вера Литовченко (Некрасова) и я прибыли в город и нас направили в военное училище связи, эвакуированное из

Киева».

Шесть месяцев упорной учебы, и группу телефонисток направляют на северо-западный фронт, в 105-й батальон связи.

- На одном месте не сидели, - продолжает Лапкаева, - не положено, а лазили по болотам, мокли, тонули, вытаскивали друг друга однажды попали под бомбежку, недалеко от станции Бологое. Стояли мы в лесу, выкопали блиндажи и там отогревались, спасаясь от немецких самолетов. Затем наш батальон связи перебросили на II Украинский фронт под командованием генерал - лейтенанта И.С. Конева. Бои были тяжелые. Мы же обеспечивали на телефонной станции передачу приказов, разговоры командующих. Связь рвалась, и мы отправляли бойцов-телефонистов искать порывы. День и ночь не знали устали, обеспечивали бесперебойную связь. Войска продвигались вперед, и мы за ними едва успевали перебазироваться на отведенные нам скрытые от посторонних глаз места, но только не в городах и селах, а где-нибудь рядом. Однажды разместились в каком-то саду, замаскировали машины на ночь, а утром встали и не можем выбраться - завалило снегом.

Однажды шел бой. От артиллерийских обстрелов и бомбовых ударов с воздуха день превратился в ночь. Не заметив, как наша часть отошла на другие позиции, мы оказались в немецком окружении. Четыре егеря, я - телефонистка, начальник нашей передвижки, капитан Маринин. Из немецкого самолета нас обстреляли из пулемета, и стоящий рядом капитан рухнул на землю, а я оказалась жива и невредима. И только к вечеру нас вывели разведчики к своим.

В одном месте мы расположились в лесу и вели недалеко от немецких траншей разведку. Для этого нашли самую высокую, метров за тридцать, сосну, ребята набили на ствол палки, получилась лестница. Наверху устроили маленькую площадку. И вот меня вооружили биноклем, автоматом, противогазом и отправили на эту сосну. Я наблюдала в бинокль за позициями немцев, видела, как они бегали с котелками на кухню, видела замаскированные артиллерийские установки, блиндажи, переходы к

траншеям и окопам и сообщала по телефону на землю. В сильный ветер сосна раскачивалась, и я, боясь свалиться вниз, привязывала себя ремнем к сучьям. На своем наблюдательном пункте мы первыми замечали фашистские бомбардировщики на горизонте и сообщали в свое расположение.

Однажды мне поручили срочно доставить важную телеграмму командованию, и я отправилась по ночному лесу в штаб. Осторожно, подсвечивая фонариком, пробираюсь через кусты. Вдруг на опушке леса наткнулась на убитую лошадь, а поодаль разбитая повозка, наверное, немцы где-то недалеко. Я порядком перепугалась. Снова углубилась в лес и по пеленгу в наушниках, услышав позывные своей рации, благополучно нашла расположение штаба.

Приходилось принимать наши самолеты на небольших пятачках. Для этого у нас имелись специальные полотна с клапанами - передатчиками звука. Летчики знали это и благополучно приземлялись днем и ночью на «кукурузниках», с ними мы отправляли почту и важные сведения в штаб фронта. Бывало и так, что целыми месяцами мы не бывали в домах, не мылись в бане, и нас одолевали вши. Мыла нет, голова распухла от корост, спасала сода для стирки белья.

Клавдия Панфиловна с горечью вспоминает:

- За 79 лет жизни отдельные штрихи пребывания на фронте начинают теряться в моей памяти, но глубокие события тех лет еще прочно удерживаются. В 45-ом нашу роту подвижных средств связи перебросили на II Белорусский фронт, и мы находились при штабе армии. У нас был большой набор машин, мотоциклов, даже самолеты нас обслуживали. Мы знали все дислокации частей фронта, принимали донесения, отправляли нарочных с пакетами приказов, короче, знали обстановку на поле боя не хуже самих генералов. Но все это было регламентировано в строго секретной форме. В любое время суток, в любой обстановке мы должны были точно исполнять свои обязанности, и даже больше - самим выходить из трудного положения.

И вот в такой обстановке мы прошли по Австрии, Венгрии, Румынии, Молдавии и Бессарабии, побывали в Чехословакии и войну закончили в чешской Братиславе. Хотя война и женского рода, но это не отвечает женскому требованию, уж очень она сурово выглядит. Нам, женщинам, на фронте она не улыбалась. Мы были наравне с мужчинами, и наше вещевое имущество было таким же: шинель, телогрейка, гимнастерка, шаровары, ботинки с обмотками, ремень, ранец, противогаз, винтовка, пилотка, шапка и котелок. Трудно представить, что мы, милые создания - женщины, тянули воинскую лямку фронтовой жизни наравне с мужчинами: «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», медаль Жукова, орден Отечественной войны.

А как мы радовались, когда закончилась война. Мы преобразились и внешне, и душевно, привели себя в надлежащий вид, и вновь приобрели женскую красоту и обаятельность. Отгремели бои, нет больше тревожных и ночных ракет, пробирающего до озноба гула немецких бомбардировщиков,

разрывов мин и снарядов, убитых солдат и горящих танков. Над нами чистое, лазурное небо, и цветущая сирень в садах. Незабываемые суровые дни войны и радость победы.

Нас еще задержали при штабе полка в небольшом имении богатого чеха до сентября 45-го. Шла документация, и ее надо было упорядочить.

И вот настал день нашей демобилизации. Четыре девушки: Маша Лопатина из г. Кирова, Нина Разыграева из г. Горький, Наташа Казанцева из Татарии и я отправились домой. Случайно в дороге встретила своего земляка Пимена Александровича Осокина. Он тоже ехал с фронта домой.

С волнением и гордостью, радуясь, ехала я на свою малую родину. Здесь прошло мое детство, девичьи страдания и здесь родные для меня люди. Встреча была насыщена огромной радостью. Я обнимала свою старенькую маму, сестер и всю родню.

Сразу же вклинилась в большую, кипучую работу, а в 1947 году вышла замуж за фронтовика Лапкаева, родился сын, а в 1959 году мужу мер, но память о нем сохранила до сих пор, не пожелала для сына отчима. Вот уже 57 лет, как окончилась война, и в майские дни мы отмечаем День Победы. Это наш праздник и хочется, чтобы нам жилось лучше.

М. Гуров.

ФРОНТОВЫМИ ДОРОГАМИ

Годы старят человека, а память не стареет. Фронтовая молодость, солдатская дружба, смертельные бои с фашистами - все это прочно осело в сознании, в мыслях, в сердце, ветерана Великой Отечественной войны Василия Прокопьевича Кузнецова. Из Новоберезовки, новобранцев 1926 года рождения, призывали в армию в ноябре 1943.

С Василием вместе на Западный фронт уходили парни из поселка «Красная поляна» И. Шушунов, с фермы «Майская» Н. Бекасов. Василий Прокопьевич вспоминает: «Мой отец, Кузнецов Прокопий Иванович, в сентябре 1942 года пал смертью храбрых в боях за Ленинград. Я был старшим в семье и мне выпала доля заменить погибшего отца, защищать Отечество от немецко-фашистских захватчиков.

В июне 1944 года определили в маршевую роту и отправили на фронт под город Кировоград, служил в Краснознаменной бригаде телефонистом кабельных линий. В составе Четвертого Украинского фронта участвовал в боях за освобождение Польши. Затем наша танковая бригада была передана в танковую армию генерала Лелюшенко Первого Украинского фронта.

В звании сержанта я командовал отделением подвижных средств связи. Приходилось под огнем противника искать повреждения линии и соединять провода, давать возможность командованию руководить ходом боя. После освобождения Польши наши войска вошли на территорию Германии, вели наступательные бои на Берлин. Незабываемые дни остались в памяти, когда в апреле 1945-го наша 12-я гвардейская бригада шла на прорыв обороны немцев на реке Нейсе. Надо было с ходу взять хорошо обороняемую высоту, но несколько попыток не имели успеха. Местность открытая, хорошо простреливалась из пулеметов, и пробиться мы не смогли. Надо было подавить хорошо замаскированные огневые точки противника. Комбат приказывает: «Направить разведку и засечь огневые точки». Группа из четырех человек под командованием гвардии старшины Кубриченко идет на выполнение смертельного задания.

Прячась в воронках от снарядов и мин, где перебежками, где попластунски, пробираемся по нейтральной полосе поближе к немецким траншеям. Нас заметили и ударили пулеметы, затем стали обстреливать из минометов. Старшина засекает огневые точки, а мы стараемся отвлечь огонь на себя. Эта смертельная игра дорого нам обошлась: старшина не смог уберечься, в момент перебежки немецкая пуля поразила его. Видим, лежит старшина и не поднимается, а без него возвращаться никак нельзя. Надо обязательно забрать его, не оставлять же фрицам с важными данными так необходимыми нашему командованию.

Мы бросились к старшине, но пулеметная очередь срезала моего товарища, и он упал замертво. Я же успел запрыгнуть в воронку, затих и лежу. Затем выглянул из воронки и о, ужас!.. Ко мне ползут фрицы, чтобы взять живым. Сейчас вспоминать тот случай проще, а тогда было страшно. Мои руки вцепились в автомат, стреляю до последнего патрона в ненавистные рожи фашистов.

Выскакиваю из воронки и вижу, на помощь ползут четыре автоматчика. Фрицы стали удирать, в мы, взвалив на плащ-палатку старшину, поспешили к своим. Через некоторое время наши танки вышли на подавление огневых точек противника. За данную операцию нас наградили медалью «За отвагу», двоих посмертно.

Незабываемые дни остались в памяти, когда вели бой за опорный пункт фашистов город Виттенберг на реке Эльбе. Местность низменная, топкая пришлось делать настил из бревен для прохождения танков и другой техники. Все работы проходили под непрерывным обстрелом немецкой артиллерии. Рвались снаряды, разбрасывая бревна и: калеча ребят, но работу не прекращали до тех пор, пока последний танк не переправился.

До 1 мая 1945 года было завершено окружение Берлина. Наша бригада находилась в 40-50 километрах юго-восточнее города. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, и вдруг мы оказались в окружении немцев. Ситуация очень сложная, а получилось так: зажатые в тиски немцы решаются вырваться из Берлина и уйти в сторону американцев за Эльбу, а мы оказались на их пути.

Завязались ожесточенные бои, наши орудия били прямой наводкой по прорывающимся пехоте и танкам.

На отражение яростной атаки фашистов был поднят весь полк, задействованы все части, даже повара и связисты. В ход шли немецкие «фауст»-патроны. Командование бросило нам на помощь «катюши». После их залпов земля горела под ногами фашистов, и хотя немецких вояк было в три раза больше, чем нас, враг был разбит, прорыв не удался.

Наша сборная рота отбивалась от наседавших фрицев, защищая штаб полка. Много их полегло тогда, но и наши ребята погибали. Штаб мы отстояли. За данный бой многие удостоились наград, мне вручили орден Красной Звезды.

2 мая 1945 года Берлин был взят. Здесь я тоже получил медаль «За взятие Берлина». Но для меня война не закончилась. Наш корпус гвардии генерала Ермакова был переброшен в Чехословакию на подавление группировки немецких войск фельдмаршала Шернера.

Чувство гордости охватило, когда на танках вошли в город Прагу с боевыми знаменами. Жители города встречали нас радостно. И был незабываемый день 9 мая 1945 года. Мы услышали по радио голос Левитана об окончании войны с фашистской Германией. Это была Победа! А для меня война продолжалась, нашу часть перебросили на Западную Украину, 60 километров от Львова. Здесь ликвидировали банды бандеровцев.»

М.Гуров

ЭТИ ТРУДНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

(Оконч. Нач. в № 52)

Невооруженным глазом можно было видеть, как серая масса солдат, развернувшись во фронт, пошла в атаку, стреляя из автоматов.

Командир роты приказал не стрелять, подпустить фрицев поближе. Вот орущая масса немцев уже близко, наши солдаты молчат.

— Они пьяные, психическую затеяли!

Лейтенант подал команду: «Огонь!»

Очереди из автоматов, пулеметов секли по фашистам, такой внезапности они не ожидали и дрогнули, остановились. Сильный обстрел из защитки заставил их повернуть назад.

Ротный команды на контратаку не подавал, берег ребят, но ждал, что фашисты это так не оставят, они снова полезут в атаку.

Так оно и получилось. Пока наши солдаты приводили себя в порядок, враг перегруппировал свои силы и вновь пошел напролом на наши позиции.

Василию казалось, что их еще больше стало — такая густая цепь немецких солдат шла на них. Опять шквал огня обрушился на вражеских солдат, но они все шли и шли, смыкая ряды после убитых. Василий заложил другой диск с патронами в автомат, снег казался горячим и было жарко. Все

чаще стали впиваться в корковый снег немецкие пули, чаще стали вскрикивать раненые. У лейтенанта выпал из рук автомат, и Василий увидел, как повисла у него правая рука. Выпустив на ходу последний диск, Василий бросился к командиру, но не достиг. Три пули впились в ногу, и он упал почти рядом. Подползли санитары и, взвалив раненого на плащ-палатку, поволокли. Командир еще отдавал приказы. Невдалеке, в лесочке, раненых перевязывали и на подводах увозили в близлежащую дереvушку.

Василия с командиром поместили в крайнюю избу. Часа через полтора слышались близкие выстрелы. Хозяйка, выглянув в окно, ахнула:

— Батюшки, немцы идут! По огородам бежали немецкие солдаты. Лейтенант выскочил во двор и приказал санитарам вытащить Емашова из хаты и уложить на телегу. Санитары погнали лошадь на другой край деревни. Там, за деревней, они увидели подъезжающие зенитные установки. Быстро развернувшись, зенитчики дали залп по бегущим фашистам. Снаряды рвались в гуще вражеской цепи солдат, и там началась паника. Наконец, все стихло. Трупы фашистов валялись по огородам, на дороге, в поле.

В медсанбате у Василия разрезали сапог на ноге и обработали раны. Потом, вместе с лейтенантом, отправили долечиваться в город Днепродзержинск.

Снова третий Украинский фронт. Василий слегка прихрамывал, но от товарищей не отставал. Взвод расположился на берегу Днестра в плавнях и держал шестикилметровую оборону на правом берегу реки. С другого высокого берега немцы и румыны обстреливали наши позиции, а в сырых лиманах заедали комары. Василий с другом натянули палатку и в ней развели дымокур. Не прошло и десяти минут, как с того берега бухнул выстрел и невдалеке разорвался снаряд. Ребята выскочили из палатки в окоп вовремя, второй снаряд разнес ее в клочья.

Рыбная река Днестр, и Василий посетовал:

— Эх, рыбки бы жареной поесть!

— Сейчас наловим, — поддержал догадливый дружок и, схватив палку, пополз к реке. Длинной палкой ударил по воде, брызги засверкали на солнце, и проворный солдат быстро рванул к окопу.

Выстрел с того берега, и мощный фонтан воды выплеснулся из реки. Поблескивая на берегу и на прибрежной воде брюшками, валялась рыба, расторопный вояка осторожно собирал ее в вещмешок.

На фронт прибыли артистки, и Василий не утерпел, чтобы не побывать на концерте. Вместе со своим отделением отправился в ближнее село. Только вылезли на дамбу, как тут же их обстреляли, ребята попрятались за насыпь дамбы, но на концерт все же сходили. Возвращаясь поздно вечером, они распевали песню «Синий платочек», исполненную на концерте Клавдией Шульженко.

Командир роты сообщил бойцам, что наши войска захватили и расширяют Копанский плацдарм на западном берегу Днестра в районе населенного пункта Кицкань и завтра батальон будет форсировать реку.

К вечеру еще подошел батальон штрафников в 300 человек, а утром началась двухчасовая артподготовка. Первыми преодолели реку штрафники и приняли на себя бой с неприятелем. В колючей проволоке они проделали проходы, и автоматчики по низине просочились до возвышенности. До этого момента немцы молчали, а тут со всех сторон обрушили шквал огня. Земля под ними кипела от взрывов мин и снарядов, кинжальный огонь из пулеметов и автоматов косил насмерть. Атака захлебнулась, только несколько раненых перебрались через реку обратно.

Снова заработала наша артиллерия, сметая на этот раз все, что было на высотах. Началась переправа основных сил, а когда взобрались на возвышенности, то там никого не было, ни румын, ни немцев.

Василий со своим батальоном топал по Молдавской земле, освобождая ее от фашистских полчищ. В районе западнее города Аккермана была окружена и уничтожена значительная группировка гитлеровцев, а 24 августа 1944 года войска фронта при содействии II-го Украинского фронта освободили город Кишинев. Армии генерала Ф. И. Толбухина с боями продвигались вперед по сорок и более километров в сутки и овладели городами Галац, Измаил и Тулча. Румынский народ радостно встречал советских воинов. 31 августа была освобождена столица Румынии — Бухарест.

Василий Емашов с батальоном не дошел до города. По приказу ставки войска I-го Украинского фронта пересекли границу Болгарии — Софию. Румыния и Болгария объявили войну фашистской Германии.

Войска получили возможность нанести удар по фашистской Венгрии с Юга. Батальон расположился на левом берегу Дуная. Мост через реку был взорван, но его за короткий срок саперы восстановили, и по нему пошла пехота и техника. Но немецкие самолеты не давали переправляться войскам, если днем зенитчики отгоняли их от моста, то они сделали налет ночью и разбомбили его. Пехота, шедшая по мосту, погибла. Подвезли понтоны, и батальон переправился на другой берег и маршем ушел к озеру Баланот. Вокруг Будапешта сжималось кольцо окружения, враг нес огромные потери, но не сдавался. Гитлеровское командование неоднократно пыталось выручить из «котла» эти 180 тысяч солдат и офицеров, бросая танковые соединения на разрыв плотного кольца наших войск. В расположение окруженных были посланы парламентарии, но гитлеровцы расстреляли их.

Шли ожесточенные бои на улицах столицы. Город, с его тысячами кварталов, многочисленными промышленными предприятиями, крупными зданиями, лабиринтами подземных ходов представляли мощную крепость. Противник по нескольку раз переходил в атаки на разных участках. Пятого января более трехсот танков шли в атаку, но советские солдаты, оказывая сопротивление, громили и уничтожали их, не давая сомкнуться с окруженными частями врага.

На позиции батальона из леса вышли более двадцати танков и остановились. Минеры батальона быстро заминировали дороги, Василий с

автоматчиками залегли в траншеи с гранатами, но танки стояли и не двигались. Когда послали разведку, то оказалось, что в танках нет горючего.

Взвод автоматчиков на окраине города вел уличный бой с засевшими в здании фашистами. И вдруг, в тылу взвода раздались выстрелы. Бойцы недоумевали, откуда могли взяться немцы? Заскочив в окна какого-то здания стали отстреливаться.

— Вот гады, из под земли что ли вылезли? — подумал Василий. — Зажмут нас здесь собаки.

Выручил ребят второй взвод, развернувшись на правом фланге, он сосредоточил огонь на вылезших из-под земли солдат. Не выдержав натиска, те скрылись.

После ожесточенных уличных боев 13 февраля Будапешт был взят. Сразу же батальон и весь полк форсированным маршем направили в Австрию. Василий, уставший, шагал с автоматчиками мимо Балатона, мимо небольшого озера Веление штурмовать еще одно укрепление гитлеровцев — город Вену.

Вот она, столица Австрии, красивая, привлекательная, но недоступная. Еще в сорок четвертом в районе Вены возводились мощные оборонительные укрепления. Природные условия благоприятствовали противнику, с запада — гряда гор, а с севера и востока широкий и многоводный Дунай прикрывают город. На южных подступах противотанковые рвы, большое количество дотов и дзотов.

В ходе ожесточенных боев войска III-го Украинского фронта прорвали внешний оборонительный обвод и 7 апреля завязали уличные бои в южной части города. Одновременно подвижные соединения и пехота, совершив стремительный маневр в горах, вышли к Дунаю северо-западнее и начали штурм. К 10 апреля большая часть Вены была очищена от противника. Яростное сопротивление враг оказал в районе города между каналом и Дунаем. Гитлеровцы цеплялись за каждый дом, за каждый выступ здания.

Один из бойцов батальона обнаружил подземный ход, ведущий к реке, по нему подразделение проникло в тыл врага и внезапно атаковало его. Всю ночь шел напряженный бой, выручали солдаты с ранцевыми огнеметами.

Взводный остановил автоматчиков, и мимо них прошли огнеметчики. Они выкуривали засевших в домах гитлеровцев, и после устанавливалась тишина, ни одного выстрела не слышать.

— Неплохо поработали,— похвалил огнеметчиков Василий, снимая каску и вытирая пот со лба.

— Эх, жалко взводного не уберегли, в грудь навывлет угодило, — горько проговорил сержант.

Бойцы, собравшись на широкой лестнице какого-то здания, устроили перекур.

Василий не курил и сидел молча, говорить не хотелось, уставшее тело ныло, особенно раненая нога, и в груди под ребрами, как ему казалось, ворочались осколки.

— Война, есть война, — заговорил старый солдат, затягиваясь крепкой махоркой, — это тебе не пироги испек да на койку лег.

Утром на балконах появились белые флаги. 13 апреля столица Австрии — Вена — была взята. В городе батальон пробыл более месяца, и Василий с товарищами осматривал столицу. Они побывали в самых красивых местах города, даже сходили в зоопарк. На него американцы сбросили две авиабомбы с самолетов, ранило слона и убило двух шакалов. Ребята смеялись:

— Американцы на шакалов сбросили бомбы, ну а мы — на Гитлера и его свору в Берлине!

Удар наших войск на Венском направлении был настолько сильным, что гитлеровцы бежали в труднодоступные места Альп, бросая оружие, боеприпасы и награбленное имущество.

Австрийские Альпы. До границы с Италией оставалось девяносто километров. Крутые склоны гор, заросшие голубыми елями и другой растительностью таили в себе что-то таинственное. Немецкие егеря могли в любое время обстрелять маршевые роты. Разведотряды зорко следили за ними. В одном месте прошли под железнодорожным мостом высотой в 90 метров над ущельем. Мост как-то уцелел, не взорвали, но поезда пока не ходили.

У Гитлера был план — объединить воедино Италию и балканские страны и направить их против Советского Союза. Поэтому наше Верховное командование решило преградить нападение, если таковое будет. Была устроена глубоко эшелонированная оборона в двенадцать рядов, в первом ряду оказался батальон, где находился Василий Емашов.

Никакого наступления и боев здесь не было, но солдат держали в постоянном напряжении, поднимая их по тревоге днем и ночью. Так длилось до определенного времени, когда вдруг утром неожиданно в расположении поднялась беспорядочная стрельба. Василий и все ребята взвода всполошились и подхватили оружие. Что делать, никто не знал, да и команды не было, в нерешительности все ждали чего-то. А может, это немцы прорвались, почему нет рядом командиров? Но тут прибежал из штаба батальона связной и заорал во все горло:

— Победа! Ур-ра-а-а!

Тут уж ничего не скажешь, на душе сразу отлегло, и в неопишемом порыве Василий выпустил всю обойму из автомата вверх. Солдаты радовались, а здоровенный сержант отделения обхватил Василия, и закружился с ним по двору, крича и радуясь:

— Отвоевались, братцы! Да здравствует Победа!

В расположение батальона приехал генерал. Около высокого особняка австрийского помещика выстроились начищенные, выбритые и подтянутые солдаты, они по-военному выпячивали грудь и весело смотрели на балкон.

— Слышь, Емашов, — толкал локтем стоявший рядом молодой солдат, друг Василия. — Это правда, что генерал с нами говорить будет?

— Правда, не говорить, — выступать, а ты стой и слушай, а не то тебя в Италию отправят, — серьезно вразумлял Василий дружка.

— Зачем мне нужна Италия, когда я домой хочу, — не унимался парень.

Рядом стоявшие ребята смеялись.

— До мамы хочется. Погоди, еще по Карпатам егерей половим, да бандитов по Австрии погоняем.

— Ну и что, думаешь, это надолго.

— Надолго не надолго, а прихлопнуть тебя могут.

— Смирно! — раздалась команда.

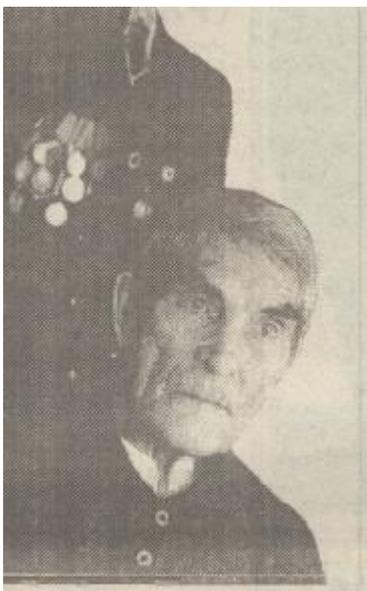
На балкон вышел солидный генерал, он поприветствовал солдат и коротко, с большим апломбом, заговорил о победе советского народа над фашистской Германией. А в конце выступления сказал, что ордена на его груди заработали все солдаты, и от чистого сердца поблагодарил их.

Из Австрии батальон выходил с небольшими боями и стычками с бандитами, засевшими в горах и лесах. Затем погрузились в вагоны и через Венгрию и Румынию до нашей границы, а тут, заменив узкоколейку на широкие колеса, прибыли в Союз.

Василия и нескольких ребят направили в Грузию. Еще три года службы в красивом зеленом Тбилиси. Но там он не остался, даже не полюбил ни одну красавицу-грузинку. Сибиряка тянули родные саянские просторы, там его родина, мать, родные и близкие. Демобилизовавшись, он вернулся в свои, близкие и знакомые с детства, края. Здесь нашел свое счастье и обзавелся семьей.

Теперь вот внуки радуют старого солдата, веселые и непоседливые. Что еще надо ветерану, чем он недоволен, отчего у седого виска забьется, запульсируют жилки и задумается Василий Степанович. О многом думает старый солдат. Ну почему разрушают военный потенциал России? Разве не понятно, что безоружного все долбят, мы это на себе испытали в начале войны.

М. Гуров

«Я ШЕЛ К ТЕБЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА...»

Василий Поликарпович Соколов родился в 1916 году в селе Большая Салба. Четвертый — младший сын в семье, он был призван на службу в 1940 году. А до этого были школа, рабфак и мирная профессия школьного учителя. После курса молодого бойца, необстрелянным солдатом Василий

продолжил службу на Западной Украине в районе пограничной реки Буг. Где ему было знать, что именно этот участок лежит на острие удара вермахта. И вот 22 июня его часть вместе с пограничниками вступила в кровопролитные бои с фашистами. Слабовооруженные, отрезанные от штабов, они тем не менее смогли выстоять три дня и отошли только по приказу. 19 августа 1941 года в боях под Коростенем — первое ранение, немецкий осколок пришелся в плечевой сустав. В прифронтовом санбате врачи извлекли крупный осколок, а мелкие беспокоят ветерана до сих пор. Долечивался Василий Поликарпович в Астраханском военном госпитале. И снова стрелковый полк, и снова бои. При обороне Донбасса в лихом бою отличился сибиряк, и медаль «За отвагу» стала его первой наградой. Командование заметило храбрость и находчивость солдата, было принято решение направить его на командирские курсы, и после их окончания младший лейтенант Соколов стал командовать пулеметным взводом. Во время очередного боя пулевое ранение в ногу вновь отправило взводного в медсанбат который не успел отступить вместе с войсками и с ранеными был захвачен немцам. Плен. Вот там-то испытал Василий Поликарпович все «прелести» хваленного немецкого порядка. Роль подневольной рабочей скотины никак не устраивала фронтовика, и при отправке в Румынию он бежал. На восток шел ночами, обходя села и посты полевой полиции, но временами голод заставлял обращаться к селянам. Так правдами и неправдами добрался до села Коришти Мироновского района Киевской области. По совету местных жителей устроился на сахарный завод в Мироновке, тем более идти дальше не мог — болела раненая нога. По воле случая судьба свела Василия Поликарповича со знакомым по госпиталю врачом и спасая от участвовавших облав, тот отправил солдата в инфекционное отделение областной больницы, где по его словам немцы бывают редко. Однако на этом везение кончилось — после одного из налетов партизан на немецкий гарнизон, полиция стала просеивать как сквозь сито все мужское население. Больницу пришлось оставить.

По слухам, к тому времени Советская Армия смогла переломить ход войны, враг отползал на запад, оставляя кровавый след, и бои шли уже за Днепр. Василия не оставляла надежда перебраться через фронт, но при очередной облаве был схвачен, и его вместе с жителями загнали в каменный сарай, а утром, после ночного боя, в село вошли советские части. И снова лагерь — теперь уже свой. Контрразведка не сочла Василия Поликарповича виновным перед Родиной, и после тщательной проверки всех фактов он был отправлен на фронт.

Советские войска загоняли войну туда, откуда она пришла, несли свободу народам Европы. В боях под Прагой Василий Поликарпович принял командование ротой.

После Победы фронтовик был переведен на Западную Украину — там бесчинствовали бандеровцы, а когда Советская власть прочно установилась

на освобожденной украинской территории, вернулся домой, это случилось 2 января 1946 года.

Дома ждали дела и школа. Там и проработал ветеран Великой Отечественной до пенсии.

Н. Дорофеева.

ПОЛВЕКА ОНИ ДЕЛЯТ РАДОСТЬ И ГОРЕ

У супружеской четы Елисеевых немалый стаж семейной жизни, у них юбилей - 50 лет рука об руку шли они по жизненным дорогам. Любовь и тепло семейного очага помогали осилить трудные времена. Простые люди, с простой, на первый взгляд, судьбой. Но это лишь на первый взгляд, поскольку нет неинтересных, ординарных судеб.

Глава семейства, Александр Алексеевич, родился в 1927 году в Екатериновке. Его родители, как и все на селе, занимались тяжелым крестьянским трудом, и любая сельская работа стала привычной для Александра с раннего возраста. Двенадцатилетним пареньком он уже самостоятельно на лошадях пахал пашню.

В 1944 году призвали Александра на действительную военную службу в армию. Службу начинал на Дальнем Востоке, их часть стояла на станции Лазо. По окончании войны с Японией часть, в которой служил Александр, перебросили на территорию Германии, в состав ограниченного контингента войск. Рядом с Александром Алексеевичем проходил службу земляк, брат Екатерины Андреевны, будущей супруги, который и дал ее адрес. Завязалась переписка, из которой молодые люди все больше узнавали друг друга. За безупречную службу поощрили Александра краткосрочным отпуском на Родину. По пути домой в Екатериновку, завернул молодой солдат в Большой Телек, где проживала Екатерина Андреевна, в девичестве Садовская, и воочию познакомился со своей женой. Приглянулись молодые люди друг другу и однозначно решили после демобилизации Александра сыграть свадьбу. В 1951 году, вернувшись из армии домой, отметив небольшой вечеринкой бракосочетание, Александр с молодой супругой переехали на местожительство в г. Минусинск, где поступил на работу в автохозяйство

шофером. На своем бензовозе доставлял горючее в г. Кызыл. Неустроенность с жильем, тоска по родным местам, тяга к крестьянскому труду сыграли свою роль. Так семья Елисеевых переехала в Екатериновку на родину Александра. Здесь он поступил на работу шофером в колхоз и с тех пор не расставался с баранкой до самого выхода на пенсию, изъездив четыре автомобиля.

Екатерина Андреевна, выросшая и воспитанная в большой крестьянской семье, привыкшая с детства к труду и познавшая голод, холод, ведь их оставалось пять ребятишек на руках у матери, когда отца забрали на фронт, где он и погиб, тоже пошла работать в колхоз.

Не чуралась Екатерина Андреевна никакой работы, работал и дояркой и телятницей, а последние двадцать лет перед выходом на заслуженный отдых, санитаркой в участковой больнице. Находясь на заслуженном отдыхе, супруги продолжали трудиться, пока не стало подводить здоровье.

Так и жили Александр Алексеевич и Екатерина Андреевна в мире любви и согласии. Вырастили и воспитали четверых детей. Дети уже взрослые, обзавелись семьями и сами стали отцами и матерями. Живут недалеко от родителей, одна дочь в Екатериновке, два сына и дочь - в Идре. Радость бабушке с дедушкой приносят десять внуков и два правнука. Дети, как могут, помогают родителям, а те в свою очередь им. Эта престарелая пара не может сидеть без дела, всегда найдет себе работу, то картошку прополоть, то по хозяйству что-то сделать.

За долгий добросовестный труд супруги награждены медалью «Ветеран труда», почетными грамотами, дипломами и благодарственными письмами. Екатерина Андреевна еще умелая вязальщица, и пока не подвело здоровье, постоянно участвовала в районных конкурсах «Умелые руки», где занимала призовые места, о чем говорят почетные грамоты. Их дом на селе всегда считался хлебосольным и гостеприимным. В адрес семьи Елисеевых не жалко слов самых теплых и добрых. Пусть их старость будет светлой и долгой, согретой теплом любящих детей.

А. Ковалев.

На снимке: супруги А.А и Е.А. Елисеевы.

Фото В. Багаева.

И СОЛДАТ, И ТРУЖЕНИК

Ныне не часто встретишь ветерана, у кого дата рождения приходится на 1923 год. Причина проста и понятна: в 1941 году им, тогда еще молодым парням, было или 18, или 19, и они первыми приняли на себя всю тяжесть удара немецких армий. Многие из них не вернулись с фронтов Великой Отечественной, некоторые умерли от ран в госпиталях и медсанбатах, а тем, кому выпало жить, досталось восстанавливать и поднимать на ноги обескровленные войной хозяйства, которые чудом держались на плечах женщин и ребятишек.

Вот и Иван Андреевич Старцев родился 15 августа 1923 года в селе Большие Кныши. Как и все его сверстники к труду приучался сызмальства, иначе и быть не могло, все крестьянскими семьи в то время, да и сейчас тоже жили и живут исключительно трудом своих рук. В семье росли и воспитывались четверо детей, а поскольку Иван был единственным сыном, то мужская работа ложилась на него. С 12 лет он уже работал в полную силу: косил, боронил на быках, выполнял другие работы - на селе без дела не останешься.

Наступило время, когда страна закрылась от врага фронтами от Черного моря до Балтийского - 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Она только набирала обороты, еще никто до конца не осознал всей трагедии случившегося, а уже 15 августа 1941 года на фронт ушел отец. Он так и не вернулся домой - погиб смертью храбрых, защищая Ленинград. Не успели в семье улечься страсти, как пришел черед Ивану одевать солдатскую шинель. В этом же году ушел воевать и он. Однако в отличие от отца ему выпала долгая фронтовая судьба и удача вернуться живым с военных дорог в родное село. За спиной остались бесконечные бои, переправы через Днепр и Днестр, оставленные и вновь взятые города. Навсегда сохранились в памяти солдата товарищи живые и павшие, с которыми довелось ему служить в 88-й штурмовой дивизии.

Война окончилась для Ивана в 1944 году после тяжелого ранения в ногу. Но демобилизовался он только в 1947 году, пришлось послужить еще и на границе с Турцией.

В мирное время и дела мирные. Иван Андреевич на «гражданке» приобрел весьма необходимую на селе специальность зоотехника и всю жизнь проработал в этой должности.

Верной спутницей и опорой в любом деле стала для него жена Клавдия Григорьевна, с которой и в беде, и в радости он не расстанется уже 45 лет. Супруги Старцевы вырастили и воспитали 2-х сыновей и 2-х дочерей. Теперь

они счастливые дед с бабкой: у них пять внуков и четыре внучки. Старики живут одни, хлопочут по хозяйству и одинокими себя не чувствуют - дети частые гости в отчем доме. Скоро Россия отметит День пожилых людей, и хочется пожелать чете Старцевых долгой, ухоженной старости и любящих внуков и правнуков.

В. Леонидов

ВСЕ ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ

Послужной список Николая Федоровича Летягина открывается в 1943 году службой в подразделениях «СМЕРШ» Дальневосточного военного округа. Напряженное противостояние советских и японских армейских группировок не вызывало, сомнений в неизбежности военного столкновения. Командованию была необходима оперативная разведывательная информация.

Вызывают интерес несколько боевых эпизодов, записанных со слов ветерана, старшего сержанта Н.Ф. Летягина: «Я с группой Товарищей неоднократно участвовал в переправе наших разведчиков на левый берег Амура, в расположение японских частей. Однажды, при сопровождении известного в округе контрразведчика, лейтенанта Веселова, мы были обнаружены японским патрульным катером. Чтобы дать Веселову уйти, ввязались в перестрелку и, потеряв одного бойца, едва выбрались к своим. Лейтенант Веселов вернулся через месяц грязным и оборванным, но с полным набором сведений о дислокации японцев. Война для меня началась с 9-го на 10-е августа форсированием протоки Белая и Амура на машинах-амфибиях. 34-ая стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Коломийца продвигалась вглубь Маньчжурии. В составе этой дивизии воевал и я. 12 августа у реки Сунгари дивизия натолкнулась на ожесточенное сопротивление противника. После тяжелого боя японцы отступили и взорвали железнодорожный мост. Пришлось переправляться на подручных плавсредствах. За время форсирования, солдат Квасолапов из моего отделения утопил винтовку.

Мне было приказано в течение 15 минут достать оружие и вооружить солдата. Выполнить приказ я не смог. Невыполнение приказа в военное время - грозило судом трибунала и, как следствие — расстрелом. Лейтенант Обрезков, командир вспыльчивый до безрассудства, выхватил пистолет... Спас меня пулеметчик Адыев, удмурт по национальности, он уперся стволом ручного пулемета в грудь лейтенанта и заявил: «Если убьешь, изрешечу!» В этот момент я не чувствовал пилотки на голове. Казалось, всего охватило льдом. Лейтенант сорвал с меня погоны, ремень, и контрразведчик в звании капитана увел меня в палатку, где я просидел до утра.

Утром меня поставили перед строем сослуживцев. Я видел, как расстреливали дезертиров и ждал этой же участи, но все разрешилось совсем иначе. Как оказалось, «СМЕРШу» требовалось пополнение, и меня с четырьмя солдатами откомандировали в распоряжение контрразведки.

А потом снова наступление и бои до Харбина. Принимал участие в аресте атамана Семенова и его сына. 3 сентября Япония капитулировала, началась демобилизация, но наш 11-й отдельный стрелковый батальон Управления контрразведки все еще продолжал бои с остатками японцев и хунхузами (банд. формированиями), которые скрывались по болотам и сопкам, тогда-то я и получил ранение и контузию с черепно-мозговой травмой. В декабре 1945-го Управление контрразведки перебазировалось в Южно-Сахалинск, и наш батальон 27 декабря прибыл к месту дислокации Управления.

За проявленное в боях мужество был награжден медалью «За боевые заслуги», позже за разоблачение предателя Родины, капитана медицинской службы, который в годы войны сотрудничал с гитлеровцами, был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Ранение и контузия сказались на состоянии здоровья не лучшим образом, и в 1945 году решением военно-медицинской комиссии округа я был комиссован.

Домой провожали сослуживцы, присутствовал и начальник контрразведки Анатолий Александрович Бобылев. Были добрые пожелания, были слезы на глазах. До сих пор вспоминаю украинца Михайлюка, марийца Мамаева, казанского татарина Коклихина, хакаса Чертыгашева, минусинцев Екимова, Фалалеева, усть-абаканца Склярова. Светлая память Саше Молчанову, погибшему при выполнении боевого задания уже в мирное время. Все останется в памяти до конца жизни».

М. Летягина

ОРДЕН ЗА ВОЙНУ

Петр Кузнецов родился в Екатериновке. Отрочество не баловало, его отобрала тяжелая крестьянская работа. В колхозе имени Ворошилова пахал, боронил и сеял на конной тяге. Потом — механизаторские курсы в Красноярске, на прицепном комбайне «Коммунар» убирал хлеб.

В 1938-ом ушел на армейскую службу, воевал на фронтах Великой Отечественной». Он узнал мир вместе с человеческим подвигом и страданиями, каждый час чувствуя близ своего плеча огненное дыхание смерти. Бывший фронтовик делится своими воспоминаниями о войне, задумывается над тем, почему многие ветераны на склоне лет оказались наедине со своими болями и печалью, почему редкая гостья в их домах радость.

55-й год Победы задает ему очень трудные вопросы: слушает тихую речь потерявших надежду и веру односельчан и стыдно глаза поднять на то, как мы обнищали. Когда и как мы из победителей, считай, стали побежденными? Разрушенная экономика, умирающая культура, преступность, кровавые междоусобицы среди некогда дружных народов, локальные войны...

—И это правда, как бы ни пытались ее затуманить, — подчеркивает Петр Корнилович.

В декабре 1941-го полк прибыл под Великие Луки. Шли тяжелые бои. Враг с потерями не считался, лез напролом. Я, пулеметчик второй номер, — рассказывает П. Кузнецов. Неожиданно впереди у сопки, примерно в ста пятидесяти метрах от нас показались вражеские автоматчики, заплескался огонь. Огненные пунктиры прошли всю низину. Зачавкали мины. Одна из них разорвалась совсем рядом, тяжело зашлепали осколки... Тот бой остался в памяти особицей, потому что был для меня первый. На миг потерял сознание, но быстро пришел в себя и почувствовал боль. Шесть месяцев в госпитале, месячные курсы механика - водителя танка Т-34... И прямо с железнодорожных платформ танковая рота вступила в сражение на Орловско-Курской дуге. Здесь нам предстояло остановить очередное гитлеровское наступление. Земля содрогнулась от стального грохота. Две лавины бронированных машин схлестнулись. Смешалось все: сталь, огонь. Солдаты оставались в окопах, пропуская над головой тяжелые немецкие танки, и затем стреляли по ним сзади. Это была такая гигантская бойня на небольшой территории, страшнее которой еще не было Район к северу от Белгорода, где гитлеровцы проникли примерно на 50 км в пределы Курского выступа, превратился в мрачную пустыню — даже все деревья и кусты здесь были сметены артиллерийским огнем. Поле боя усеяно сотнями сгоревших танков и разбитых самолетов, и за несколько километров отсюда в воздухе стоял смрад от тысяч полузарытых трупов.

— Мы шли навстречу врагу, — продолжает Кузнецов. Танки сближались. Десятки, сотни смертоносных столбов из железа, огня и земли встали. Снаряды дыбили землю. Фашистский «тигр» ошалело закрутился на месте, сполз на обочину и затих. Следом задымил второй, его обошел третий. Идем на таран! — кричу я командиру.

Но он не дал на это добро. На полном ходу следовали вперед. Тяжелый удар потряс машину — снаряд угодил в лобовую броню. Как только покинули танк, он загорелся. Все наши пять танков оказались подбитыми. Метров пятьсот я полз, и даже боли не ощутил, как задело осколком. Вдали виднелись руины домов и одинокие печные трубы. Прежде чем уйти, фашисты взорвали или сожгли церкви и здания, крестьянские избы и все остальное. По дороге на Орел, идущей по полям и прекрасным лесам, нигде не видно деревень. Многих жителей города оккупанты убили. Многих повесили на городской площади — на той самой, где ныне похоронен экипаж танка, первый ворвавшийся в Орел, а также генерал Гуртьев —

прославленный герой Сталинградской битвы, убитый утром при взятии города. Многие ушли к партизанам в орловские и брянские леса.

В начале июля, после тяжелых боев наши части - прорвались сквозь главные линии обороны немцев по Орловскому клину. Враг стоял до конца, сражался стойко, и лишь незначительная часть сдалась. У большого кирпичного здания тюрьмы из рва выкапывали трупы. Издали они казались мягкими зеленовато-коричневыми тряпичными куклами — их складывали возле рва. Некоторые черепа были с пулевыми отверстиями в затылке, из рва шел едкий, застоявшийся смрад. Казни совершались в 10 утра по вторникам и пятницам. Немцы использовали специальную машину, которая, продвигаясь, уничтожала и рельсы, и шпалы. Чтобы восстановить железные дороги, необходимо было фактически строить их заново.

Поле сражения сплошь покрыто металлом. Наползая друг на друга, танки становились на дыбы. В таком виде они и остались стоять. Годами потом убирали поля от металла, здесь долго ничего не росло.

Получил другой Т-34, и снова в бои, прорыв глубоко эшелонированной обороны гитлеровцев. Под Витебском противник ввел в сражение крупные силы, при поддержке танков переходил в контратаки. Взрыв бомбы. Меня оглушило, сам уже подняться не смог. После госпиталя отвоёвался. Гвардии сержантом, с орденом Отечественной войны II степени вернулся домой, куда вернуться суждено было далеко не всем.

Самое яркое впечатление — праздник Победы. Прежде мы особенно ждали этот день, устраивали застолье. За праздничное угощение усаживались, звеня медалями, фронтовики. Вдовы-солдатки начинали потихоньку всхлипывать, потому что в этот светлый май кто-то обычно скажет такие слова: «Давайте, друзья, помянем солдат, оставшихся лежать на пути к Берлину...» Схожи слова с тостом, который 9 мая 1945-го произнес в Карлсхорсте на приеме в честь Победы маршал Жуков: «Я поднимаю этот бокал за наших доблестных союзников и передаю им привет от русского солдата, который прошел пешком от Москвы до Берлина!» Опустим жуковскую иронию в адрес союзников, вдумаясь в смысл сказанного рядовым и маршалом. Полководец по праву гордился подвигом солдат, которые под его командованием пришли в логово фашистов. Рядовой же, чудом выживший в этом пекле, не о славе помышлял, а горевал о погибших. Чувствуете разницу?

Когда Петр Кузнецов думает о павших, что под березами лежат, ему представляется потрясшая в прошлом картина, изображающая Сталина! Рука с дымящейся, легко узнаваемой трубкой. Властная, не знающая жалости рука лежит на заснеженном поле, подвигая на запад полки. В лавине наступающих фигурки бойцов еле видны, неразличимы лица. Для вождя они — безымянная масса. Сколько их, верст, протопал наш солдат! И каждая верста, каждая занятая с бою высотка, отбитая деревня отмечены солдатскими могилами. Выпьют на помин души убитого его наркомовские сто граммов — вечная ему память! Кому фанерный обелиск сладят, а кого и землей

присыпать не успевали. На долгом пути к Берлину — не только блистательные операции, добавлявшие звезд на погоны военачальникам, но и горькие отступления, окружения, о которых угодливые историки писали как «о временных неудачах».

Солдат не ждал для себя почестей, был согласен на медаль — лишь бы войну закончить поскорее, — замечает Кузнецов. Число потерь стало у нас тогда военной тайной. Да и как признаться было публично миру, что за четыре года только в плену погибло 3 миллиона 300 тысяч человек. Даже через 55 лет после войны это все еще «праздник со слезами на глазах». А сколько всего погибло, замучено отцов, братьев, сестер, матерей, дочерей и сыновей?

Отмалчиваться в ответ безнравственно. 7 миллионов, как отмерил Сталин? Двадцать, выведенные Брежневым? Или 29 млн. 590 тысяч погибших советских людей в войну, в том числе более одиннадцати миллионов наших солдат — последняя цифра... А куда отнести пропавших без вести? Много осталось лежать в степях, лесах, буераках солдат, так и не преданных по-людски земле. А ведь еще Суворов, Петр Корнилович, говорил, что войну нельзя считать законченной, пока не похоронен последний павший солдат. Все забыли! Только на территории Московского военного округа лежат захороненными останки 250 тысяч человек. Такого позора, такой низости, как пренебрежение к своим павшим, не встретишь нигде. В ФРГ на могилах советских воинов живые цветы... И это в Германии! Поэтому больно и стыдно говорить о нашем беспамятстве. Зато в ходу лозунг: «Ничто не забыто, никто не забыт». Вот и думается: а болела ли душа у наших маршалов и генералов, которые с восхищением писали в своих мемуарах о подвигах своих солдат, но ничего не сделали, чтобы кости их нашли успокоение в земле?

А сколько заброшенных солдатских захоронений и забытых могил, да и просто лежащих под открытым небом останков... Это наша боль, лежат они на нашей совести. Как оправдаешься перед ними, чем замолишь грех?

В. Минин.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

По линии соцзащиты населения мне пришлось побывать у наших ветеранов войны и труда, посмотреть, как они живут, одновременно получить данные по льготным вопросам.

Подходя к дому № 25 по улице Карла Маркса, встретила симпатичного, несколько сдержанного в эмоциях, Ивана Федоровича Старкова, которого многие в районе знают, как

участника Великой Отечественной войны. Чувство любопытства, как бывшего историка по профессии, взяло верх, я была взволнована, так как уже давно не видела ни одного участника войны в домашних условиях. Не сразу открывает он мне свои воспоминания. Вначале, молча, на столе появились ценные исторические документы в виде военных, мирных наград, фотографии. Невольно потянулась к живому свидетелю с мыслью, вот бы эту встречу, да с молодежью в нашей средней школе, а, может быть, и в клубе накануне 56-й годовщины со дня Победы?

- С самого начала войны, - вспоминает Иван Федорович, - был взят Артемовским райвоенкоматом на защиту Отечества, а отец еще ранее был призван на фронт. Погиб под Москвой.

С первых военных битв Иван Федорович служил в пехоте автоматчиком, в разведке. Вспоминает военный эпизод, как ходила в разведку за 30 километров в тыл врага 21 разведчик, с целью доставить важный пакет с донесением. Задание выполнили и вывели из окружения полк.

Командующий, вспоминает Иван Федорович, сказал, что будем представлены к ордену Красного Знамени, но тогда мы сразу же попали в новое боевое крещение и потеряли немало наших боевых ребят.

Иван Федорович принимал участие в героическом штурме и освобождении Варшавы, за что награжден медалью «За освобождение Варшавы». Случилось это 17 января 1945 года. Передо мной военная фотография, где Старков у Красного знамени полка. Глядя на нее, как бы оживает картина тех лет. Вот бы детям показать, насколько мужественно лицо молодого бойца тех лет, готового встать насмерть ради защиты Родины, матерей, отцов, детей. Дорогами войны он шел и до Берлина, принимал участие в героическом штурме и его взятии, за что был удостоен медали «За взятие Берлина».

К концу войны Ивану Федоровичу пришлось воевать уже командиром зенитной батареи. А после ее окончания он два года служил в Германии. И здесь приходилось решать много проблем. Лучшие годы жизни были отданы на защиту Отечества и на восстановление мирной жизни.

В ноябре 1946 года вернулся в Идринское. Женился, имеет двоих дочерей. Одна дочь живет рядом с ним, ежедневно заботится об отце, чтобы был здоров, подольше пожил, вторая - живет и трудится в Челябинске. Есть и внуки.

Можно много говорить о каждой награде Ивана Федоровича, его пиджак весь в наградах. Такие люди должны быть самыми уважаемыми и почитаемыми. Нужны такие встречи с ними особенно молодым, да и нам всем. Эту работу должно вести общество «Знание», которое находится у руководства отдела культуры. Очень хочется пожелать Ивану Федоровичу здоровья, тепла близких, родных и нашего общего внимания и заботы.

Н. Николаева

РАЗВЕДЧИК ИВАН ПАВЛОВ

Фронтальная биография сибиряка Ивана Яковлевича Павлова началась в феврале 1943 года, когда он был призван на службу Новокузнецким горвоенкоматом. Вначале учебный автополк и, наконец, пятая гвардейская танковая армия в составе легендарной 65-й армии под командованием генерала армии П.И. Батова. «В пекло Курской дуги я не попал, — рассказывает ветеран, — но место танковой битвы под Прохоровкой проходил. Зрелище было ужасающим.

В сентябре-октябре 1944 года войска 2-го Белорусского вышли к границам Польши и Восточной Пруссии, а затем с Каревского плацдарма пошли на Варшаву. Помню, перед наступлением к нам подошел старшина Кныш: «Кто желает идти в разведку?» Я и еще трое ребят вызвались, и нас сразу стали готовить. Вначале изучали карту места вылазки, а затем внимательно осмотрели позицию противника, запомнили режим передвижения немцев. Экипировались соответственно: два ножа, автомат и гранаты. Перед наступлением командованию необходимо было знать систему обороны противника, чтобы не вести войска вслепую, короче, нужен был «язык». Идти решили вечером, чтобы к темноте выйти к переднему краю немцев. Нейтральную полосу пересекли по-пластунски, вползли на пригорок и на фоне темнеющего неба увидели немецкие тягачи. Часовых не было. Прислушались. Где-то невдалеке слышалась приглушенная немецкая речь. Пригляделись. Их было четверо, они сидели и дымили сигаретами. Один что-то рассказывал, остальные согласно кивали головами: «Я, я...» Решили брать «рассказчика» и разом свалились в траншею. От неожиданности фрицы не оказали никакого сопротивления, трое были убиты на месте и бесшумно. Мне же достался здоровый детина. Мужик, видимо, был битый и, не растерявшись, выхватил нож. Я воспользоваться ножом не мог — пленный нужен был живым. Перед моим лицом мелькало лезвие большого армейского ножа, и я никак не мог поймать фашиста за руку, пальцы то и дело обхватывали лезвие, ладони стали липкими от крови. Я не сдавался и наседали на немца, хотя уже осознал — мне с ним не справиться. Кажется, прошла вечность, а все длилось секунды, подоспели ребята и спеленали немца, кляп в рот, и потащили мы этого верзилу ползком по ничейной земле, Доползли до низинки, поднялись и пошли. Все обошлось без выстрелов. Тут фашист заупирался, как оказалось, это был офицер, идти не хочет ни в какую. Пришлось ударить пару раз стволом автомата под дых, пошел. «Языка» сдали старшине, ребята стали отдыхать, а меня отвели в госпиталь, пришивать болтающиеся пальцы.

После Варшавы вышли на Познань, а там и Эльба, где и нашла нас Победа. На Эльбе произошла знаменитая встреча с союзниками, были там и поляки. Многие американские солдаты сносно говорили по-русски. В честь Победы отсалютовали из орудий. Подтянулись наши полевые кухни, и был дан большой обед. Пили наш неразведенный спирт, братались, поднимали чарку за фронтовое братство.

Наша армия стояла неподалеку от города Фатенбург. Здесь совсем недавно на берегу красивого озера располагалась диверсионная школа, перед концом войны она была распушена.

Следующее место дислокации — город Букслау в Восточной Пруссии, отсюда я был направлен механиком по ремонту машин в 178-й танковый полк. Служба на территории Германии продолжалась до 1948 года, а потом был город Борисов в Белоруссии и в 1950 году меня демобилизовали.

Домой я прибыл 1 мая 1950 года, через семь лет после того, как ушел. Был праздник, а у моей матери и братьев вдвойне».

Иван Яковлевич после службы получил специальность мастера-наладчика в Рыбинском районе и переехал в Хабыкский совхоз на ферму Октябрь. Там и выбрал себе дорогу на всю жизнь — стал хлеборобом.

Вот судьба, схожая с судьбой целого поколения, принявшего на себя огонь Великой Отечественной. Смотрю я на изуродованные руки Ивана Яковлевича и думаю, что порой обходим вниманием ветеранов. Уже долго хлопчет фронтовик установить телефон на дому — безрезультатно. Несправедливо. Родина помнит и чтит их. Давайте и мы не забывать.

М. Прокопьев.

СНАРЯДЫ ПАДАЛИ НА БРЕСТ

У Александра отец погиб в ту войну германскую, а мать умерла, оставив сына одного. Дед, Егор Филиппович, забрал парнишку на воспитание. Сибирское село Сыда Краснотуранского района, расположенное близ Енисея, по сути дела крестьянское, и дед приучал детей и внуков к хлебопашеству. Внука Сашку усаживал на коня, привязывая к седлу, чтобы не свалился с коня под борону, и наставлял его уму-разуму; как заборонить эту полосу под посев.

Трое сыновей и дочь, руководимые дедом, хозяйничали и в поле, и по дому. А Сашкин дядя ушел в партизаны к Щетинкину и в неравном бою с колчаковцами геройски погиб. Сашка гордился им и хотел быть военным. Дед Егор понимал, как плохо быть неграмотным, и заставлял внука учиться.

Закончив четыре класса в своей деревне, Сашка уехал в Краснотуранск и там в ШКМе учился еще два года.

Затем связал свою судьбу с техникой; пока был мал, возил воду к тракторам, а как вырос и окреп, то выучился на тракториста и шесть лет управлял «Фордзоном» и нашим колесником СТЗ. Смышленного парня направили на курсы шоферов в Минусинск, после которых он, на знаменитых ЗИС-5 крутил баранку и ездил по городам и селам юга края.

Снаряды падали на Брест. В 1939 году РВК призвал его в армию. Служил в Гомельской области. Прослужив год, Александр Соколов направляется в приграничный город-крепость Брест. Это тревожное время ветеран не забыл и, вспоминая, рассказывает: «Ночью, 22 июня 1941 года, раздались выстрелы, полетели снаряды на нашу сторону. Мы в недоумении, а командиры успокаивают и призывают к спокойствию. Но когда снаряды стали рваться у нас на территории, техника перевертываться вверх колесами, а казармы гореть, то стало понятно, что это не учения, а война».

Командование от такой внезапности растерялось, наш старший лейтенант Скобелев подает команды, но в разрывах снарядов и пожаре ничего нельзя разобрать.

Мы выбрались из горящей крепости, нашли автомашину и выехали в направлении города Пинска. Не доезжая до него, примкнули к какой-то военной части и организовали оборону. Но противостоять натиску немцев мы не могли и стали отступать на Гомель. Из этого города нас, порядком потрепанных и раненых, поездом отправили в Калугу, откуда после отдыха в госпитале увезли на станцию Воротыньск. Там, в сосновом бору новенькие Т-34 стоят.

После бани нам выдали обмундирование. Вдруг слышу: «Соколов, быстро к старшему лейтенанту». Подвели меня к небольшой машине и сказали: «Будете возить полковника Алексеева». Добрый был полковник, мой земляк из Новосибирска. Под его командованием была танковая часть. Эти танки были брошены на прорыв обороны немецких войск.

Не все вернулись с поля боя, погиб и мой полковник Алексеев. Опять я стою в армейском строю и слышу: «Шоферы и трактористы, два шага вперед!». Двенадцать человек вышли, в их числе и я. К нам подошел капитан с большой кокардой на фуражке, и я подумал, что нас возьмут в авиацию. А он подвел нас к колонне машин ЗИС-5 и каждому указал, где его место: «Вот на этих машинах вы будете летать».

Наш автобатальон взял курс на станцию Воротыньск, там расположен аэродром, и мы сдали свой бомбовый груз летчикам. Вот так и продолжалась наша шоферская фронтовая жизнь. А когда отогнали фашистов от Москвы, то мы колесили по дорогам Белоруссии, Украины.

Наши войска гонят фрицев все дальше и дальше на запад и вот уже Польша. Мы участвуем в освобождении Варшавы. Через столицу катим на груженных боеприпасами машинах на город Сахачев, там наши танки, им очень нужны снаряды.

Затем разгорелись жаркие бои за Зееловские высоты. Здесь нас сильно бомбили немецкие самолеты. Машины наши рвались, мы не находили водителей, троих ребят из нашего автобата мы потеряли, но танки загрузили снарядами.

В Германии наши ЗИСы, груженные мукой, ехали через Берлин. В суматохе, по незнакомому городу, мы растерялись и отстали от своей части. В районе Лихенберга мы обратились в комендатуру и нам дали возможность связаться со своим командованием и найти автобат. День Победы я встретил 9 мая в Германии. Нас поздравляли, а мы слушали по радио выступление Левитана о нашей победе.

Александр Иванович, несмотря на свои годы, а ему уже 86 лет, чувствует себя по фронтовому активно и вспоминает события тех лет. Однажды мы получили приказ немедленно подвезти боеприпасы танкистам. Загрузились, поехали. На головной машине старший лейтенант Мухин. На предельной скорости гоним ЗИСы и вдруг, из облаков «мессершмиты». Куда нам деваться? Посыпались бомбы, и идущую следом за мной машину разнесло взрывом, погиб мой дружок, даже косточки не смогли собрать.

Снова приказ ехать нам в Старую Руссу, а на нашем пути болото. Что делать? Сержант достает пилу, топор, рубим лес, делаем лежневку и вперед! И тут, как на грех, впереди идущая машина глохнет, водитель завести двигатель не может. Лейтенант ругается, приказывает столкнуть ее в болото. ЗИС медленно уходит в топь, а мы снова рвемся вперед, там нас ждут.

Как-то случайно мы ворвались на немецкий брошенный при отступлении склад и обнаружили там интересные снаряды, при осмотре оказалось, что это были авиабомбы, сделанные из цемента. Наверное, стали не хватило на корпуса бомб. Мы загрузили их в машины и отвезли на аэродром, пусть эти бомбы летчики сбрасывают на головы фашистов.

Комбат дает приказ: «Забрать со склада последний груз». Поручили это мне. Пока загрузили моего ЗИСа, все машины ушли, и пошел дождь. Дождь, не дождь, а ехать надо. В одном месте застрял, пришлось работать лопатой до седьмого пота, но все напрасно. Выбился из сил и уселся на подножку. Слышу, гудит. Выскакиваю на середину дороги, вижу, танк несется, долго не раздумывая, падаю перед ним в грязь и руку поднимаю. «Ты что, одурел!» - кричит из люка танкист, а я ему показываю на застрявший ЗИС и кричу: «Браток, выдерни!». Бросили трос, и я прицепил машину, а когда прибыли в часть, то меня и машину не узнать, все грязью залеплено. А награды мне давали за проявленное мужество в своевременной доставке боеприпасов на передовую. Сразу медаль «За оборону Москвы», потом «За боевые заслуги», орден Красного Знамени. А когда освобождали Польшу, то «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина» и под конец войны орден Отечественной войны вручили.

Домой пришел осенью 1945 года из Германии. Сразу на тракторе работал в колхозе, потом шофером, а когда село подпало под затопление, переехал в Идринское. Работал на молоковозе, на автобусе. В 1962 году

вышел на пенсию. Умерла жена Лидия Ивановна и остались мы с сыном. Сейчас он на хлебозаводе работает механиком. А живу я вместе с внуком в его семье. Бежит завистливое время, уходят в прошлое года, а вот война не забывается, и те ребята, что были рядом, в памяти остались.

М. Прокопьев

СКУПЫЕ СТРОКИ ВЕТЕРАНА

Немногословны наши ветераны, те, кто в минуту смертельной опасности отстоял родное Отечество. Золотом наград светится грудь каждого из них. Жаль только, что с каждым годом редеют их ряды...

Боль и гордость поселились в их душах, а еще забота о дне завтрашнем: как будут жить дети, внуки и правнуки? Захар Ефимович Голубцов родился в 1923 году. Когда грянула Великая Отечественная, он уже в ноябре 1941 года был призван в армию. Ему только что исполнилось восемнадцать.

3 мая 1942 года в составе 309-й стрелковой дивизии выехали на фронт. Недалеко от Воронежа, на станции Икорец, что вольно раскинулась на берегу Дона, принял боевое крещение, — пишет в своем письме в редакцию Захар Ефимович, проживающий ныне в селе Романовка.

В сентябре здесь же на Дону был ранен, получил ранение и мой земляк из Екатериновки М. Верстин. После выздоровления и выписки из госпиталя был направлен в село Щучье. Так до 14 января 1943 года сдерживали противника на Дону, а затем советские войска прорвали оборону немцев и перешли в наступление. При освобождении Украины, города Белгорода, снова получил ранение, и, что досадно, опять в ногу только не в левую, как в 1942-ом, а в правую.

После выздоровления попал в 101-ю танковую бригаду. Участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Лично уничтожил два вражеских танка, за что был представлен к награде орденом Отечественной войны I степени. 11 июля 1943 года — тяжелое ранение в голову, потеря зрения. Увезли в госпиталь города Казани, долгое лечение, операции, а затем инвалидность.

Так для меня окончилась война, но до сих пор хранит память ужасы тех фронтовых лег. Часто вспоминаю друзей: Киреева, Карпушина, Верстина из нашего Идринского района, а также Коновалова, Доценко, Барбаша по госпиталю.

Хочу пожелать всем людям мира и спокойствия, чтобы все споры решались только мирным путем. Пусть наши дети, внуки и правнуки не познают боли потерь родных людей, пусть их минуют ужасы войны. Не забывайте VI нас, тех, кому пришлось перенести беды и страдания войны. Боритесь за мир! Такие вот скупые строки ветерана. Столь же скромно живут ветераны среди нас, люди с большой буквы, у которых за плечами такая

большая и такая трудная жизнь. Они с достоинством перенесли все, что ни посылала им судьба. Несмотря ни на что, они считают, что хорошо прожили эту жизнь. Хочется пожелать ветеранам ВОВ доброго здоровья и долголетия, поблагодарить за мужество и преданность Родине, за беззаветное служение народу в тяжелые годы войны.

Я уверена, люди всех поколений сохранят в своих сердцах уважение и благодарность за ваш ратный подвиг

Л. Розова.

СОДЕРЖАНИЕ

1.Вохмянина Л. Что ты плачешь солдат: (о Гагаркине Л.Д.)// Идринский вестник.-2001.-4 мая.- с.2	2
2. Гуров М.П. А надо жить по правде: (о З.Т.Шелтыгашеве.)/ Идринский вестник.-1993.- 24 сентября.- с.2	4
3. Гуров М.П. В бою и труде: (о Денисенко Н.Д.)// Идринский вестник.-1999.-24 сентября.- с.6	8
4. Гуров М.П. В боях за Кавказ: (о Корчме А.А.)// Идринский вестник.-1995.-2 июня.- с.2	11
5. Гуров М.П. Ветеран войны: (о В.И.Глухове.)// Идринский вестник.-2002.-19 апреля.- с.4	13
6. Гуров М.П. Ветеран из Тоболки: (о Маклакове Х.С.)// Идринский вестник.-2001.-20 апреля.- с.3	15
7. Гуров М.П. Воин и хлебороб: (о Кирееве А.С.)// Идринский вестник.-2000.-21 января.- с.4	17
8. Гуров М.П. Война и служба: (о Воронове Ф.Л.)// Идринский вестник.-1994.-1 июля.- с.2	20
9. Гуров М.П. Второй Прибалтийский: (о Калининне М.И.)// Идринский вестник.-1998.-19 июня.- с.2	25
10. Гуров М.П. Дивизионная батарея: (о Лохмытко Н.М.)// Идринский вестник.-1998.- 8 мая.- с.2	28
11. Гуров М.П. Дорогами войны и труда: (о Глухове В.Д.)// Идринский вестник.-1999.-7 мая.- с.5	31
12. Гуров М.П. Дошел до Берлина: (о Кайкове А.Н.)// Идринский вестник.-1995.-31 января.- с.2	32
13. Гуров М.П. Зенитчица: (о Рысевой Е.Н.) // Идринский вестник.-2002.-12 апреля.-с.5	35
14. Гуров М.П. И все-таки это война: (о Репиленко Ф.А.)// Идринский вестник.-2002.-3 мая.- с.6	37
15. Гуров М.П. Кавалерист Шикарев: (о Шикареве М.Ф.)// Идринский вестник.-1996.-4 августа.- с.4	38
16. Гуров М.П. Карельский перешеек: (о Ирекаеве В.В.)// Идринский вестник.-1994.-2 сентября.- с.2	40
17. Гуров М.П. Мулин и Курилы: (о Дедаш Е.Г.)// Идринский вестник.-2000.-21 апреля.- с.2	44

18. Гуров М.П. На Востоке тоже воевали: (о Багаеве И.Е.)// Идринский вестник.- 1994.-22 февраля.- с.4	46
19. Гуров М.П. На криворожском направлении: (о Мачалове В.М.)// Идринский вестник.-1999.-28 мая.- с.5	49
20. Гуров М.П. На Смоленском направлении: (о Усенко М.А.)// Идринский вестник.- 1994.-25 ноября.- с.2	54
21. Гуров М.П. На фронте и в тылу: (о Кожевяткине В.А.)// Идринский вестник.- 2002.-21 июня.- с.2	58
22. Гуров М.П. На хинганском направлении: (о Петухове П.П.)// Идринский вестник.-2001.-27 апреля.- с.2	60
23. Гуров М.П. Огненные годы: (о Котове И.Ф.)// Идринский вестник.-2000.- 11 августа.- с.4	61
24. Гуров М.П. Память на всю жизнь: (о Соболеве А.Л.)// Идринский вестник.-1993.- 17 декабря.- с.3	63
25. Гуров М.П. Память о войне: (о Дубовике Л.Д.)// Идринский вестник.-1996.-7 мая.- с.2)	67
26. Гуров М.П. Память о муже: (о Гагаркине А.Н.)// Идринский вестник.-2000.- 25 февраля.- с.5	70
27. Гуров М.П. Подвиг народа бессмертен: (о Грязнове С.И.)// Идринский вестник.- 1994.-25 ноября.- с.2	73
28. Гуров М.П. Поти-военный порт: (о Гагаркине А.Д.)// Идринский вестник.-2000.- 4 апреля.- с.4	75
29. Гуров М.П. Пути -дороги: (о Мирошкине И.А.)// Идринский вестник.-1997.- 18 марта.- с.2	77
30. Гуров М.П. Солдат войны: (о Глухове А.М.)// Идринский вестник.-1999.- 9 апреля.- с.2	85
31. Гуров М.П. Солдатские километры: (о Глухове Р.И.)// Идринский вестник.-1994.- 22 апреля.- с.2	90
32. Гуров М.П. Судьба героя: (о Максимове Ф.Г.)// Идринский вестник.-1996.- 8 октября.- с.3	93
33. Гуров М.П. Судьба солдата: (о Гольцеве А.А.)// Идринский вестник.-1998.-5 мая.- с.2	98
34. Гуров М.П. Счастливая винтовка Николая Ильина: (о Ильине Н.Е.)// Идринский вестник.-2000.-22 сентября.- с.2	

35. Гуров М.П. Танкист Иван Морозов: (о Морозове И.Т.)// Идринский вестник.- 1994.-4 ноября.- с.2	104
36. Гуров М.П. Утраченные годы: (о Коннике В.Ф.)// Идринский вестник.-1993.- 22 октября.- с.2	110
37. Гуров М.П. Фронтальная телефонистка (о Лапкаевой К.П.) / Идринский вестник.- 2021.-27 июня.- с.3	114
38. Гуров М.П. Фронтowymi дорогами (о Кузнецове В.П.) //Идринский вестник.- 2001.-4 мая.- с. 3	116
39. Гуров М.П. Эти трудные годы войны: (о Емашове В.С.)// Идринский вестник.- 1995.-30 июня,4 июля.- с.2	118
40. Дорофеева Н.В. « Я шел к тебе четыре года...»: (о Соколове В.П.)// Идринский вестник.-2000.-5 мая.- с.5	123
41. Ковалев А.И. Полвека они делят радость и горе: (о супругах А.А. и Е.А. Елисеевых) // Идринский вестник.-2001.-29 июня.- с.3	125
42. Леонидов В. И солдат и труженник: (о Старцеве И.А.)// Идринский вестник.- 2000.-29 сентября.- с.3	127
43. Летягина М.М. Всё остается в памяти: (о Летягине Н.Ф.)// Идринский вестник.- 2000.- 5 мая.- с.6	128
44. Минин В. Орден за войну: (о Кузнецове П.)/ / Идринский вестник.-2000.- 4 февраля.- с.5	129
45. Николаева Н. (Поташова Н.Н.) Во имя жизни: (о Шиповалове В.М.)// Идринский вестник.-1994.- 25 апреля.- с.8	132
46. Прокопьев М. (Гуров М.П.) Разведчик Иван Павлов: (о Павлове И.Л.)// Идринский вестник.-2000.-5мая.- с.3	134
47. Прокопьев М. (Гуров М.П.) Снаряды падали на Брест: (о Соколове А.И.)// Идринский вестник.-2001.-4 мая.- с.3	135
48. Розова Л. (Анюшина Л.Г.) Скупые строки ветерана: (о Голубцове З.К.)// Идринский вестник.-2000.-14 апреля.- с.4	138

Именной указатель

1. Багаев И.Е.....	46
2. Воронов Ф.Л.....	20
3. Гагаркин А.Д.....	75
4. Гагаркин А.Н.....	70
5. Гагаркин Л.Д.....	2
6. Глухов А.М.....	85
7. Глухов В.Д.....	31
8. Глухов В.И.....	13
9. Глухов Р.И.....	90
10. Голубцов З.К.....	138
11. Гольцев А.А.....	98
12. Грязов С.И.....	73
13. Дедаш Е.Г.....	44
14. Денисенко Н.Д.....	8
15. Дубовик Л.Д.....	67
16. Емашов В.С.....	118
17. Елисеевы А.А. и Е.А. супруги.....	125
18. Ильин Н.Е.....	102
19. Ирекаев В.В.....	40
20. Кайков А.Н.....	32
21. Калинин М.И.....	25
22. Киреев А.С.....	17
23. Кожеваткин В.А.....	58
24. Конник В.Ф.....	110
25. Корчма А.А.....	11
26. Котов И.Ф.....	61
27. Кузнецов В.П.....	116
28. Кузнецов П.....	129
29. Лапкаева К.П.....	114
30. Летягин Н.Ф.....	128
31. Лохмытко Н.М.....	28
32. Маклаков Х.С.....	15
33. Максимов Ф.Г.....	93
34. Мачалов В.М.....	49
35. Мирошкин И.А.....	77
36. Морозов И.Т.....	104
37. Павлов И.Л.....	134
38. Петухов П.П.....	60
39. Репиленко Ф.А.....	37
40. Рысева Е.Н.....	35
41. Соболев А.Л.....	63
42. Соколов А.И.....	135
43. Соколов В.П.....	123
44. Старцев И.А.....	127
45. Усенко М.А.....	54
46. Шелтыгашев З.Т.....	4
47. Шикарев М.Ф.....	38
48. Шиповалов В.М.....	132

